

ТАЙСОН (АВТОБИОГРАФИЯ)
БЕСПОЩАДНАЯ ИСТИНА

18+

Майк Тайсон

Беспощадная истина

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8500995
Тайсон, Майк. Беспощадная истина: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-76481-5

Аннотация

Невероятно искренняя, brutальная и драматичная автобиография Майка Тайсона. Он стал легендой мирового бокса, но его жизнь вне ринга была не менее яростной и бесшабашной, чем его бои.

В Майке Тайсоне уживаются несколько личностей – безжалостный боец и ироничный философ, осужденный преступник и бродвейский шоумен, ранимый подросток и неумный бабник... Парнишка из гетто, ставший самым молодым абсолютным чемпионом мира в тяжелой весовой категории, принявший это как должное – и так и не научившийся с этим жить. Миллионер, в одночасье оказавшийся нищим, осужденный за преступление, которое не совершал, и вышедший безнаказанным из таких передраг, которые грозили ему пожизненным заключением. Алкоголик и наркоман, сумевший обуздать своих демонов.

Он был абсолютно беспощаден к своим противникам на ринге. Он и теперь абсолютно беспощаден к себе и к читателю. Но только такая безжалостная искренность и позволила ему примириться с самим собой, восстановить достоинство и самоуважение, обрести любовь и семью.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	12
Глава 2	30
Глава 3	49
Глава 4	68
Глава 5	88
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Майк Тайсон

Беспощадная истина

*Эта книга посвящена всем отверженным.
Всем, кто когда-либо был увлечен и обманут,
поражен в правах и обездолен,
усмирен и сломлен,
укрощен и оклеветан.
И всем тем, кто неспособен воспринять любовь.*

Undisputed Truth

Mike Tyson with Larry Sloman

© Tyrannic Literary Company LLC, 2013

© Перевод на русский язык. Мовчан А.Б., 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес
(www.litres.ru)

Пролог

Почти все шесть недель после признания меня виновным в изнасиловании и до вынесения мне приговора я провел, разъезжая по стране и развлекаясь со своими подружками. Так я хотел проститься с ними. А когда их со мной не оказывалось, я отбивался от женщин, которые приставали ко мне. Где бы я ни появлялся, всегда находились дамы, которые могли запросто подойти ко мне и предложить: «Ну, пошли! Я не собираюсь заявлять, что ты меня изнасиловал. Можешь смело пойти со мной. Я позволю тебе даже заснять все». Уже позже я понял, что таким образом они хотели сказать мне: «Мы знаем, что ты не совершал этого». Но тогда я не воспринимал их предложения в таком ключе. Полный негодования, я отвечал резко и грубо. Я был слишком удручен, чтобы осознать, что меня просто пытались поддержать. Я был дремучим, шальным, озлобленным малым, которому предстояло еще взростеть и взростеть.

Некоторые причины моего гнева были все же объяснимы. Я был двадцатипятилетним пареньком, которому светило провести в тюрьме шестьдесят лет за преступление, которого он не совершал. Позвольте мне повторить то, что я уже говорил и перед большим жюри, и в ходе судебного разбирательства, и при вынесении мне приговора, и на слушании дела о моем досрочном освобождении, и после того, как я вышел из тюрьмы. Я буду утверждать это до конца своих дней: я не насиловал Дезире Вашингтон. Она знает это, и Всевышний знает это, и это останется на ее совести до конца ее жизни.

Мой промоутер, Дон Кинг, уверял, что с меня будут сняты все обвинения. Он утверждал, что, не афишируя своих усилий, делает все возможное, чтобы дело развалилось. Кроме того, он нанял Винса Фуллера, по его утверждению, лучшего адвоката, которого можно приобрести за миллион. В итоге Винс оказался просто налоговым поверенным Дона. И Дон, вероятно, так и остался ему должен.

Я, однако, с самого начала знал, что не добьюсь справедливости. Ведь меня судили не в Нью-Йорке или Лос-Анджелесе – суд состоялся в Индианаполисе, штат Индиана, в одном из исторических оплотов ку-клукс-клана. Моя судья, Патриция Гиффорд, ранее в качестве прокурора специализировалась на расследовании преступлений на сексуальной почве и была известна как «судья-вешатель». Меня признал виновным суд присяжных «равного со мной социального статуса», в котором было только двое черных. Еще один черный из состава суда был освобожден судьей от своих обязанностей после пожара в гостинице, где остановились члены суда. Она отклонила его кандидатуру, мотивировав это его «психическим состоянием». О да, его психическое состояние заключалось в том, что ему не понравилась еда, которую ему подали!

На мой взгляд, по статусу мне не было равных. Я был самым молодым чемпионом в тяжелом весе в истории бокса. Я был титаном, реинкарнацией Александра Македонского. Мой стиль ведения боя был стремительным, защита неуязвимой, а я сам – неудержимым и яростным. Это удивительно, как низкая самооценка и чрезмерное самомнение могут привести к мании величия. Но после судебного разбирательства этому идолу пришлось вновь притащить свою черную задницу в суд для вынесения ей приговора.

Сначала, однако, у меня была попытка некоего «божественного вмешательства». Кэлвин, мой близкий друг из Чикаго, рассказал мне об одной женщине-маге, которая знала заклинание, способное спасти меня от тюрьмы.

– Помочись в банку, положи туда пять долларовых купюр, поставь банку под кровать на три дня и затем принеси ей. Она вознесет над ней молитву за тебя, – растолковал мне Кэлвин.

– То есть ясновидящая курица собирается взять обоссанную пачку сотенных из банки, сполоснуть их и отправиться за покупками. Если тебе дадут сотенную, на которую кто-то посылал, тебе будет по фигуре? – поинтересовался я у Кэлвина. У меня, конечно, была репутация мота, но это было слишком расточительно даже для меня.

Затем приятели свели меня со жрецом вуду. Это оказался какой-то невнятный парень в костюме, не похожий даже на переодетого жреца. Этого засранца следовало бы вымазать в болотной жиже и натянуть на него африканскую дашки¹. Я понял, что этот малый был пустышкой. Он даже не стал заморачиваться на ритуалах. Он просто написал какую-то ерунду на листе бумаги и попытался уломать меня на фигию, которую я не стал делать. Он хотел, чтобы я омылся в чудодейственном масле, помолился и выпил особой воды. Но япил, блин, божественный «Хеннесси» и не собирался разбавлять его водой.

Так что, чтобы исполнить колдовскую чушь, я остановил свой выбор на священнике религии сантерия². Однажды ночью мы пошли к зданию суда с голубем и яйцом. Я разбил яйцо об асфальт, выпустил птицу и прокричал: «Мы свободны!»

Несколько дней спустя я надел свой серый в тонкую полоску костюм и отправился в суд.

После того как вердикт был вынесен, моя сторона защиты от моего имени соорудила доприговорный меморандум. Это был впечатляющий документ. Доктор Джером Миллер, заместитель директора по лечебной части института Огастеса в Вирджинии и один из ведущих экспертов страны по взрослым сексуальным преступникам, изучив меня, пришел к выводу, что я «чувствительный и вдумчивый молодой человек с проблемами, которые являются, скорее, результатом дефектов развития, нежели общей патологии». Он был убежден, что при регулярных сеансах психотерапии мой долгосрочный прогноз будет достаточно благоприятным. Как он отметил в заключении, «тюремный срок замедлит процесс (психологической реабилитации. – *Примеч. ред.*) и, вероятнее всего, повернет его вспять. Я бы настоятельно рекомендовал рассмотреть иные варианты, предусматривающие как профилактические, так и терапевтические возможности». Конечно, инспекторы по надзору за исполнением наказания, которые сводили воедино документы для приговора, проигнорировали последний пункт. Зато они добросовестно включили мнение обвинения о том, что «рассмотрение данного преступления и изучение данного преступника приводит главного следователя по данному делу, опытного детектива, занимающегося расследованием преступлений на сексуальной почве, к заключению, что ответчик склонен к совершению подобных преступлений в будущем».

Мои юристы подготовили приложение, в котором было сорок восемь моих характеристик от совершенно разных людей: от директора моей средней школы, моего социального работника штата Нью-Йорк, вдовы боксера Шугара Рэя Робинсона, моей приемной матери Камиллы, моего спортивного гипнотерапевта и шести моих подружек (а также их матерей), то есть от всех тех, кто вел учетные записи о том, каким я был истинным джентльменом в общении с ними. Одна из первых моих подружек из Катскилла написала судье даже так: «Я три года ждала, чтобы вступить с мистером Тайсоном в сексуальные отношения, и он ни разу ни к чему меня не принудил. Я люблю его за то, что он любит и уважает женщин».

Но, конечно же, Дон не был бы Доном, если бы он в очередной раз не переборщил. У него был преподобный Уильям Ф. Крокетт, Первый императорский церемониальный мастер Древнего арабского ордена благородных мистиков Храма Северной и Южной Америки³,

---

¹ Дашки – яркая рубашка в африканском стиле. – *Здесь и далее примеч. перев.*

² Сантерия – синкретическая религия, распространенная на Кубе, а также в среде афрокубинских эмигрантов в США и других странах; представляет собой верования народа йоруба, смешанные с элементами католичества и африканскими синкретическими религиями.

³ Древний арабский орден благородных мистиков Храма – североамериканское парамасонское общество, основанное

который ради меня написал письмо. Преподобный, в частности, писал: «Умоляю вас пощадить его и не лишать свободы. Хотя я не говорил с Майком со дня суда над ним, мне известно, что он больше не богохульствует и не сквернословит, ежедневно читает Библию, молится и закаляет душу». Конечно, все это было полной фигней. Он даже не знал меня.

Кроме того, было еще личное проникновенное письмо Дона в адрес судьи. После его прочтения могло сложиться впечатление, что я изобрел лекарство от рака, выработал план мира на Ближнем Востоке, а также спас от голодной смерти и излечил кучу больных котятков. Он толковал о том, как я работал в благотворительном фонде «Загадай желание», навещая больных детей. Он сообщил судье Гиффорд, что каждый день Благодарения мы раздавали нуждающимся и голодающим сорок тысяч индеек. А еще он вспомнил, как мы встретились с Симоном Визенталем⁴, и я был так взволнован, что пожертвовал крупную сумму денег, чтобы помочь ему выслеживать нацистских военных преступников. Полагаю, Дон запомнил о том, что ку-клукс-клан ненавидел евреев так же сильно, как и негров.

На протяжении восьми страниц Дон пел мне дифирамбы. «Это весьма необычно для человека его возраста проявлять такую заботу о своем собрате, не говоря уже о глубоких чувствах ответственности и преданности делу, которые ему свойственны. Это богоподобные качества, благородные качества любви, жертвенности и бескорыстия. Он – дитя бога, он один из самых нежных, чутких, заботливых, любящих и понимающих людей, которых я когда-либо встречал в течение двадцати лет своей работы с боксерами». Блин, Дон должен был бы выступить на суде с заключительным словом вместо моего адвоката. Однако Джон Сольберг, представитель Дона по связям с общественностью, в своем письме к судье Гиффорд сразу перешел к сути дела. «Майк Тайсон – не подонок», – констатировал он.

Возможно, я и не был подонком, но спесивым придурком – точно. Я был настолько самонадеян в зале суда во время судебного разбирательства, что у меня не было никаких шансов получить поблажку. Даже в момент вынесения приговора я не был смиренным. Все те вещи, о которых шла речь в этой бумаге – благотворительность деньгами и индейками, забота о людях, уход за слабыми и немощными, – все это я делал потому, что *хотел* быть таким смиренным, но вовсе не потому, что я *был* им. Я страстно хотел быть смиренным, но в моем теле не было ни единой смиренной косточки.

Итак, вооружившись всеми этими характеристиками, 26 марта 1992 года мы предстали перед судьей Патрицией Гиффорд для вынесения мне приговора. Настала очередь свидетелей, и Винс Фуллер вызвал Ллойда Бриджеса, исполнительного директора исправительного центра Риверсайд в Индианаполисе. Моя защита утверждала, что вместо реального тюремного срока мне можно было бы назначить условное наказание с отсрочкой исполнения. Для меня это означало бы испытательный срок в «доме на полпути»⁵, где я должен был бы совмещать лечение с общественно-полезными работами. Бриджес, рукоположенный священнослужитель, как раз осуществлял такую программу, и он подтвердил, что я, безусловно, являюсь весьма подходящим кандидатом для его заведения.

Однако помощник прокурора вывела у Бриджеса, что недавно из его учреждения бежало четверо. А когда она вынудила священника признать, что его собеседование со мной было проведено в моем особняке в штате Огайо и что мы оплатили его авиаперелет, данная идея была обречена. Так что, теперь вопрос заключался только в том, какой именно срок «судья-вешатель» мне впаяет.

в 1870 году.

⁴ Симон Визенталь (1908–2005) – архитектор и общественный деятель, «охотник за нацистами»; посвятил все свои силы поиску нацистских преступников, скрывающихся от наказания.

⁵ «Дом на полпути» – учреждение для реабилитации отбывших наказание заключенных, вылечившихся наркоманов, алкоголиков, психических больных.

И вот Фуллер подошел к судейскому месту. Для него было самое время соткать колдовство на миллион долларов. Вместо этого мы получили его привычную грошовую туфту. «О Тайсоне появилась масса дурных слухов. Газеты поливают его грязью. Не проходит и дня, чтобы в прессе не муссировались его недостатки. Это не тот Тайсон, которого я знаю, потому что на самом деле он чуткий, внимательный, заботливый человек. На ринге он может наводить ужас, но когда он покидает ринг, от этого не остается и следа». Это даже близко не лежало со словоизлияниями Дона Кинга, но это тоже было не так уж плохо. Если только не считать того, что в течение всего судебного процесса Фуллер изображал меня в качестве дикого зверя и неотесанного мужлана, падкого исключительно на сексуальные удовольствия.

Затем Фуллер сменил тему, принявшись расписывать мое нищее детство и мое знакомство с легендарным тренером по боксу Касом Д'Амато.

– Но в этом-то и заключается своего рода трагедия, – изрек он. – Ведь Д'Амато был сосредоточен только на боксе. Тайсон как человек отступал для него на второй план в его стремлении обеспечить Тайсону боксерскую славу.

Камилла, которая много лет была спутницей Каса, была оскорблена подобным заявлением. Фуллер словно помочился на могилу моего наставника Каса. Фуллер продолжал разглагольствовать, но его речь была такой же бессвязной, как и в течение всего судебного разбирательства.

Теперь настал мой черед обратиться к суду. Я поднялся и встал за трибуну. Я толком даже не подготовился, у меня не было никаких записей. Я лишь держал в руке нелепый листок бумаги того жреца вуду. И я знал только одно: я не собирался извиняться за то, что произошло в ту ночь в моем номере в отеле. Я уже принес извинения прессе, суду, другим конкурсанткам шоу «Мисс Черная Америка», на котором я познакомился с Дезире, но эти извинения не касались моих действий в гостиничном номере.

– Мое поведение было несколько бестактным, согласен. Но я никого не насиловал. Я даже не пытался сделать это. Я сожалею.

Я взглянул на Грега Гаррисона, моего прокурора и палача⁶, и продолжил:

– Моя личная жизнь лишена свободы, она стала похожа на какой-то беспробудный кошмарный сон. Я уязвлен. И я здесь не для того, чтобы просить у вас снисхождения, мэм. Я уже готов к худшему. Меня смешали с грязью, я опозорен на весь мир. Я опорочен в общественном мнении. И я просто счастлив, что еще кто-то меня все же поддерживает. Я готов справиться с тем, что вы мне определите.

Я сел за стол защиты, и судья задала мне несколько вопросов на тему о том, каким примером для подражания я являюсь для детей.

– Меня никогда не учили, как следует поступать со своим статусом знаменитости. Я не говорю детям, что надо стремиться быть Майком Тайсоном. Родители всегда являются лучшим примером для подражания, – ответил я ей.

Затем слово дали обвинению. Вместо деревенщины Гаррисона, который приводил доводы против меня в ходе судебного разбирательства, поднялся его босс, Джеффри Модисэт, прокурор округа Мэрион. Он десять минут распространялся насчет того, что мужчины, вкусившие богатства и славы, не должны пользоваться особыми привилегиями. Затем он зачитал письмо Дезире Вашингтон: «В ранний утренний час 19 июля 1991 года произошло посягательство как на мое тело, так и на мою психику. Я была физически подавлена до такой степени, что мне стало казаться, будто меня лишили самого сокровенного: моей личности. Взамен того, что было моими восемнадцатью годами, у меня теперь ощущение

---

⁶ В оригинале – игра слов, основанная на их созвучности: в переводе с английского языка *prosecutor* – «прокурор», *persecutor* – «преследователь», «гонитель».

холода и пустоты. Я абсолютно не знаю, что ожидает меня впереди. Могу только сказать, что после того, как я была изнасилована, каждый день превратился для меня в борьбу: надо снова научиться доверять, улыбаться так, как я делала это раньше, и найти ту Дезире Линн Вашингтон, которая была украдена у самой меня и у тех, кто любил меня до 19 июля 1991 года. Что же касается той боли, которую причинил мне насильник, то бог даровал мне мудрость увидеть, что он психически болен. Хотя иногда я плачу, когда я вижу боль в своих глазах, я способна испытать сострадание к своему насильнику. Я всегда желала и продолжаю желать, чтобы он прошел реабилитацию».

Модисэт положил письмо и продолжил:

– Со дня вынесения ему приговора Тайсону пока еще не вынесено никакого наказания. И сейчас весь мир замер в ожидании: существует ли у нас хоть какая-то система правосудия. Следует признать, что проблема существует: надо исцелить этого больного человека. Майк Тайсон, насильник, не должен оставаться на свободе.

И затем в целях моего исцеления он предложил провести мне за решеткой от восьми до десяти лет.

Теперь настал черед Джима Войлеса говорить от моего имени. Войлес был местным адвокатом, нанятым Фуллером в качестве юридического консультанта. Он был отличным парнем, отзывчивым, толковым и веселым. Это был единственный адвокат с моей стороны, с которым я ладил. Кроме всего прочего, он был приятелем судьи Гиффорд и южанином, который мог апеллировать к суду Индианаполиса. «Доверимся этому парню!» – предложил я Дону в самом начале судебного процесса. Войлес мог бы повернуть дело в мою пользу. Но Дон и Фуллер одурачили его: они не позволили ему сделать что-либо. Во время судебного разбирательства они не дали ему сказать ни слова. Джим был чрезвычайно расстроен. В разговоре с одним из друзей он назвал себя «самым высокооплачиваемым в мире пластиковым органайзером». Теперь он, наконец-то, смог выступить. Он горячо высказался за мою реабилитацию вместо тюремного заключения, но это была речь для глухих. Судья Гиффорд уже приняла для себя решение.

Она начала с комплиментов по поводу моей общественной деятельности, моего общения с детьми и моей «благотворительности». Но затем она разразилась напыщенными тирадами об «изнасиловании на свидании», подчеркнув, что питает отвращение к этому термину:

– Мы смогли обозначить, что, несомненно, можно осуществлять то, что вы намерены осуществить, если вы, четко осознавая последствия, назначаете женщине свидание. Закон дает очень четкое определение изнасилованию. Он нигде не упоминает, должны ли подсудимый и потерпевшая быть каким-либо образом связаны друг с другом. «Свидание» при изнасиловании на свидании ничуть не умаляет того факта, что изнасилование все-таки имело место⁷...

Во время этой лекции мой ум блуждал неизвестно где. Произносимое не имело ко мне никакого отношения. Мы не были на свидании: это была, как сказал бы великий комик Билл Беллами, встреча ради секса. И этим все было сказано. Затем я, однако, вновь сосредоточился на происходящем.

– ... У меня складывается ощущение, что существует риск рецидива с его стороны в силу его отношения к этому, – сказала судья и уставилась на меня. – У Вас нет ранее совершенных преступлений, вы наделены многими способностями. Но вы оступились...

Она сделала паузу и произнесла:

– ... По первому пункту обвинения я приговариваю вас к десяти годам...

---

⁷ Суть этой юридической казуистики в том, что понятие «свидание» подразумевает, что между встречающейся парой существуют романтические отношения, которые потенциально могут перерасти в сексуальную связь, но в случае изнасилования эти отношения не могут служить оправданием насильнику.

«Е... ная сука!» – пробормотал я еле слышно. Я почувствовал, что впадаю в ступор. По этому пункту я обвинялся в изнасиловании. «*Блин, наверное, я выпил той самой особой воды вуду*», – подумал я.

– ... По второму пункту обвинения я приговариваю вас к десяти годам...

Дон Кинг и мои друзья в зале суда громко ахнули. По этому пункту я обвинялся в использовании пальцев. Пять лет для каждого пальца.

– ... По третьему пункту обвинения я приговариваю вас к десяти годам...

А это – за использование языка. В течение двадцати минут. Это был, вероятно, мировой рекорд по самому продолжительному куннилингусу, осуществленному во время изнасилования.

– ... Наказания будут исполняться одновременно, – продолжала судья. – Я налагаю на вас максимальный штраф в тридцать тысяч долларов. Я сокращаю срок исполнения наказания на четыре года, определяя для вас четырехлетний испытательный срок. В течение этого времени вы будете выполнять психоаналитическую программу доктора Джерома Миллера и отрабатывать сто часов общественно полезных работ, включая воспитательную работу среди молодежи по борьбе с правонарушениями.

Вскочил Фуллер и заявил, что мне должна быть предоставлена возможность быть отпущенным под залог на то время, пока Алан Дершовиц, известный адвокат, не подготовит мою апелляцию. Дершовиц сидел тут же в зале суда, наблюдая за вынесением приговора. После Фуллера слово взял Гаррисон, это ковбойское быдло. Позже многие утверждали, что я стал жертвой расизма. Но я думаю, что Модисэт и Гаррисон действовали так скорее ради блеска славы. Их, действительно, не интересовал результат судебного процесса, они просто жаждали увидеть свои имена в прессе и называться «большими шишками».

Итак, поднялся Гаррисон и заявил, что я являюсь «преступником, виновным в изнасиловании, склонным к насилию и способным повторно совершить преступление. Если не удастся препроводить подсудимого в место лишения свободы, мы тем самым умалим серьезность преступления, дискредитируем правоохранительную деятельность, подвергнем опасности других невинных людей и позволим виновнику продолжить свой преступный образ жизни».

Судья Гиффорд согласилась. Никакого освобождения под залог. Это означало, что я направлялся напрямик в тюрьму. Гиффорд уже была готова ударом молотка объявить дело закрытым, когда в зале суда возник переполох. Дершовиц защелкнул свой портфель и бросился вон из зала, бормоча: «Я все-таки позабочусь о том, чтобы свершилось настоящее правосудие». Возникло некоторое замешательство, затем судья грохнула своим молоточком по столу. Все было решено. Подошел шериф округа, чтобы взять меня под стражу. Я встал, отстегнул часы, снял ремень и передал их Фуллеру вместе с бумажником. Две мои подруги в первом ряду плакали навзрыд. «Мы любим тебя, Майк», – рыдали они. Камилла поднялась и направилась к столу защиты. Мы обнялись на прощание. Затем шериф вывел Джима Войлеса и меня из зала суда через заднюю дверь.

Они повели меня вниз, в участок для регистрации арестованных. Там меня обыскали, сняли отпечатки пальцев и сфотографировали. Снаружи была толпа репортеров, подстерегавших вокруг автомашины, в которой я должен был отправиться в тюрьму.

– Когда выйдем, прикройте наручники плащом, – посоветовал мне Войлес.

Он серьезно? Оцепенение постепенно покидало меня, уступая место гневу. Неужели мне должно быть стыдно показаться в наручниках? Это был знак почета.

Если бы я скрыл свои браслеты, я был бы сукой. Джим думал, что утаивание наручников должно избавить меня от чувства стыда, но именно *это* и явилось бы позором. Все должны были видеть меня с этим железом на руках. Нах... й всех остальных! Те, кто пони-

мает меня, должны были увидеть меня с этими железяками. Я собирался пройти школу мужества.

Мы вышли из здания суда и направились к машине. Я гордо держал свои наручники высоко поднятыми. И я ухмылялся, как бы говоря: «Вы верите в это дерьмо?» Эта фотография была на первых страницах газет всего мира. Я сел в полицейскую машину, и Джим протиснулся рядом со мной на заднее сиденье.

– Ну что, деревенщина, теперь только ты и я, – пошутил я.

Нас привезли в диагностический центр, чтобы определить, в тюрьму какого уровня безопасности⁸ меня направить. Они раздели меня донага, заставили наклониться и произвели досмотр полостей тела. Дали мне что-то, похожее на дерьмовую пижаму и шлепанцы. И затем меня отправили в Молодежный центр в Плэйнфилде, штат Индиана, заведение для правонарушителей второго и третьего уровня.

К тому времени, как я добрался до конечного пункта назначения, я был просто взбешен. Я собирался показать этим ублюдкам, как надо мотать срок. Я был намерен делать это по-своему. Это смешно, но мне потребовалось немало времени, чтобы осознать, что та маленькая белая женщина-судья, которая отправила меня в тюрьму, возможно, спасла мне жизнь.

---

⁸ В США пенитенциарные учреждения имеют уровни безопасности от 1 до 4.

Глава 1

У нас были терки с парнями, которые называли себя «Пумами». Шел 1976 год, я жил в Браунсвилле, Бруклин, а эти ребята обитали по соседству. В то время я водился с компанией с улицы Ратленд-роуд, которые звались «Кэтс», шайка пацанов-латиносов из близлежащего района Краун-Хайтс. Мы совершали кражи со взломом, и у некоторых наших криминальных приятелей были стычки с «Пумами», поэтому мы пошли в парк поддержать их. Обычно мы не имели дела с оружием, но это были наши хорошие друзья, так что мы украли кучу разной фигни: какие-то пистолеты, 357-й «магнум» и винтовку «М1» со штыком времен Первой мировой войны. Никогда не знаешь, на что наткнешься, когда грабишь какой-нибудь дом.

Итак, мы шли по улице со своим оружием, и никто не наезжал на нас, и не было видно копов, готовых остановить нас. У нас даже не было сумки, чтобы положить туда винтовку, так что мы просто несли ее по очереди, меняясь через несколько кварталов.

– Эй, вон он идет! – сказал мой друг Рон-Гаитянин. – Парень в красных кроссовках «Пума» и с красным воротником.

Рон заметил парня, который был впереди нас. Когда мы рванули, огромная толпа в парке расступилась, словно Красное море перед Моисеем. И хорошо, что они это сделали, потому что, бах, один из моих приятелей выстрелил. Все заметались, услышав выстрел.

Мы продолжали идти, и я понял, что некоторые из «Пум» укрылись между машинами, припаркованными на улице. Винтовка была как раз у меня, и, быстро обернувшись, я увидел здоровяка с направленным на меня пистолетом.

– Что, е... твою мать, ты здесь делаешь? – спросил он меня. Это был мой старший брат Родни. – Выметайся отсюда к е... ням собачим!

И я пошел, куда мне было велено. Выйдя из парка, я отправился домой. Мне было десять лет.

* * *

Я часто повторяю, что в своей семье я был паршивой овцой. Но когда я размышляю над этим, я понимаю, что на самом деле я был весьма смирным ребенком большую часть своего детства. Я родился в больнице «Камберленд» в бруклинском районе Форт-Грин, Нью-Йорк, 30 июня 1966 года. Мои самые ранние воспоминания связаны с больницей: я постоянно болел в связи со слабыми легкими. Однажды, чтобы привлечь внимание, я сунул палец в какой-то септик для канализации, а затем облизал его. Понятное дело, меня притащили в больницу. Я помню, как моя крестная подарила мне игрушечный пистолет, когда я там лежал, но подозреваю, что я его сразу же сломал.

Я не так много знаю о своих семейных корнях. Моя мать, Лорна Мэй, был жительницей Нью-Йорка, но родилась она на юге, в штате Вирджиния. Мой брат однажды съездил на юг, чтобы побывать в местах, где выросла мама. Он сказал, что там не было ничего, кроме стоянок для жилых автоприцепов. То есть я на самом деле ниггер со стоянки для жилых автоприцепов. Моя бабушка Берта и моя двоюродная бабушка работали на одну белую леди еще в тридцатые годы, когда большинство белых не взяли бы к себе на работу черных, и Берта с сестрой были ей настолько признательны, что обе назвали своих дочерей Лорна – в честь той белой леди. На деньги от той работы Берта смогла послать своих детей на учебу в колледж.

Возможно, я получил семейный нокаутирующий ген от своей бабушки. Двоюродная сестра моей матери Лорна рассказала мне, что муж в той семье, на которую работала Берта, поколачивал свою жену, и Берте это не нравилось. А Берта была крупной женщиной.

– Не вздумай тронуть ее, – сказала она ему как-то.

Он воспринял это как шутку. Тогда она влепила ему кулаком так, что он брякнулся на задницу. На следующий день, встретивши Берту, он поинтересовался: «Как поживаете, мисс Прайс?» Он перестал бить жену и стал другим человеком.

Моя мама всем очень нравилась. Когда я родился, она работала кастеляншей в женском следственном изоляторе в Манхэттене и одновременно училась на преподавателя. Она уже три года обучалась в колледже, когда познакомилась с моим папой. Он заболел, и ей пришлось бросить учебу, чтобы ухаживать за ним. Для образованного человека она не очень хорошо разбиралась в мужчинах.

О семье своего отца я знаю немного. На самом деле, я практически ничего не знаю о своем отце. Или о том человеке, который, как мне сказали, был моим отцом. В моем свидетельстве о рождении указано, что моим отцом являлся Персел Тайсон. Единственная проблема заключалась в том, что мой брат, моя сестра и я – мы никогда не встречали этого парня.

Всем нам сказали, что нашим биологическим отцом был Джимми «Чубчик»⁹ Киркпатрик-младший. Но едва ли он сам был в курсе этого дела. С течением времени до меня дошли слухи, что Чубчик был сутенером и зачастую принуждал женщин к соответствующему занятию. Затем, ни с того ни с сего, он начал называть себя диаконом в церкви. Поэтому каждый раз, когда я слышу, как кто-либо называет себя преподобием, я говорю: «Отче-тире-сутенер». Если всерьез задуматься над этим, то станет ясно, что у этих набожных парней, действительно, нюх сутенера. Они могут любого в церкви заставить сделать все, что захотят. Так что, для меня люди этого сорта всегда «епископ-тире-сутенер» или «преподобный-тире-сутенер».

Чубчик периодически приезжал туда, где мы жили. Он и моя мать никогда не разговаривали друг с другом. Он просто сигнализировал, а мы спускались вниз и встречались с ним. Дети набивались в его «Кадиллак», и мы думали, что сейчас мы поедем на экскурсию на Кони-Айленд или Брайтон-Бич, но он несколько минут катался по кварталу, затем возвращался к нашему дому, давал нам немного денег, целовал мою сестру, тряс руку мне и моему брату – и на этом все завершалось. Следующий раз я мог увидеть его уже в следующем году.

Вначале я жил в районе Бэд-Стай¹⁰ в Бруклине. Тогда это был вполне приличный рабочий район. Все знали друг друга. Все было вполне нормально, но отнюдь не спокойно. Каждую пятницу и субботу в доме было как в Вегасе. Мама устраивала карточные вечеринки и приглашала всех своих подруг, многие из которых промышляли разным нелегальным бизнесом. Она отправляла своего дружка Эдди купить ящик спиртного, они разбавляли его водой и продавали рюмками. Выигрыш с каждой четвертой партии шел в общий котел. Таким вот образом в доме и водились деньги. Мама готовила куриные крылышки. Брат вспоминал, что, кроме шлюх, бывали и бандиты, и детективы. Кого там только не было.

Когда у матери водились кое-какие деньги, она любила пускать пыль в глаза. Она была великим организатором, и у нее всегда была куча подруг, а также мужчин. И все пили, пили, пили. Она не курила марихуаны, но все ее друзья делали это, и она доставала им наркотики. Она курила сигареты, марки «Кул 100»¹¹. Подруги моей мамы были проститутками или, по крайней мере, женщинами, которые спали с мужчинами за деньги. Женщины легкого поведения невысокого уровня, даже не уличного. Перед тем как идти к своим мужчинам, они

---

⁹ В оригинале прозвище Curlee – «Кучерявый».

¹⁰ Просторечное название бруклинского района Бэдфорд-Стайвесент.

¹¹ Ментоловые удлиненные сигареты.

оставляли у нас своих детей. Когда они возвращались забрать их, одежда у них зачастую была в крови, и тогда мама помогала им отчиститься. Однажды я пришел домой, а там был белый ребенок. *«Что, черт возьми, это здесь еще за дерьмо?»* – подумал я. Такова была моя жизнь.

Мой брат Родни был на пять лет старше меня, так что у нас было мало что общего. Он был странным чуваком. Мы были черными парнями из гетто, а он был похож на ученого: возился с какими-то пробирками, постоянно экспериментировал. У него даже была коллекция монет. Типа, «белые занимаются такими вещами».

Однажды он пришел в химическую лабораторию в Институте Пратта, рядом с колледжем, и взял там какие-то химические препараты для эксперимента. Через несколько дней, когда он вышел из дома, я пробрался в его комнату и добавил в его пробирки воды. От взрыва вылетело окно, выходящее во двор, и в комнате начался пожар. После этого он поставил замок на своей двери.

Я устраивал ему много каверз, но для него это были привычные шалости, к которым он относился спокойно. Кроме того дня, когда я порезал его бритвой. Он поколотил меня за что-то и затем улегся спать. Я со своей сестрой Дениз смотрел очередную «мыльную оперу» про больницу, где в одной из серий делали операцию. «Мы тоже так можем, а Родни может быть пациентом. Я буду врачом, а ты – медсестрой», – сказал я сестре. Итак, мы закатали рукава и приступили к работе над его левой рукой. «Скальпель», – велел я, и сестра подала мне бритву. Я слегка полоснул по его руке, пошла кровь. «Медсестра, нужен спирт», – скомандовал я. Дениз передала мне алкоголь, и я полил на его порезы. Он проснулся, пронзительно вопя, и погнался за нами по всему дому. Я спрятался за маму. У него и по сей день от нашей шалости остались шрамы.

Порой мы отлично проводили вместе время. Однажды мы с братом прогуливались по Атлантик-авеню, и он сказал: «Давайте пойдем на фабрику пончиков». Раньше он украл там несколько пончиков и, подозреваю, хотел похвастаться мне, что снова может это сделать. Мы подошли, ворота были открыты. Он вошел и взял несколько коробок с пончиками, но ворота оказались уже закрыты. Он там застрял, а уже подходили охранники. Он передал мне пончики, и я рванул вместе с ними домой. Мы с сестрой сидели на крыльце и уминали эти пончики. Наши лица были белыми от сахарной пудры. Наша мама стояла рядом с нами и разговаривала с соседкой.

– Мой сын одним из лучших сдал тест для поступления в Бруклинскую техническую¹², – хвасталась она подруге. – Он такой замечательный ученик, лучший в классе.

И тут подъехал полицейский автомобиль, в котором был Родни. Они собирались высадить его у самого дома, но он услышал, как бахвалилась мама, и сказал копам, чтобы они ехали дальше. И они привезли его прямо в Спофффорд, исправительный центр для несовершеннолетних. Я же с сестрой с удовольствием прикончил те самые пончики.

Я проводил большую часть своего времени с сестрой Дениз. Она была на два года старше меня, и ее любили все в округе. Если она была твоим другом, то это был твой лучший друг. Но если она была твоим врагом, тебе лучше было перейти на другую сторону улицы. Мы делали пирожные с мороженым и орехами, мы смотрели фильмы про рестлинг и каратэ и ходили в магазин вместе с мамой. Это была прекрасная жизнь. Но затем, когда мне было всего семь лет, наш мир перевернулся вверх тормашками.

Начался экономический кризис, мама потеряла работу, и нас выселили из нашей прекрасной квартиры в Бэд-Стай. Пришли люди и вынесли всю нашу мебель на улицу. Мы, трое детей, сидели и охраняли ее, чтобы никто не стащил что-нибудь, пока мама искала, где

---

¹² Бруклинская Высшая техническая школа, престижная государственная специализированная естественно-научная средняя школа.

бы нам приткнуться. Пришли знакомые дети и поинтересовались: «Майк, почему это ваша мебель здесь, а, Майк?» И мы ответили им, что мы переезжаем. Затем соседи увидели нас и принесли нам тарелки с едой.

Мы оказались в Браунсвилле. Почувствовать разницу можно было легко. Люди были громче и агрессивнее. Это было ужасное, жестокое, отвратительное место. Моя мама не привыкла к тому, что вокруг ошивается этот тип агрессивных черных. Она была напугана, как и мы с братом и сестрой. Все вокруг было враждебным, там не было места тонким материям. Постоянно куда-то мчались копы с воем сирен, постоянно кого-то забирала «Скорая помощь», постоянно слышалась стрельба. Людей пыряли ножами, окна разбивали. Однажды нас с братом ограбили прямо перед нашим домом. Для нас уже стало привычно наблюдать, как эти парни пуляют друг в друга напропалую. Все это напоминало фильмы со старым добрым Эдвардом Г. Робинсоном¹³. Насмотревшись на все это, можно было воскликнуть: «Ух ты, это происходит на самом деле!»

Весь квартал был также рассадником распутства и похоти. Казалось, многие там не были стеснены никакими условностями. На улице нередко можно было услышать: «Отсоси у меня!», «Полижи мою мохнатку!» Это была совершенно другая обстановка. Как-то один малый затащил меня с улицы в заброшенное здание и стал приставать ко мне. На этих улицах я никогда не чувствовал себя в безопасности. По большому счету, мы не были в безопасности даже в собственной квартире. Когда мы оказались в Браунсвилле, мамини вечеринки прекратились. Мама обзавелась несколькими подружками, но веселой суеты и посиделок, как в Бэд-Стай, она уже не устраивала. Поэтому она начала сильно пить. Она не нашла другой работы, и я хорошо помню ожидание с мамой в длинных очередях в центре социального обеспечения. Мы ждали и ждали часами, и когда мы были уже совсем рядом, наступало пять часов, и они закрывались, б... дь, прямо перед тобой, совсем как в кино.

В Браунсвилле нас тоже постоянно выселяли. Это случалось несколько раз. Иногда мы оказывались во вполне приличном месте, встречая на какое-то время друзей, а мама – очередного бой-френда. Но чаще всего при очередном переезде условия становились все хуже – от плохого к худшему и к совсем х... вому. В конечном итоге мы селились уже в домах, подлежащих сносу, без тепла, без воды, электричество – если повезет. Зимой мы все четверо спали в одной постели, чтобы согреться. Мы оставались там до тех пор, пока какой-нибудь малый не приходил и не выгонял нас. Мама делала все, что могла, чтобы сохранить крышу над головой. Зачастую это означало для нее спать с кем-то, к кому она на самом деле не питала никакого интереса. Все было именно так.

Она никогда не отдавала нас в приют для бездомных, мы просто переезжали в очередной заброшенный дом. Психологически это сильно ранило, но что было поделать? Вот то, что я ненавижу в самом себе, что я воспринял от своей матери: нет ничего такого, чего бы ты не сделал для того, чтобы выжить.

Одно из моих самых ранних воспоминаний связано с сотрудниками социального обеспечения, которые выискивали незарегистрированных. Дело было летом, мы ходили получать бесплатные обеды и завтраки. Я сказал им: «У меня девять братьев и сестер», – поэтому они дали еды больше. Я чувствовал себя так, словно я записался на войну и получил денежное пособие. Я был так горд, что добыл пропитание для дома. Можете себе представить эту фигню? Я открываю холодильник и вижу там дерьмовый сэндвич, апельсин и маленький пакетик молока. Но зато всего этого – двадцать упаковок. И я пригласил еще народа. «Ты хочешь что-нибудь поесть, брат? Ты голоден? У нас есть еда». Мы вели себя так, словно приобрели эту провизию на свои кровные. А это был бесплатный обед.

---

¹³ Эдвард Г. Робинсон (1893–1973) – известный американский актер, получивший признание за роли гангстеров.

Когда я был маленьким, я был маменькиным сыночком. Я всегда спал вместе с мамой. У моей сестры и брата были свои комнаты, а я спал с мамой, пока мне не исполнилось пятнадцать. Один раз мать была с мужчиной, когда я спал в ее постели. Она, наверное, думала, что я крепко спал. Я уверен, что это повлияло на меня, но что было, то было. Когда нарисовывался ее парень Эдди Джиллисон, меня отправляли на тахту. Их любовная связь была какой-то неправильной. Думаю, что именно поэтому и мои собственные любовные отношения были такими странными. Они вдвоем пили, дрались, трахались, ссорились, затем опять пили, и дрались, и трахались, и снова, и снова. Они, действительно, любили друг друга, даже если это и была какая-то извращенная любовь.

Эдди был плотным коротышкой из Южной Каролины, работал он на отраслевом заводе «Лондромет»¹⁴. Он не слишком далеко зашел в школьном обучении, и к тому времени, когда мой брат и сестра пошли в четвертый класс, он уже не мог помочь им выполнять домашние задания. Эдди был парнем, который хотел быть главным, но моя мама была женщиной, и она хотела быть главной еще больше, так что все могло пойти наперекосяк на совершенно пустом месте. Всегда были какие-то драчки, приходили и уходили копы, а мне говорили: «Эй, приятель, прогуляйся-ка пока по кварталу». Порой мы все присоединялись к драке. Однажды моя мать и Эдди серьезно поссорились и пустили в ход руки. Я прыгнул между ними, пытаясь защитить маму и унять его, и бац, он вмазал мне кулаком в живот, и я сполз вниз. Я корчился на полу, *о-о-о!* и не мог поверить в это дерьмо. Я же был просто ребенком! Вот почему я никогда не распускаю рук со своими детьми. Я не хочу, чтобы они, когда вырастут, думали, что я чудовище. Но в то время поколотить ребенка было обычным делом. Тогда это никого не заботило. Это теперь считается почти убийством, и ты отправляешься в тюрьму.

Эдди и моя мать дрались из-за всего: из-за других мужчин или женщин, из-за денег, из-за того, кто из них главнее. Эдди не был ангелом. Когда моя мать собирала подруг, они напивались и она отрубалась, он трахал ее подружек. А потом они дрались. Там, на самом деле, происходили дикие сцены, с поножовщиной и матерщиной: «Ты, ублюдок, мать твою!.. Ты, ниггер, отсоси у меня!..» Мы кричали: «Мамочка, стой, нет!» Однажды, когда мне было семь лет, они подрались, Эдди ударил ее кулаком и выбил у нее золотой зуб. Мама пошла и поставила на огонь большую кастрюлю с водой. Моему брату и сестре она велела залезть под одеяло, я же с увлечением смотрел по телевизору свою любимую спортивную передачу и ничего не слышал. Мама была хитрюгой: она прошла мимо, все было спокойно, затем она вернулась в комнату, когда брат с сестрой уже подготовились, спрятавшись под одеяло. Эдди сидел рядом со мной. Я услышал лишь: «Бац!» – и кастрюля с кипящей водой угодила Эдди в голову. Немного воды выплеснулось и на меня. Было такое ощущение, словно она весила целую тонну.

«А-а-а-а!» – Эдди с криком бросился в коридор. Я побежал следом за ним. Он обернулся и схватил меня. «О детка, эта сука достала и тебя?» – провопил он. «Да, эта сука и меня тоже, а-а-а!» Мы втащили его в комнату, сорвали с него рубашку – его шея, спина и часть лица были покрыты волдырями. Он был похож на рептилию. Мы уложили его на пол перед небольшим оконным кондиционером. Моя сестра села рядом с ним, взяла зажигалку, прокалила кончик иглы и принялась вскрывать волдыри, один за другим. Мы с сестрой оба плакали, и я, чтобы подбодрить его, дал ему четвертак.

Когда я думал об этом, я всегда вспоминал маму как жертву, ведь в большинстве случаев это Эдди бил ее. Я уверен, что леди из движения за освобождение женщин одобрила бы ее действия. И все же у меня возникал вопрос: «*Как она могла поступать так с тем, кто считался ее парнем?*» И я начинал понимать, что мама отнюдь не была матерью Терезой. У

---

¹⁴ Фирменное название прачечных самообслуживания.

нее было несколько серьезных выходов по отношению к нему, а он по-прежнему оставался с ней. Что интересно: после того как она обварила его, он пошел в магазин купить ей спиртного. Как видите, он решил отблагодарить ее за это. Вот почему у меня складывалось все так неблагоприятно в сексуальном плане.

Вот в такой обстановке я и вырос. Люди, любя друг друга, разбивали один другому головы и истекали кровью, как собаки. Они любили друг друга – и резали друг друга ножами. Черт возьми, моя семья приводила меня в ужас! Я рос среди грубых женщин, среди женщин, которые дрались с мужчинами. Как я понял, драться с женщиной там не являлось каким-то табу – поскольку женщины, которых я там знал, могли запросто убить тебя. Ты был вынужден драться с ними, потому что в противном случае они бы тебя или порезали, или застрелили. Или же привели бы парней, чтобы, обхитрив тебя таким образом, поколотить тебя, поскольку считали тебя молокососом.

Я боялся находиться в доме, но опасался также и выходить на улицу. Я тогда ходил в среднюю школу, и это был кошмар. Я был пухлым малышом, очень застенчивым, совсем как девушка, и шепелявил. Дети звали меня «мальчик-маленькая фея», потому что я везде ходил вместе со своей сестрой. Мама сказала мне, что я должен был рядом с Дениз, поскольку та была старше меня и должна была присматривать за мной. Они также звали меня «грязный Айк» или «грязный ублюдок», потому что в то время я мало что знал о гигиене. У нас не было горячей воды, чтобы помыться в душе, а когда отключали газ, мы не могли даже вскипятить воды. Мама пыталась научить меня всем этим вещам, но у меня это все равно плохо получалось. Она обычно набирала ведро горячей воды, брала кусок мыла и мыла меня. Но когда ты ребенок, ты не особенно заботишься о гигиене. В конце концов я узнал обо всем, что нужно было знать, на улице от старших детей. Они рассказали мне и об одеколоне «Брют», и о туалетной воде «Пако Рабанн», и о парфюмерии от Пьера Кардена.

Школа была прямо за углом нашего дома, но иногда мама, отходя после выпитого накануне вечером, не провожала меня на уроки. Как раз тогда дети и раздавали мне тычки и пинки. Они кричали мне: «Выметайся отсюда нах... й, ты, ниггер, грязный ублюдок!» Меня постоянно оскорбляли. Меня били по лицу, и я убегал. Когда мы шли в школу, они приставали к нам, а когда мы возвращались домой, они доставали пушки и грабили нас за то, что мы отличались от других. Это было просто изуверство – малолетки грабили нас в нашем собственном доме.

Переломным моментом в моей жизни явилось то, что в первом классе я стал носить очки. Мама проверила мне зрение, оказалось, что у меня близорукость, и она заказала мне очки. Они были паршивыми. Однажды я во время обеденного перерыва шел из школы домой и нес из столовой фрикадельки, завернутые в фольгу, чтобы не остыли. Ко мне подошел парень и спросил: «Эй, деньги есть?» Я ответил: «Нет». Он обшарил мои карманы и всего меня и попытался забрать мои гребаные фрикадельки. Я стал брыкаться: «Нет, нет, нет!» У меня могли отобрать деньги, но только не еду. Я весь согнулся, защищая собственным телом свои фрикадельки. Он принялся бить меня по голове, а затем взял мои очки и запихнул их под бензобак грузовика. Я убежал домой, но мои фрикадельки ему не достались.

Я должен был бы отделать этих ребят, но был слишком напуган, поскольку они вели себя так нагло и самоуверенно, что мне казалось, будто они знали что-то такое, что было неведомо мне. «Не бейте меня, оставьте меня, прекратите!» – повторял я только. Из-за этих издевательств я по сей день чувствую себя трусом. Это иступленное ощущение, что ты беспомощен, – его никогда не забыть. День, когда этот парнишка забрал мои очки, стал последним днем моей учебы в школе. Это было завершение моего образования в учебном заведении. Мне было семь лет, и я больше просто не вернулся в класс.

После этого я появлялся в школе, только чтобы позавтракать там, и уходил. Я шлялся по кварталу пару часов, затем возвращался на обед и вновь уходил. Когда по времени уроки

в школе заканчивались, я шел домой. Однажды весной 1974 года трое парней подошли ко мне на улице и начали похлопывать меня по карманам. «Есть деньги?» – спросили они. Я ответил: «Нет». Они продолжали: «А если найдем?» Они вывернули мои карманы и ничего не нашли. Тогда они спросили:

– Куда идешь? Хочешь полетать с нами?

– Что это значит? – поинтересовался я.

Мы подошли к школе, они помогли мне перелезть через забор, и я перебросил им оттуда несколько пластиковых упаковок молока. Затем мы прошли несколько кварталов, и они велели мне войти в заброшенное здание.

«Ну, не знаю», – заколебался я. Я был хилым и маленьким, а их было трое. Мы все же вошли, и они велели: «Ступай на крышу, Шибздик». Я понятия не имел: может, они собирались прикончить меня. Мы забрались на крышу – и я увидел небольшую коробку, в которой были голуби. Эти ребята строили голубятню. Так я стал у них мальчиком на побегушках, «шестеркой». Вскоре я узнал, что, когда птицы летают, они часто садятся на другой крыше, если им лень возвращаться или если они нездоровы. Тогда я спускался вниз, высматривал, на какую крышу они сели, пробирался к этому зданию, поднимался на крышу и вспугивал оттуда птиц. Весь день я гонял птиц, и это было здорово. Мне нравилось заниматься этим. Мне также нравилось ходить в зоомагазин, чтобы покупать птицам зерно. Эти ребята были крутыми парнями, и им льстило, что я был у них мальчиком на побегушках. Всю свою жизнь я ощущал себя неудачником, но здесь, на крыше, я чувствовал себя как дома. Это дело было как раз по мне.

На следующее утро я вновь пришел к тому зданию. Мои вчерашние знакомые были на крыше и, увидев меня, принялись швыряться в меня кирпичами. «Что ты здесь делаешь, убудок? Ты хочешь, блин, стащить у нас птиц?» – спросил один из них. Ничего себе! А я-то думал, что это мой новый дом.

– Нет, вовсе нет! – испугался я. – Я просто хотел знать, может, мне надо сходить в магазин или погонять птиц.

– Ты это серьезно? – удивился он. – Тогда дуй сюда, Шибздик.

И они отправили меня в магазин купить им сигарет. Они были шайкой жестоких уличных парней, но я был не прочь помогать им, потому что птицы увлекли меня. Это было, действительно, здорово – видеть, как две сотни голубей делают круги в небе, а затем возвращаются на крышу.

Гонять голубей – большой спорт в Бруклине. Этим увлекались все, начиная от донов мафии и кончая маленькими детишками из гетто. Это было необъяснимо, это просто было у тебя в крови. Я узнал, как обращаться с птицами, узнал их особенности. Шло время, и я стал знатоком и гордился тем, что разбираюсь в этом. Каждый запускал своих голубей в одно и то же время, и фишка заключалась в том, чтобы попытаться перехватить чужих голубей. Это было похоже на скачки беговых лошадей. Если это у тебя в крови, ты это уже не бросишь. С тех пор, где бы я ни жил, я всегда строил себе голубятню и заводил голубей.

Однажды мы были на крыше, занимались голубями, когда к нам подошел парень постарше нас. Его звали Барким, он был приятелем одного из этих парней. Когда он понял, что его друга нет, он попросил передать, что будет ждать его этим вечером на джэм-сейшне в развлекательном центре в нашем районе. Джэм-сейшны были похожи на подростковые танцуйки, только там не было этого дерьма в духе Арчи и Вероники¹⁵. Вечерами там даже меняли название места: развлекательный центр превращался в «Стрельца». Туда приходили

---

¹⁵ Арчи и Вероника – герои подростковых комиксов для «приличных семей» из среднего класса, совершенно неприемлемых в гетто.

картежники, карманники, хапки, парни из района, которые грабили дома, шарили по карманам, крали цепочки, мошенничали с кредитками. Это был вертеп.

Итак, в тот вечер я пошел в развлекательный центр. Мне было семь лет, и я не имел никакого понятия о такой процедуре, как переодевание. Я не знал, что прежде, чем идти в клуб, следует принять дома душ и переодеться, чтобы производить нормальное впечатление. То есть проделать все то, что делали другие парни, занимавшиеся голубями. Но я направился в развлекательный центр напрямик из голубятни, в той же вонючей одежде, на которой оставалось птичье дерьмо. Я рассчитывал, что те парни примут там меня как своего, потому что я гонял для них этих треклятых птиц. И вот я ввалился – и народ буквально обалдел:

– Что это за запах? Ты только глянь на этого грязного, вонючего ублюдка!

Все, кто там был, начали смеяться и дразнить меня. Я не знал, что делать. Все потешались надо мной, это так ранило. Я одновременно и плакал, и смеялся, потому что хотел вписаться в обстановку. Подозреваю, что Барким, увидев мое одеяние, сжалился надо мной. Он подошел ко мне и сказал:

– Эй, Шибздик, вали отсюда нах... й. Встретимся завтра утром на крыше в восемь утра.

На следующее утро я был там в назначенное время. Появился Барким и прочел мне лекцию.

– Ты не должен выглядеть как ублюдочный бродяга на улице. Что, мать твою, ты делаешь, чувак? Мы же ведь деловые люди, – говорил он быстро, и я пытался осмыслить каждое слово. – Короче, достаем денег, Шибздик. Ты готов?

И мы стали грабить чужие дома. Он велел мне залезать через окна, которые были слишком малы для него. Затем я изнутри открывал ему дверь. Как только мы оказывались в доме, он обшаривал комоды, ящики, вскрывал сейфы, он буквально сметал все необходимое.

Однажды мы взяли стереосистему с восемью дорожками, ювелирные изделия, оружие, деньги. После этого дела он привел меня на Диленси-стрит и купил мне классную одежду, кроссовки и дубленку. В тот же вечер он взял меня на джэм-сейшн, где уже были все те, кто смеялся надо мной, когда я опозорился. На мне была новая дубленка и кожаные брюки. И никто не узнал меня, словно это был не я, а совершенно другой человек. Это было невероятно.

Барким был тем парнем, который ввел меня в криминальную среду. До этого я никогда ничего не крал. Ни буханки хлеба, ни конфет – ничего. У меня не было антиобщественных наклонностей. Я просто не отваживался на такое. Но Барким объяснил мне, что к тебе всегда будут относиться с уважением, если ты хорошо выглядишь. Если ты одет по последней моде, на тебе лучшие шмотки, тогда ты классный чувак. Ты получаешь общественное признание.

Как-то Барким взял меня с собой кататься на роликовых коньках на Ютика-авеню, где я встретил парней, которые звались «Команда Ратленд-роуд». Они были молоды, может, лет двенадцати, но одеты были как взрослые: плащи свободного покроя, обувь из крокодиловой кожи, кроличий мех, широкополые фетровые шляпы. На них была дизайнерская одежда от Сержио Валенте, Джордаш, Пьера Кардена. Я был впечатлен. Барким объяснил, как они это так смогли: эти парни были карманниками, хапками, грабителями. При этом они были просто детьми. Они учились в обычной школе – и у них были часы, кольца, ожерелья. Они водили мопеды. Все называли их бандитами, а мы – денежными братками. Все это было офигительно.

Барким стал представлять меня на улице как своего «сына». Он был лишь на несколько лет старше меня, но это была уличная терминология, которая предупреждала о необходимости относиться ко мне с уважением. Это означало: «Это мой уличный сын, мы одна семья, мы вместе грабим и воруем. Это мой младший деловой партнер. Не связывайтесь, блин, с этим ниггером». Тот, кто уважал его, теперь *должен был* уважать и меня. Барким учил меня, кого следовало опасаться, кому не стоило доверять – дай им палец, всю руку откусят. Моя жизнь

напоминала мне жизнь Оливера Твиста, когда Феджин учил его разным штучкам. Барким часто покупал мне одежду, но никогда не давал мне много денег. Ограбив на две тысячи, он давал мне две сотни. Но в восемь лет и две сотни были большими деньгами. Иногда он давал мне на несколько дней поносить что-нибудь из украденных драгоценностей.

С «Командой Ратленд-роуд» я вышел на новый уровень знакомства с криминальной средой. Они были, в основном, латиносы из района Краун-Хайтс. Барким знал старшую группу «Кэтс». Я начал тусоваться с «Командой Ратленд-роуд», их младшей группой. Они брали меня на квартирные блиц-кражи. Мы шли в школу, там завтракали, а затем садились на автобус или в метро и совершали кражи во время школьных занятий. Я начал чувствовать, что принадлежу какому-то общему делу. Мы были все равны, каждый из нас на равных участвовал в этих грабежах.

Некоторые, прочтя это, могут осудить меня как взрослого преступника. Но ведь я занимался всем этим свыше тридцати пяти лет назад. Я был маленьким ребенком, искавшим любовь и признание, и я нашел их на улице. Там я получил свое единственное образование, а эти ребята были моими учителями. Даже более старшие по возрасту воры говорили: «Не занимался бы ты этим. Иди лучше в школу». Но я не желал их слушать, хотя на улице они пользовались уважением. Они советовали нам продолжать учиться, а сами в том же возрасте убегали из школы и грабили.

Все ребята уважали меня, потому что я был маленьким дельцом. Я делился с друзьями, которым были нужны деньги. Я доставал всем своим спиртное и еду. Я начал покупать голубей. Если у тебя были хорошие птицы, тебя уважали. Плюс ко всему, это был кайф – сначала украсть что-то, а затем пойти и купить себе одежды. Я видел, как относились ко мне, когда я появлялся, классно одетый, в пальто, подбитом овчиной, в фирменных кроссовках «Пума». У меня был лыжный костюм и желтые очки, хотя я в жизни никогда не был на лыжном склоне. Я не мог прочесть даже по слогам это гребаное название – «Адидас», но зато я знал, как чувствуешь себя в этой обновке.

Один из парней из «Команды Ратленд-роуд» научил меня, как взламывать замки. Если у тебя есть ключ, который хоть как-то подходит к отверстию, ты просто действуешь им до тех пор, пока он не сломает личинку замка – и дверь открыта. Вот это зашибись! Когда мы таким образом открыли одну дверь, вы бы видели, сколько нам всего обломилось: столовое серебро, драгоценности, оружие, пачки денег. Мы были безумно счастливы, мы одновременно рыдали и смеялись. Мы не могли захватить все это сразу. Мы не могли выйти на улицу со всем этим дерьмом. Так что мы просто напихали в свои школьные ранцы столько, сколько туда могло влезть.

Однажды я со своим другом Кертисом грабил дом. Те, кто там жил, были латиносы, как и Кертис. Я пробираюсь там в кромешной тьме и слышу: «Кто там? Это ты, дорогая?» Я решил, что это Кертис дурачится, желая меня напугать, и ответил: «Да вот хочу найти оружие и деньги. Поищи-ка сейф, хорошо?» – «Что, детка?» И тогда я понял, что это не Кертис. Это был парень, который там жил и который лежал на диване. Я бросился к двери. «Кертис, черт, облом! Сматываемся отсюда, здесь кто-то есть», – прошипел я. Но Кертис был педантом. Вместо того чтобы сделать ноги, он решил вначале запереть за собой дверь. Я же рванул прочь к е...ням собачьим. Хозяин распахнул дверь, разбил Кертису голову и чертовски отделал его. Я вообще думал, что тот сыграл в ящик. Но спустя год я снова увидел его. Он был жив, но все его лицо было раскурочено. Его тогда здорово отделали. Да, наша жизнь была полна опасностей.

Когда мы крали столовое серебро или драгоценности, мы шли к Сэлу, в магазин на Утика-авеню или на Стерлинг-стрит.

Я был ребенком, но они знали меня, так как я приходил со взрослыми парнями. Ребята в магазине знали, что я пришел с краденым, но я знал, что они не могли поколотить меня, потому что я знал, блин, какая тогда будет расплата. Я знал, чего хотел.

Иногда, когда мы в полдень шлялись по улице и видели школу, мы просто заходили в нее, шли в столовую, брали поднос, становились в очередь и приступали к еде. Мы могли присмотреть того, кого мы хотели бы грабануть, того, у кого была цепочка на шее. Поев, мы ставили поднос обратно, шли к двери, срывали приглянувшуюся цепочку и убегали.

Мы старались выглядеть на улице хорошо, потому что, если ты маленький черный ребенок, ходишь один по городу, выглядишь неряшливым и грязным, к тебе, как правило, начинают приставать. Поэтому мы выглядели очень мило и безобидно. У нас были школьные рюкзаки, очки с наклейкой-улыбкой и вид учеников католической школы в приличных брючках и белых рубашках – полная школьная экипировка.

Спустя примерно год я начал собственные квартирные кражи. Это было выгодно, хотя тусовки на улице и карманные кражи в толпе были заманчивее. Ты хватаешь дамские украшения, и копы гонятся за тобой – то, что мы называли: «Пришли герои и решили все проблемы». Это был большой риск за меньшие деньги, но мы любили острые ощущения. Чтобы быть удачливым карманным воров, у тебя, как правило, должен быть напарник.

Порой это даже не планировалось, но ты встречал кого-то знакомого, и вы объединялись в команду. Иногда встречались и конкуренты. Ты садишься в автобус, а там уже кто-то, готовый обчистить карманы у пассажиров. Но ты оказываешься более заметен. Это называется «разбудить автобус». До тебя в автобусе было тихо, но теперь, когда ты вошел, водитель объявляет: «Дамы и господа, в автобус только что сели известные молодые люди. Внимательно следите за своими карманами. Они попытаются обокрасть вас». Ты выходишь на следующей остановке, и карманник, не бросавшийся в глаза, также высаживается и подходит к тебе.

– Ты, ублюдок, ты разбудил автобус! – кричит он. И если он старше тебя, он может надрать тебе задницу и отобрать у тебя деньги или драгоценности, которые ты украл.

Со мной не любили ходить на кражи, потому что я не был так невозмутим или так ловок, как другие. У меня никогда не получалось все гладко, строго по плану, типа «я собираюсь одурачить этого ниггера, я намерен сделать именно это, не откладывая и именно с ним». У меня гораздо лучше получались экспромты, чтобы захватить врасплох.

Любой крепкий парнишка мог захватить кого-то врасплох. Но фишка была в том, чтобы схитрить и обвести вокруг пальца. Большинство людей думает так: «*Они запали на меня, но я обставлю их. Уж меня-то они не проведут*». Леди может хоть весь день держать руку на своем кошельке. Мы следим за ней – а она не вынимает руку из кармана. Мы следуем за ней, затем вроде бы как отходим, но один малыш из наших по-прежнему наблюдает за ней. Она на несколько секунд ослабляет внимание, идет по своим делам – и он получает то, что требуется, и уходит. И прежде, чем испариться оттуда, мы слышим душераздирающий крик: «А-а-а, мои деньги, мои деньги!» Это был класс. Нам все было пох... й.

Самым элементарным было сорвать у кого-то золотую цепочку. Я обычно делал это в метро. Я садился у окна, чтобы можно было открыть его. Я опускал в вагоне несколько окон, на остановке новые пассажиры заходили и садились к окну. Я выходил и, как только поезд медленно трогался, дотягивался и срывал цепочки. Они кричали, уставившись на меня, но уже не могли выйти из вагона. А я чинил застежку и, подержав цепочку у себя пару дней, чтобы щегольнуть ей, затем продавал ее старшим парням. Те без проблем брали ее у меня.

Хотя я уже начал производить впечатление, я в то время никак не мог поладить с девочками. Они мне нравились, но я не знал, как сказать им в этом возрасте, что они мне нравятся. Один раз я наблюдал, как девочки прыгали со скакалкой, они мне приглянулись, и я был не прочь попрыгать вместе с ними. Поэтому я стал дразнить их, и, совершенно не ожи-

данно, эти девчонки из пятого класса принялись колотить меня. Я дурачился с ними, а они все восприняли всерьез и застали меня врасплох. Я начал отбиваться слишком поздно. Тогда кто-то вмешался и прекратил драку. Они одержали вверх, я просто не хотел драться с ними.

Для моей матери и моей сестры не оказалось сюрпризом, что я краду и занимаюсь другими асоциальными вещами, чтобы добыть денег. Они видели, что я прилично одет, я приносил им еду – пиццу, бургер-кинги, макдональдсы. Мать понимала, что эти изменения со мной до добра не доведут, но к этому времени было уже слишком поздно. Улица овладела мной. Мать считала, что я стал преступником, что теперь я лучше умру, чем вернусь в прежнее дерьмо. Наверное, она уже встречала детей вроде меня, которые поступали так же. Я крал любые вещи у любых людей. Для меня не существовало каких-либо границ.

Мать предпочла бы заниматься попрошайничеством. Она ставила меня в неловкое положение, потому что была слишком честной. Она всегда просила денег, она жила так и никак иначе. Я давал сестре кучу денег, чтобы выручить маму. Иногда я давал матери сто баксов, и она никогда не возвращала их мне. И она вовсе не питала ко мне уважения за это. Я говорил: «Ты должна мне некоторую сумму, ма». А она отвечала мне: «Ты обязан мне своей жизнью, мальчик. Я не собираюсь отдавать тебе долг».

Взрослые парни в районе знали, что я ворую. Они отбирали у меня деньги, украшения, обувь, и я опасался, что они расскажут об этом матери. Я не знал, что мне делать. Они избивали меня, крали моих птиц и знали, что могут безнаказанно издеваться надо мной. Барким не учил меня, как драться. Он учил меня лишь, как классно одеваться и как подмывать свой зад. Обычно, когда кто-то кричал на меня на улице или гнался за мной, я просто бросал свои вещи и убегал. Теперь надо мной вновь издевались, но на сей раз я уже кое-что представлял собой.

Подрастая, я всегда хотел быть в центре внимания. Я хотел быть тем парнем, который запросто говорит вещи вроде: «Я здесь самый крутой», «У меня лучшие птицы». Я хотел быть настоящим уличным парнем, острым на язык и не лезущим за словом в карман, но на самом деле я был слишком застенчивым и неловким. Когда я пытался разговаривать в такой манере, любой мог ударить меня по голове и сказать: «Заткнись, нах... й, ниггер!» Но когда я впервые ввязался в уличную драку, я почувствовал, насколько приятно купаться в лучах славы.

Однажды я отправился в район Краун-Хайтс и грабанул дом вместе со старшим парнем. Мы добыли 2200 долларов наличными, он отстегнул мне 600 долларов. Я отправился в зоомагазин и накупил птиц на сотню баксов. Мне упаковали их в корзину, и хозяин помог мне провезти их в метро. Когда я вышел, парень из моего района помог мне перетащить корзину к заброшенному зданию, где я прятал своих голубей. Но он разболтал о моих птицах, поэтому один чувак, его звали Гэри Флауэз, пришел со своими друзьями грабить меня. Мать увидела, как они роятся в моем птичьем хозяйстве, и сказала мне об этом. Я выскочил на улицу и столкнулся с ними. Заметив меня, они перестали таскать птиц, но Гэри держал одного голубя под лапами своего пальто. К тому времени вокруг нас собралась большая толпа.

– Отдай мою птицу, – потребовал я.

Гэри вытащил голубя из-под пальто.

– Ты хочешь птицу? Ты хочешь эту сраную птицу? – спросил он. Затем он скрутил голубю голову и швырнул ее в меня, разбрызгав кровь по моему лицу и моей рубашке.

– Побей его, Майк! – крикнул мне один из моих друзей. – Не бойся, просто побей его!

Раньше я не решался драться с кем-либо. Но теперь я вспомнил одного парня старше меня, который жил по соседству. Его звали Уайз, и он был боксером в Спортивной лиге полиции. Он курил травку с нами, и когда ловил кайф, то начинал бой с тенью. Я наблюдал

за ним, а он меня подначивал: «Ну, давай же, давай!» Но я никогда даже не имитировал с ним бокса. Теперь же я вспомнил его движения.

Итак, я решился. «А пошел ты нах... й!» Мои друзья были в шоке. Не осознавая, что делаю, я ожесточенно ударил несколько раз, и один из ударов попал в цель. Гэри упал. Когда Уайз вел бой с тенью, он делал подскоки, поэтому я тоже, уронив Гэри, принялся подскакивать своей тупой задницей. Это выглядело так, словно муха суетилась известно где. Практически весь квартал наблюдал за моментом моего триумфа. Все принялись вопить и аплодировать мне. Это было невероятное чувство, сердце бешено колотилось у меня в груди.

– Этот ниггер скачет, чувак, – засмеялся один парень.

Я попытался изобразить бег приставным шагом в стиле Мохаммеда Али, но безуспешно. Чувствовал я себя отлично: я смог постоять за себя, и мне нравилась эта суета, когда все аплодировали мне. Подозреваю, что под личиной застенчивости я всегда скрывал взрывной и веселый темперамент.

У меня теперь был совершенно новый уровень уважения на улице. Вместо «Майк поиграет с нами?» мою мать теперь спрашивали: «Майк Тайсон сможет с нами поиграть?» Другие парни приводили своих корешей, чтобы драться со мной, и ставили деньги на исход драки. Теперь у меня появился новый источник дохода. Приходили даже из других районов. Я выигрывал достаточно часто. Даже если я проигрывал, те парни, кто бил меня, говорили: «Блин! И тебе только одиннадцать?»

Вот я добился широкой известности в Бруклине. У меня была репутация чувака, который мог подраться с кем угодно – со взрослыми, с любым. Но мы на улице не придерживались правил маркиза Квинсберри¹⁶. Если ты пнул кого-то по заднице, это еще не означало завершения поединка. Если этот парень не мог побить тебя в драке, у него были другие возможности, и порой проигравший возвращался со своими друзьями, которые принимались дубасить тебя битами.

Я начал мстить своим обидчикам за прежние побои. Как-то я гулял со своими друзьями и увидел того парня, который избил и унизил меня несколько лет назад. Он зашел в магазин отовариться. Я выволок его из магазина и принялся метелить его. Я даже не стал ничего объяснять своим приятелям, почему я это делаю, я просто сказал им: «Я ненавижу этого ублюдка». Этого было достаточно: они тоже напрыгнули на него, разорвали в клочья его гребаную одежду и надрали его гребаную задницу. Это тот, кто сорвал с меня очки и отшвырнул их? Я бил его на улице, как драного кота, за свое прошлое унижение. Он, может, уже и забыл обо всем, но я-то ведь нет.

Обретя уверенность в своей способности постоять за себя, я расширил масштабы своей преступной деятельности. Я стал вести себя все более нагло. Я даже стал красть в своем собственном районе. Я думал, что так разрешается. Я не понимал законов улицы. Я полагал, что все должны вести честную игру, потому что я сам, как мне казалось, вел честную игру по отношению к остальным. Я еще не знал, что были люди, с которыми не стоило связываться.

Я жил в многоквартирном доме и крал у всех, кто в нем обитал. Они не понимали, что это я был вором. Некоторые из этих людей были мамиными знакомыми. Они обналичивали свои чеки на оплату социальных нужд, покупали выпивку, приходили к маме, выпивали и веселились. Я заходил в свою комнату, по пожарной лестнице проникал в их квартиры и крал все, что там было. Когда дама поднималась к себе, она обнаруживала кражу и мчалась обратно с криком: «Лорна, Лорна, они забрали все! Они забрали даже детское питание! Они забрали все!»

После того как они уходили, у меня в комнате появлялась мама.

---

¹⁶ Правила маркиза Квинсберри в 1882 году положили основу всем современным правилам любительского и профессионального бокса.

– Я знаю, что ты совершил что-то, не так ли, мой мальчик? Что ты сделал?

Я отвечал:

– Мама, это не я. Посмотри вокруг.

Дело в том, что всю краденую еду и все вещи я оставлял на крыше, и мои приятели вместе со мной забирали мою добычу позже.

– Как мог я сделать что-нибудь? Я был в комнате, вот здесь, никуда не уходил.

– Хорошо, если ты этого не делал, я готова поспорить, что ты знаешь, кто сделал это, ты, вор! – принималась кричать мать. – Ты всего лишь вор! Я никогда ничего не украла в своей жизни! Я не знаю, откуда ты такой взялся, ты, вор!

О боже! Можете себе представить, слышать такое дерьмо от собственной матери? Моя семья не питала никаких надежд в отношении меня, абсолютно никаких. Они считали, что моя жизнь станет жизнью преступника. До сих пор никто в моей родне не делал таких вещей, как я. Моя сестра постоянно поддевала меня:

– Какие птицы не летают? Тюремные птички! Арестанты!¹⁷

Однажды я был вместе с мамой, когда она навещала свою подругу Виа. Муж Виа был одним из выкобенивающихся денежных тузов. Когда он лег спать, я вынул у него из кармана бумажник и взял деньги. Проснувшись, тот жестоко избил Виа, потому что подумал на нее. Все в районе стали меня смертельно ненавидеть. Кто этого не делал, тот мне завидовал. Даже партнеры. Теперь-то у меня хватало наглости на разные рискованные поступки.

Это было невероятно. Я не испытывал никаких чувств, когда хватал чью-то цепочку и тащил ее вниз по лестнице, и чья-то башка при этом подсакивала по ступенькам, бум, бум, бум. Меня это волновало?! Нет, мне нужна была только цепочка. Я знать ничего не знал о сочувствии и сострадании. А почему я был должен? Никто и никогда не испытывал ко мне никакого сочувствия, никакого сострадания. Я испытывал сочувствие только тогда, когда во время ограбления ранили из пушки или резали ножом кого-нибудь из моих друзей. Вот тогда мне становилось грустно.

Но ты все равно, блин, продолжал делать это. Ты надеялся, что тебя не угробят, что с тобой этого не может случиться. Я просто не мог остановиться. Я знал, что меня могли убить, но меня это не заботило. Я в любом случае не рассчитывал дожить до шестнадцати, так почему бы тогда не взять свое?

Мой брат Родни как-то сказал, что, по его мнению, я был самым смелым парнем из всех, кого он знал. Но я не считал себя смелым. У меня были смелые приятели, которых могли подстрелить за украшения, или часы, или мотоциклы. Но они не отдавали это, когда их грабили. Этим ребят уважали в районе больше всех. Я не знаю, был ли я смелым, но я видел в своей жизни смелых парней. Я всегда думал, что я был скорее больше психом, чем смелым. Я в открытую стрелял в людей в то время, как моя мать выглядывала в окно. Я был безмозглым. Родни думал, это была смелость, но это была просто нехватка мозгов. Я был максималистом, беспредельщиком.

Все, кого я знал, были при деле. Даже те из парней, кто имел работу, все равно ловчили, как-то подрабатывали. Кто-то продавал наркоту, кто-то крал. Это было похоже на мир киборгов, где копы были плохими парнями, а грабители и ловкачи – хорошими. Если ты никого не трогал, то никто тебе ничего не говорил. Тебя просто помечали как зануду. Если ты делаешь гадость, то с тобой все в порядке. Если кто-то напрягает тебя, за тебя пойдут драться. Про тебя знают, что ты свой. Я был настолько крут, что, кажется, все эти гнусные, мерзкие отморозки в округе слышали обо мне.

---

¹⁷ Игра слов: *jailbird* (дословный перевод – «птица в клетке») означает «арестант, заключенный».

* * *

Затем все стало осложняться. Меня чуть не поимела полиция. Стрельба в Браунсвилле было еще полбеда. Ты играл в переулке в азартные игры, и в это время появлялись одни парни, которые пуляли в других парней. Ты никогда не знал, когда всплывет очередное дерьмо. Могли примчаться какие-то банды на мотоциклах, бах, бах, стреляя в тебя. Мы знали, где тусуется каждая шайка, поэтому понимали, в каких местах не стоило показываться.

Но когда в тебя начинают стрелять копы, это совсем другое дело. В один прекрасный день мы шли мимо ювелирного магазина на Эмбой-стрит и вдруг увидели, как ювелир нес коробку. Я вырвал ее у него, и мы бросились бежать. Мы были уже у нашего квартала, когда услышали визг шин. Из автомашины выскочили переодетые полицейские и, бах, бах, принялись палить в нас. Я рванул в заброшенное здание, где мы тусовались. Я знал его как свои пять пальцев. Я знал, как пройти сквозь стены или пробраться на крышу, как нырнуть в пролом и забраться на стропила над потолком. Я так и сделал. Я забрался на самый потолок и стал смотреть сквозь пролом. Я мог видеть всех, кто ходил внизу.

Я увидел, как копы вошли в здание. Они походили там, внизу, с оружием на изготовку, и один из них направился прямо к пролому.

– Твою ж мать, эта е... ная шпана действует мне на нервы. Из-за нее я приперся в эти развалины, – высказался он. – Я убью этих е... ных ублюдков!

Я слышал, как белые копы переговаривались между собой и смеялись. В этом здании копы зае... лись бы подниматься на другой этаж, потому что ступеньки там обрушились. Но они могли выследить, что я прятался на стропилах, и отстрелить мне задницу. Я подумывал о том, не перепрыгнуть ли на соседнюю крышу, потому что это было уже мой дом, но для прыжка там было десять футов¹⁸.

Я выбрался на крышу, и мой приятель, который жил в моем доме, уже ждал меня там на крыше напротив. Я стоял на коленях, чтобы копы меня не увидели, и мой наблюдатель давал мне подробный отчет о происходящем.

– Расслабься, Майк. Они вышли из здания. Но они все еще ищут тебя. Там куча полицейских машин, – сообщил он.

Я ждал на крыше, казалось, целую вечность.

– Они уехали, Майк. Они уехали, – доложил, наконец, мой приятель.

Я спустился, но некоторое время еще подождал внутри. Мои друзья осмотрели весь квартал, чтобы убедиться, что копы нигде не прячутся.

– Подожди еще немного, Майк, – посоветовал мой приятель.

Наконец он сообщил, что я могу выходить. Мне жутко повезло, что я выбрался из этой ситуации. В коробке, которую мы стащили, были дорогие часы, медальоны, браслеты, бриллианты, рубины. Чтобы избавиться от всего этого дерьма, нам потребовалось две недели. Что-то мы продавали в одном месте, оставшиеся драгоценности – в другой части города.

Как это ни смешно, но при всей моей воровской практике впервые меня арестовали за украденную кредитную карту. Мне было десять лет. Ясное дело, я был слишком молод, чтобы иметь кредитную карту, поэтому обычно я находил более взрослого парня и просил его купить это, и вот это, и еще что-либо для себя. А затем мы продавали карту другому парню.

Но однажды мы были в магазинчике на Бельмон-авеню и попытались сами воспользоваться картой. Мы были чисто одеты, но просто не выглядели достаточно взрослыми, чтобы

---

¹⁸ То есть более трех метров.

иметь кредитную карту. Мы выбрали одежду и кроссовки, притащили все это к прилавку и дали кассиру карту. Она извинилась за задержку и позвонила. А затем она разрезала карту пополам, и через несколько секунд появились копы, которые арестовали нас.

Меня забрали в полицию. У мамы не было телефона, поэтому за ней заехали и привезли ее в участок. Она стала орать и колотить меня, блин, прямо там. К тому времени, как мне исполнилось двенадцать, привод в полицию стал уже рядовым явлением. После всех этих задержаний я должен был бы пойти под суд, но меня не могли посадить в тюрьму, поскольку я был еще несовершеннолетним.

Я ненавидел, когда моя мать оказывалась в полицейском участке и надирала мне задницу. После этого она напивалась с подружками и рассказывала о том, как она выбивала из меня дерьмо. Когда она набрасывалась на меня, я сворачивался в углу калачиком, пытаюсь защитить себя. Это было очень мучительно. До сих пор, оказываясь в какой-нибудь комнате, я прежде всего невольно бросаю взгляд на ее углы, вспоминая те побои, которые я перенес от матери. Она набрасывалась на меня, а я сворачивался калачиком в углу, чтобы защитить себя. Ей ничего не стоило избить меня в продуктовом магазине, на улице, в присутствии моих одноклассников, даже в зале судебного заседания. Полицию это, конечно, не волновало. Однажды копы намеревались составить протокол в отношении меня, но ворвалась мать и так жестоко избивала меня, что они не стали этого делать.

Она била меня даже тогда, когда я иногда был прав. Однажды, когда мне было одиннадцать, я играл в кости на углу улицы. Против меня играл парень лет восемнадцати. В тот день мне везло, и мои друзья делали ставки на те номера, которые у меня выпадали. Вначале я проиграл 200 баксов, но затем мой номер выпал шесть раз подряд, и я выиграл у него 600 долларов.

– Бросаем еще раз. Ставлю свои часы, – сказал он.

Я бросил, выпало 4–5 – 6.

– По правилам, конец игры, – сказал я. – Гони часы.

– Вообще-то я не дам тебе ничего, – ответил он и попытался выхватить деньги, которые я выиграл у него. Я укусил его, затем ударил его камнем, и началась потасовка. Мамины подруги увидели свалку и побежали к ней.

– Твой сын дерется со взрослым парнем, – сообщила одна из них.

Моя мать ворвалась на сцену. Остальные взрослые спокойно дожидались исхода потасовки, потому что от него зависел денежный вопрос. Если бы этот парень не заплатил, то все поступили бы так же. Была кульминация драки, когда моя мать, вмешавшись, схватила меня за руки, ударила и швырнула меня на землю.

– Почему ты дерешься с ним? – завопила она. – Что он сделал тебе? – А тому парню она сказала: – Я сожалею, сэр.

– Он пытался забрать деньги! – запротестовал я.

Тогда моя мать взяла мои деньги, отдала их парню, а меня ударила по лицу.

– Я сожалею, сэр, – повторила она парню.

– Я убью тебя, ублюдок! – прокричал я, пока она тащила меня прочь.

Я заслужил все эти побои. Я хотел быть одним из тех крутых ребят, у которых были украшения и деньги в кармане, а у взрослых парней, лет пятнадцати, еще и подружки. В то время я не очень-то увлекался девушками, но мне нравилось носить хорошую одежду и привлекать к себе внимание.

Уже в то время мать поставила на мне крест. Ее хорошо знали в районе. Когда это требовалось, она умела быть красноречивой. Другие ее дети хорошо учились и ладили с другими, но потом появился я, единственный, кто не умел ни читать, ни писать. Я не мог постичь этой ерунды.

– Почему ты не можешь понять этого? – спрашивала она меня. – Что с тобой не так?

Она, должно быть, думала, что я умственно отсталый. Когда я был еще ребенком, она водила меня в разные медицинские центры на Ли-авеню, и мне делали психологическую экспертизу. В детстве я разговаривал вслух сам с собой. Подозреваю, что в 70-х годах это было ненормально.

Когда я попал в судебную систему, меня в судебном порядке направили в «специализированную сумасшедшую школу». Спецшкола – это как тюрьма. Тебя там держат взаперти, пока не наступает время идти домой. Тебя привозят на автобусе, полном детьми с антиобщественным поведением и разными е... нутыми чокнутыми. Ты должен делать все, что тебе велят. Я восставал, протестовал, плевал всем в лицо. Нам давали жетоны для проезда в школу и обратно, и я крал эти жетоны для игры. Я обворовывал даже учителей и приходил в школу на следующий день в обновке, которую покупал на их деньги. Я делал много дурных вещей.

Меня определили как «сверхактивного» и прописали мне торазин¹⁹. Они проигнорировали риталин²⁰ и перешли прямо к «большому Т». Эти ублюдки давали мне в 70-х годах маленькие дерьмовые черные таблетки. Торазин – это был экскурс в иной мир. Я сидел, остановив взгляд на чем-то, но не мог двигаться, не мог ничего делать. Все было ништяк. Я все слышал, но был в полной отключке; я был как зомби. Я не просил есть, мне просто приносили еду в нужное время. Меня спрашивали: «Ты хочешь в туалет?» И я отвечал: «А-а, да, хочу». Я даже не осознавал, когда мне хотелось по нужде.

После всего этого дерьма меня отпускали из школы домой, и я прохлаждался, пересматривая по телевизору «Рокки и его друзья»²¹. Мама думала, что со мной что-то случилось, но я был просто задолбан лекарствами. Поставив мне неверный диагноз, там, наверное, слегка переборщили с лекарствами. Но я лично никогда не был в обиде на то, что мне поставили неверный диагноз. Я всегда считал, что плохие вещи со мной происходили только потому, что со мной самим что-то было не в порядке.

Кроме зомбированных и сумасшедших детишек, в спецшколы направляли также преступных элементов. И все преступники из разных районов получали возможность познакомиться друг с другом. Мы ходили на Таймс-сквер, чтобы потолкаться и пошарить по карманам, и встречали там всех этих парней из нашей спецшколы. Они были при деньгах, в дубленках и модной одежде и занимались тем же, чем и мы.

Как-то в 1977-м я тусовался на Таймс-сквер и встретил там своих ребят из района Бэд-Стай. Мы стали разговаривать, и вдруг один из них выхватил у проститутки сумочку. Она пришла в бешенство и швырнула мне в лицо чашку с горячим кофе. К нам направились копы, и я со своим приятелем Бабом рванул прочь. Мы вбежали в ХХХ-кинотеатр²², чтобы спрятаться, но туда вскоре заявила и эта проститутка вместе с копами.

– Это они, – указала она на Баба и меня.

– Чего я-то? Я тут ни при чем, блин! – возразил я, но копы отконвоировали нас наружу и впихнули на заднее сиденье своей машины. Сумасшедшая шлюха на этом не успокоилась. Она потянулась через заднее окно и расцарапала мне лицо своими длинными бл... скими ногтями.

Когда мы убегали с Таймс-сквер, я видел своих приятелей из Бэд-Стай; тот, кто устроил все это дерьмо, спокойно наблюдал за происходящим с улицы.

Нас привезли в полицейский участок в центре города. Меня арестовывали много раз, поэтому я уже привык к этой системе. Но на сей раз учли, сколько у меня приводов в полицию, а их было слишком много, так что меня определили прямиком в «Спофффорд».

---

¹⁹ Хлорпромазина гидрохлорид, первый синтезированный антипсихотик, на сленге – «большой Т».

²⁰ Метилфенидат, ранее применялся как психостимулятор при угнетении нервной системы.

²¹ Мультипликационный комедийный сериал.

²² Кинотеатр с порнофильмами.

«Споффорд» был исправительным центром временного заключения для несовершеннолетних, расположенным в Хантс-Поинт в Бронксе. Я слышал жуткие истории о «Споффорде». Рассказывали, что там в ходу были избиения другими заключенными и тюремщиками. Понятное дело, меня все это не слишком воодушевляло. Мне выдали какую-то одежду и отвели на ночь в камеру.

Утром я был в ужасе. Я понятия не имел, что меня ожидает на новом месте. Но когда я пришел в столовую на завтрак, это было похоже на встречу с одноклассниками. Я сразу же увидел своего приятеля Кертиса, парня, с которым я ограбил дом и которого хозяин отделал под орех. Затем я увидел и других своих старых партнеров.

«Расслабься! – сказал я сам себе. – Здесь все свои».

После того первого раза я попадал в «Споффорд» и покидал его как за не фиг делать. «Споффорд» стал для меня местом частого кратковременного пребывания, таймшером.

Однажды всех нас привели в актовый зал для просмотра фильма *«Величайший на все времена»* о Мохаммеде Али. Когда он закончился, мы стали аплодировать – и были поражены, увидев, что на сцену вышел сам Али. Это было нереально. Ему не нужно даже ничего говорить – как только я увидел его, я решил, что хочу быть, как он. Он заговорил с нами, и нас это очень воодушевляло. Я понятия не имел, что я до этого делал в своей жизни, но теперь я знал, что хотел быть похожим на него. Забавно, но люди больше так не говорят. Если они видят превосходный бой, они могут сказать: «Я хочу быть боксером». Но никто не скажет: «Я хочу быть похожим на него». Нет нескольких Али, он один. Вот прямо тогда я и решил стать великим. Я не знал, что мне для этого надо сделать, но я решил, что хочу, чтобы на меня смотрели так же, как на Али.

Не поймите меня неправильно. Я еще не вышел из «Споффорда» и не развернулся на все 360 градусов. Я все еще был мелкой паскудой. Обстановка дома портилась. После всех этих арестов, спецшкол и лекарств моя мать совершенно изверилась во мне. Если уж возвращаться к моему раннему детству, она никогда и не питала никаких надежд в отношении меня. Я просто знаю, что тот медик, расистский мудака, тот парень, который сказал, что я задрочен и отстаю в развитии, он тогда украл у моей матери надежду и веру в меня. Они все украли любовь ко мне и мою защиту, которые я мог бы получить.

Я никогда не видел свою мать счастливой со мной, я не помню, чтобы она гордилась мной и моими делами. У меня никогда не было возможности поговорить с ней, узнать ее получше. В профессиональном плане это вряд ли имело для меня какое-либо значение, но в эмоциональном и психологическом это могло играть громадную роль. Я видел, как матери целовали моих приятелей. У меня такого никогда не было. Если вы думаете, что раз она позволяла мне спать в своей постели, пока мне не исполнилось пятнадцать, она любила меня, то вы ошибаетесь: она просто всегда была пьяна.

Поскольку я оказался в коррекционной системе, власти решили для исправления отправить меня в приют. Они взяли группу детишек, которые там были, обманутых, совращенных, ненормальных, и отправили их всех вместе туда, где правительство платило людям, которые за нами присматривали. Все это была показуха. Я никогда не удерживался там более двух дней. Я просто убегал. Один раз я был в приюте в Брентвуде, Лонг-Айленд. Я позвонил домой и со слезой в голосе пожаловался матери на то, что у меня совершенно не было травки для косяка. Она велела Родни купить и доставить мне все необходимое. Она всегда была хорошим организатором.

В конечном итоге меня направили в Маунт-Лоретто, учреждение на Стейтен-Айленд, но ничто уже не могло изменить меня. Я стал красть у парней на пароме на Стейтен-Айленд. Никогда не знаешь, у кого ты крадешь. Иногда ты обкрадываешь не того парня, кого надо, и он желает получить свои деньги обратно. В данном конкретном случае такой парень просто начал бросаться на всех.

– Кто взял мои гребаные деньги? – вопил он.

Он принялся лупить всех подряд, весь паром приводил в чувство этого ублюдка. Его обокрал мой приятель, и этот урод пнул его, даже не подозревая, что наткнулся на виновника. Мы покинули паром, давась от смеха при воспоминании о том, как мы отхватили денег. Даже мой приятель смеялся сквозь слезы, потому что его задница все еще болела от пинка. Этот парень выбросил бы нас с парома, если бы он знал, что это мы стащили его деньги. Сейчас, вспоминая, какую жизнь я тогда вел, я ужасаюсь. О боже, ведь он мог запросто прикончить нас, он здорово рассвирепел.

Меня освободили из учреждения для несовершеннолетних на Стейтен-Айленде в начале 1978 года, и я вернулся в Браунсвилл. Я узнал, что многие мои приятели нелепо погибли: из-за ювелирных украшений или пары сотен долларов. Я огорчился, но воровать и грабить так и не перестал. Я наблюдал за более старшими ребятами, которых я уважал. Я видел, как они росли и приобретали вес, но видел также и проблемы, с которыми они сталкивались. Их нещадно били за воровство, но они уже не могли остановиться. Это было у них в крови.

Район становился для меня все более неприветливым, меня в нем все больше ненавидели. Мне было всего одиннадцать лет, но иногда, когда я шел по своим делам, какой-нибудь домовладелец или хозяин магазина, заметив меня, мог швырнуть в меня камнем или чем-нибудь еще.

– Ублюдок, малолетнее ворье, сволочь! – кричали они.

Если они видели на мне хорошую одежду, они знали, что я, ниггер, просто украл ее у них. Однажды я остановился рядом с домом, чтобы поговорить с приятелем, и один парень, Ники, вышел с ружьем, а у его друга был пистолет. И этот чувак вытащил пистолет из кобуры, а Ники засунул ружье мне в штаны, к моему члену.

– Послушай, маленький ниггер, если я услышу, что ты опять собрался на эту гребаную крышу, я вздрючу тебя. Если я когда-нибудь увижу тебя снова в этом районе, я сделаю у тебя в штанах яичницу, – сказал он.

Я даже не знал, кто это такой, черт подери, но зато он, видимо, знал, кто я. Можете ли представить, чтобы к вам вот так подошли и таким вот образом поступили бы с вами?

Незадолго до того, как мне исполнилось тринадцать, меня вновь арестовали за хранение краденого. Власти уже перебрали для меня все места для отсидок в окрестностях Нью-Йорка. Не знаю уж, какого рода научные диагностические тесты они использовали на сей раз, но меня решили направить в спецшколу для мальчиков «Трион», учреждение для несовершеннолетних правонарушителей, в северной части штата Нью-Йорк, около часа езды к северо-западу от Олбани.

Моя мать была рада, что я еду на север штата. В то время много взрослых парней приходили в дом, разыскивая меня.

– Твой брат – грязный ублюдок. Я убью его, – грозили они моей сестре.

– Он просто ребенок, – отвечала она. – Он же не забрал твою жену или не сделал что-то еще в этом роде.

Можете себе представить: взрослые парни приходят в твой дом, разыскивая тебя, а тебе при этом всего двенадцать лет! Разве это не дерьмо? И можно ли после этого винить мою мать в том, что она утратила все надежды, связанные со мной?

Глава 2

То, что меня отправили в исправительное заведение штата, было паршиво. Теперь я был со взрослыми парнями. Они были более крутыми, чем ребята в «Споффорде». Но и «Трион» был неплохим местом. Здесь было много домиков наподобие коттеджей, можно было выходить гулять, играть в баскетбол, ходить в тренажерный зал.

Но я сразу же влип в историю. Я просто все время злился. У меня были плохие отношения со всеми. Я был со всеми в контрах и хотел, чтобы все знали, что я из Бруклина и со мной шутки плохи.

Я собирался на занятия, когда этот парень прошел мимо меня в зал. Он вел себя грубо, словно был настоящим бандитом. Проходя мимо, он заметил у меня в руке шапочку. Он выхватил ее и пошел дальше. Я не знал его, но он меня оскорбил. Следующие сорок пять минут я сидел в классе, размышляя о том, как я убью этого парня за свою шапочку. Когда занятия окончились, я вышел и увидел его у двери вместе с приятелями.

«Он твой, Майк!» – подумал я. Я подошел к нему. Он держал руки в карманах, глядя на меня так, будто у него не было по жизни абсолютно никаких проблем. Словно я должен был напрочь забыть, что сорок пять минут назад он стащил у меня шапочку. И я в ярости набросился на него.

На меня надели наручники и отправили в «Элмвуд», карцер для неисправимых. В «Элмвуде» было жутко. В персонал туда набрали здоровенное грубое деревенское быдло. Можно было наблюдать, как эти амбалы по двое сопровождали кого-нибудь в наручниках.

Те из «Элмвуда», кто заслужил это, по выходным уходили на несколько часов. Возвращались они с расквашенными носами, выбитыми зубами, сломанными ребрами. Вначале я думал, что их избивал персонал, поскольку в те времена никто не звонил в Министерство здравоохранения и социальных служб, если персонал причинял детям вред. Но чем больше я говорил с этими избитыми ребятами, тем больше понимал, что они были счастливы.

«Да, старик, мы едва не сделали его, мы почти сделали его!» – смеялись они. Я понятия не имел, о чем они говорили, пока мне не растолковали. Оказывается, они занимались боксом с мистером Стюартом, одним из воспитателей. Бобби Стюарт был крепким ирландским парнем, весом около 170 фунтов²³, профессиональным боксером. Он был чемпионом страны среди любителей.

Когда я вновь оказался в карцере, кто-то из персонала подтвердил мне, что экс-чемпион учит детей боксу. Сотрудники, которые рассказали мне об этом, были весьма добры ко мне, и я решил встретиться с ним, потому что полагал, что он также окажется любезным.

В тот вечер я находился в своей комнате, когда раздался громкий, устрашающий стук в дверь. Я открыл дверь – это был мистер Стюарт.

– Ну, жопа с ручкой, я слышал, ты хочешь поговорить со мной, – пробурчал он.

– Я хочу стать боксером, – сказал я.

– Как и остальные парни. Но они не работают как следует, чтобы стать боксерами, – ответил он. – Если ты будешь все делать верно, перестанешь быть таким придурком, как они, и будешь уважать это дело, я готов поработать с тобой.

Так что, я сделал заявку. Подозреваю, что я сгруппировал, но я начал прилежно учиться, стал отличником, говорил всем и каждому: «Да, сэр», «Нет, мэм» – и вообще превратился в примерного гражданина, так что теперь я вполне мог идти драться со Стюартом. Это заняло у меня месяц, но наконец-то я заслужил это. Все ребята пришли посмотреть, смогу ли я

---

²³ Более 77 кг.

надрать ему задницу. Я был абсолютно уверен в том, что одержу верх и что после этого каждый начнет лебезить передо мной.

Я сразу же начал молотить, и он закрылся. Я колошматил и колошматил, а он вдруг извернулся и, бац, попал мне прямо в живот.

«У-ух!» Я выблевал все, что съел за последние два года. «Что это было, твою мать?» В то время я еще ничего не знал о боксе. Это теперь я знаю, что если тебя ударили в живот, то у тебя на несколько секунд сбивается дыхание, но затем оно восстанавливается. В то время я об этом понятия не имел. Мне показалось, что я больше не смогу дышать вообще и сдохну. Я отчаянно пытался вдохнуть, но все, что я мог делать, – это плевать. Это был просто атас.

– Вставай и вон отсюда! – рявкнул он.

После того как все ушли, я смиренно подошел к нему.

– Извините, сэр, вы не могли бы научить меня, как это делать? – спросил я.

Я мечтал о том, что теперь, когда я вернусь в Браунсвилл, то шмякну какого-нибудь ублюдка вот так в живот, он брякнется – я смогу обчистить его карманы. Вот о чем я тогда думал.

Должно быть, он увидел во мне что-то, что ему понравилось, потому что после нашей второй встречи он сказал мне:

– Ты бы хотел это по-настоящему?

И мы начали заниматься регулярно. После тренировок я возвращался в свою комнату и всю ночь напролет вел бой с тенью. У меня получалось все лучше и лучше. Я сам не осознавал этого, но во время одного спарринга я провел джеб²⁴, сломал Бобби нос и чуть не сбил его с ног. Он взял на всю неделю отгул и отлеживался дома.

После нескольких месяцев тренировок я позвонил маме и соединил ее с Бобби. «Скажи ей, скажи ей!» – попросил я. Я хотел, чтобы он сказал ей, на что я способен. Я просто хотел, чтобы она знала, что я мог что-то сделать. Я воображал, что она, возможно, поверит мне, если белый человек скажет ей это. Она, однако, решила, что у меня что-то случилось, и ответила ему, что у нее и своих проблем хватает. Она продолжала думать, что я неисправим.

Вскоре после этого Бобби пришел ко мне с идеей:

– Я хочу показать тебя легендарному тренеру по боксу Касу Д'Амато. Он может вывести тебя на следующий уровень.

– А на фига? – спросил я. В то время я не доверял никому, кроме Бобби Стюарта, который, получается, собирался передать меня кому-то другому.

– Просто поверь этому человеку, – сказал он мне.

И вот однажды в выходной день в марте 1980 года я с Бобби поехал в Катскилл, Нью-Йорк. Спортивный зал Каса представлял собой переделанный конференц-зал над участком городской полиции. Окон не было, свет давали старомодные лампы. Я заметил на стенах плакаты и вырезки из местных газет о парнях, добившихся успеха.

Кас выглядел совершенно так же, как должен был бы выглядеть крутой тренер по боксу. Он был низеньким, крепкий, лысым и, насколько можно было судить, сильным. Говорил он резко и был чрезвычайно серьезен. На его лице не было ни тени улыбки.

– Как дела? Я – Кас, – представился он. У него чувствовался сильный бронкский акцент. С ним был молодой тренер по имени Тедди Атлас.

Мы с Бобби вышли на ринг и начали спарринг. Я принялся гонять Бобби по рингу, колошматя его. Как правило, мы проводили три раунда, но в середине второго раунда Бобби попал мне пару раз в нос с правой, и у меня пошла кровь. Мне не было больно, но все лицо у меня было в крови.

– Достаточно! – заявил Тедди.

---

²⁴ Короткий резкий прямой удар в голову.

– Сэр, пожалуйста, дайте мне закончить этот раунд и провести еще один! Мы обычно деремся так! – взмолился я. Мне хотелось произвести впечатление на Каса.

Полагаю, я смог сделать это. Когда мы выбрались из ринга, первое, что Кас сказал Бобби, было: «Это чемпион мира в тяжелом весе».

Сразу же после спарринга мы пошли к Касу на обед. Он жил в большом белом доме викторианского стиля на десяти акрах земли. С крыльца можно было видеть Гудзон. С другой стороны дома были клены и кусты роз. Я в жизни еще не видел такого дома.

Мы сели, и Кас признался мне, что он не мог поверить в то, что мне всего тринадцать лет. А затем он поведал мне о моем будущем. Он видел меня в спарринге меньше шести минут, но его мнение было бесповоротным.

– Ты выглядишь великолепно, – сказал он. – Ты отличный боец.

Это был величайший комплимент.

– Если ты будешь следовать моим наставлениям, я смогу сделать тебя самым молодым в истории чемпионом мира в тяжелом весе.

Б... дь, откуда он мог знать это? Мне оставалось лишь думать, что он извращенец. В том мире, из которого я был родом, люди поступали именно так, когда они западали на тебя. Я не знал, что и сказать. Никогда еще не случалось так, чтобы кто-нибудь говорил мне приятное. Мне захотелось остаться с ним, потому что мне понравилось, как он обращается со мной. Позже я понял психологию Каса: ты даешь слабаку почувствовать себя сильным, и он начинает от тебя зависеть.

На обратном пути в «Трион» я был весьма взволнован. Я сидел с охапкой роз от Каса на своих коленях. Раньше я никогда не видел роз, только по телевизору, и мне захотелось взять их, потому что они выглядели так изысканно. Мне захотелось что-нибудь взять с собой на память, и я попросил его об этом. Ощущая запах роз, вспоминая слова Каса, которые звучали у меня в ушах, я чувствовал себя превосходно, словно для меня переменялся весь мир. Я знал в эти минуты, что обязательно стану знаменитым.

– Думаю, что ты ему понравился, – сказал Бобби. – Если ты не полный придурок и не мудака, все будет хорошо.

Он также радовался за меня.

Вернувшись в свой учебно-исправительный домик, я положил розы в воду. Кас дал мне посмотреть огромную «Энциклопедию бокса», и я не спал всю ночь, читая ее. Я прочел о Бенни Леонарде²⁵, Гарри Греббе²⁶, Джеке Джонсоне²⁷. Это по-настоящему захватило меня. Я хотел быть таким, как эти парни. Для них, казалось, не существовало никаких общепринятых правил. Они много работали, но в перерывах могли просто околачиваться по округе, и на них смотрели, словно на небожителей.

Я стал приходить к Касу тренироваться каждые выходные. Я работал с Тедди в тренажерном зале, а затем оставался в доме Каса. Там еще были другие боксеры, которые жили вместе с Касом и его спутницей, славной украинкой Камиллой Эвальд. Когда я впервые попал в их дом, я украл деньги из бумажника Тедди. Ведь это дерьмо не проходит само собой только потому, что у тебя все налаживается. А мне нужны были деньги на травку. Я слышал, как Тедди сказал Касу:

– Наверное, это он.

– Нет, это не он, – ответил Кас.

---

²⁵ Бенни Леонард, настоящее имя Гершон Бен Авраам (1896–1947) – американский боксер-профессионал, выступавший в легкой весовой категории.

²⁶ Эдвард Генри «Гарри» Греб (1894–1926) – американский боксер-профессионал, чемпион мира в полутяжелой и средней весовых категориях.

²⁷ Джек Джонсон, настоящее имя Джон Артур Джонсон (1878–1946) – американский боксер-профессионал, первый чернокожий чемпион мира в тяжелом весе.

Я был в восторге от занятий боксом. А окончательно я убедился в том, что хотел бы сделать бокс делом своей жизни, посмотрев по телевизору у Каса на выходных первый бой между Леонардом и Дюраном²⁸. Ух, этот бой по-настоящему захватил меня! Это было так здорово! Они оба боксировали так элегантно и эффектно, стремительно нанося удары. Это было похоже на балет, они словно выступали на сцене. Я был просто поражен. Я еще никогда не испытывал такого воодушевления.

Когда я начал ходить к Касу, он вначале даже не давал мне боксировать. После окончания моей тренировки с Тедди Кас садился со мной, и мы беседовали. Он расспрашивал о моих чувствах, эмоциях, рассказывал о психологии бокса. Он хотел полностью понять меня. Мы много говорили о духовных аспектах поединка. «Если у тебя нет духовного стержня, ты никогда не станешь боксером. И совершенно неважно, насколько ты крепок или силен», – объяснял он мне.

Мы говорили о достаточно абстрактных понятиях, но он умел доносить их до меня. Кас знал, как говорить на моем языке. Он сам вырос в районах с грубыми нравами и тоже был уличным мальчишкой.

Прежде всего Кас рассказывал, что такое страх и как его преодолеть.

– Страх – это самое большое препятствие для обучения. Но страх одновременно и твой лучший друг. Страх – это как огонь. Если ты научишься контролировать его, ты заставишь его работать на тебя. Если же ты не научишься его контролировать, он уничтожит тебя и все вокруг тебя. Он как снежный ком на холме: пока он не покатился вниз, ты можешь лепить его, перекатывать с места на место, делать с ним, что захочешь; но если он покатится, то станет большим и раздавит тебя. Поэтому никогда нельзя позволять страху расти и выходить из-под контроля. Иначе ты не сможешь достичь своей цели или спасти себя.

– Представь себе оленя, который перебегает открытое поле. По мере приближения к лесу инстинкт вдруг говорит ему, что там его подстерегает опасность, например ягуар. Природа включает свои защитные функции, надпочечники вбрасывают в кровь адреналин, это заставляет сердце биться быстрее, что, в свою очередь, позволяет организму выполнять необыкновенные чудеса ловкости и силы. Если обычно олени способны сделать прыжок на пятнадцать футов, то адреналин позволяет им прыгнуть на сорок или пятьдесят футов²⁹, что достаточно для того, чтобы уйти от опасности. У человека – то же самое. Если тебе угрожают или ты боишься, что тебя покалечат, адреналин ускоряет работу сердца. Под влиянием адреналина люди могут совершать невероятные подвиги.

– Знаешь ли ты разницу между героем и трусом, Майк? Нет разницы в том, что они чувствуют. Разными их делает то, как они *поступают*. И герой, и трус испытывают совершенно одно и то же, но ты должен уметь контролировать себя, чтобы поступить так, как герой, и удержать себя от поступка труса.

– Не полагайся на свою психику, Майк. Пойми, тебе предстоит бороться с ней, контролировать ее, сдерживать ее. Ты должен контролировать свои эмоции. Усталость на ринге на девяносто процентов – это психологический фактор. Это только предлог для того, кто хочет прекратить бой. В ночь перед боем ты не можешь уснуть – не волнуйся, у другого парня то же самое. Когда начнется взвешивание, тебе будет казаться, что он гораздо крупнее тебя и спокоен, как удав. Но поверь: его изнутри испепеляет страх. Твое воображение способно наделить его такими способностями, которых у него нет. И помни, что движение снимает напряжение. В тот момент, когда раздается гонг и вы вступаете в контакт друг с другом, вдруг оказывается, что твой соперник – как и все остальные, потому что теперь твой фанта-

---

²⁸ Роберто Карлос Дюран Саманьего (род. в 1951 г.) – панамский боксер-профессионал, чемпион мира в легкой (версия WBA, 1972–1978 гг.; версия WBC, 1978 г.), полусредней (версия WBC, 1980 г.), первой средней (версия WBA, 1983 г.) и средней (версия WBC, 1989 г.) весовых категориях; признан лучшим легковесом XX века.

²⁹ Около 5, 12 и 15 метров, соответственно.

зии развеялись. Сам бой – это единственная реальность, которая имеет значение. Ты должен учиться навязывать свою волю и брать контроль над этой реальностью.

Я мог слушать Каса часами, что я и делал на самом деле. Кас рассказывал мне о важности действовать интуитивно и непринужденно, так, чтобы не позволять своим эмоциям и чувствам сковать тебя. Он рассказал, что однажды имел разговор об этом с великим писателем Норманом Мейлером.

– Кас, вы сами не осознаете этого, но вы практикуете дзэн-буддизм³⁰, – сказал Мейлер Касу и подарил ему книгу, которая называлась «Дзэн в искусстве стрельбы из лука»³¹. Кас иногда читал ее мне.

Он рассказал мне, что во время своего первого боя он на практике испытал высшую степень эмоциональной отстраненности. Он тогда приходил в тренажерный зал, решив стать профессиональным боксером. Он уже неделю или две работал с грушей, когда менеджер поинтересовался, не хочет ли он побоксовать с кем-нибудь. Он оказался на ринге, его сердце бешено стучало. Раздался гонг, его соперник бросился в атаку и принялся осыпать его градом ударов. Его нос опух, глаз заплыл, он истекал кровью. Парень спросил его, продолжит ли он второй раунд, и Кас ответил, что хотел бы попробовать. Он начал второй раунд – и вдруг почувствовал, что его сознание отделилось от тела. Он будто наблюдал за собой со стороны. Он ощущал удары словно издалека. Он сознавал, что они были, но почти не чувствовал их.

Кас учил меня: чтобы стать хорошим боксером, надо уметь отрешаться от своих мыслей. Он усаживал меня и говорил:

– Переступи грань. Сосредоточься. А теперь расслабься, пока не увидишь себя смотрящим на самого себя. Скажи мне, когда это произойдет.

Это было очень важно для меня. Я все воспринимал слишком эмоционально. Позже я понял, что, если бы я не научился отрешаться на ринге от своих чувств, я пошел бы ко дну. Я мог нанести сопернику тяжелый удар, а затем переживать, почему же он не упал.

Кас развил это внетелесный опыт, перенеся его на один уровень выше. Он отделял свое сознание от тела, а затем мысленно рисовал будущее в своем воображении.

– Все идет нормально, я наблюдаю сам за собой, – говорил он мне. – Это я, но одновременно это и не я, словно мое сознание и мое тело не соединены, но на самом деле они соединены. В моем сознании есть картинка того, что должно произойти. Я могу реально видеть это, как на экране. Я вижу начало движения соперника и вижу, как именно он будет реагировать. Когда это происходит, я могу наблюдать, как парень ведет бой, и я знаю все, что нужно знать об этом парне. Я словно вижу, как крутятся колесики в его голове. Будто я сам – этот парень, словно я внутри его.

Он утверждал даже, что мог контролировать события, используя свое сознание. Кас тренировал Рокки Грациано³², когда тот выступал на любительском ринге. Один раз Кас был в команде Рокки, когда тот проводил тяжелый поединок. Оказавшись дважды на полу, Рокки вернулся в свой угол и хотел уже прекратить бой. Но Кас вытолкнул его на ринг на следующий раунд и, пока Рокки не сдался, использовал свое сознание, чтобы направить руку Рокки для удара. Все получилось, соперник упал, и рефери остановил бой. Моим тренером был крутой парень.

Кас был убежденным сторонником того, что ты в своем сознании должен быть тем, кем ты хочешь стать. Если ты хочешь стать чемпионом мира в тяжелом весе, тебе надо начать

---

³⁰ Дзэн-буддизм – разновидность японского буддизма, проповедующая медитацию, созерцание и интуицию как путь к достижению гармонии с окружающим миром.

³¹ Автор произведения – Ойген Херригель.

³² Рокки Грациано, настоящее имя Томас Рокко Барбелла (1922–1990) – американский боксер-профессионал середины XX века, чемпион мира в среднем весе.

жизнь чемпиона в тяжелом весе. Мне было только четырнадцать лет, но я был убежденным сторонником философии Каса. Постоянно тренироваться; все просчитывать, как римский гладиатор; мысленно находиться в состоянии постоянной борьбы, внешне оставаясь спокойным и расслабленным. Даже не подозревая этого, он исповедовал «закон притяжения»³³ и обучал меня ему.

Кас был также мастером внушения. У него была книга под названием «*Сознательное самовнушение как путь к господству над собой*» французского фармацевта и психолога Эмиля Куэ. Куэ рекомендовал своим пациентам повторять себе: «Каждый день я становлюсь все лучше и лучше во всех отношениях», снова и снова. У Каса была катаракта одного глаза, и он повторял эту фразу, которая, как он утверждал, помогала ему.

Кас заставлял и нас применять методы самовнушения. Так, меня он заставлял говорить: «Я лучший боксер в мире. Никто не может побить меня. Я лучший боксер в мире. Никто не может побить меня», снова и снова, весь день. Мне нравилось это делать. Мне нравилось слышать это о себе от самого себя.

Цель всех этих методов состояла в том, чтобы создать у боксера уверенность в своих силах. Уверенность – это было все. Но чтобы быть уверенным в себе, ты должен был испытать себя, рискнуть. Уверенность не возникает сама по себе, из воздуха. Она приходит к тебе после того, как ты раз за разом перебираешь в своем уме то, что помогает тебе ее развить.

Кас выложил все это мне в первые несколько недель, что мы были вместе. Он изложил мне весь план. Он объяснил мне мое предназначение. Я должен был стать самым молодым чемпионом в тяжелом весе всех времен. Я не знал этого тогда, но после одной из наших первых долгих бесед Кас признался Камилле:

– Камилла, это тот, кого я ждал всю свою жизнь.

Приближался день, когда я должен был из «Триона» вернуться в Бруклин. Однажды ко мне подошел Бобби Стюарт и сказал:

– Я не хочу, чтобы ты возвращался в Бруклин. Я боюсь, что ты совершишь какую-нибудь глупость и тебя убьют или снова посадят в тюрьму. Ты хочешь продолжать работать с Касом?

Я тоже не хотел возвращаться. Я хотел изменений в своей жизни. Кроме того, мне нравилось, как эти люди общались со мной – так, что я чувствовал себя частью общества. Я рассказал своей матери о жизни с Касом.

– Ма, я хочу поехать туда, чтобы тренироваться. Я хочу стать боксером. Я смогу быть лучшим боксером в мире.

Вот как Кас запудрил мне мозги. Это ведь все он внушил мне: убедил меня в том, что я стану великим, что я буду совершенствоваться, день за днем, всегда и во всем. Вбил мне в голову идеи о самоусовершенствовании.

Мама расстроилась из-за моего ухода, но необходимые разрешительные документы подписала. Должно быть, она решила, что потерпела неудачу как мать.

Итак, я переехал к Касу, Камилле и другим боксерам в этом доме. Я все больше и больше узнавал о Касе, потому что после тренировок у нас с ним были долгие беседы. Он был рад, когда я рассказывал ему истории о своей непростой жизни. Он сиял, как рождественская елка. «Расскажи еще», – просил он. Я был идеальным кандидатом для выполнения его миссии: неполная семья, обделенный любовью, без средств к существованию. Я был жесток, суров и хитер, но оставался чистым листом бумаги. Кас был готов принять все мои недостатки с распростертыми объятиями. Он не позволял мне испытывать чувство стыда

---

³³ «Закон притяжения» – философско-окультистская концепция из арсенала Нью-Эйдж о том, что намерения и взгляды привлекают людей и вещи, соответствующие этим намерениям и отношению к себе.

или неполноценности из-за своего воспитания. Ему нравилось, что я был полон энтузиазма. «Энтузиазм» – именно Кас научил меня этому слову.

Кас мог относиться ко мне так, потому что у него тоже была тяжелая жизнь. Его мать умерла в совсем юном возрасте. Он потерял зрение на один глаз в уличной драке, когда был маленьким ребенком. Его отец умер на его руках, когда он был молодым человеком. Полицейский убил его любимого брата.

Фактически у Каса в его жизни был нормированный рабочий день, от звонка до звонка, только один год. Затем он ушел, потому что он ввязывался в конфликты со своими коллегами. Но он много времени тратил, помогая людям в своем районе в решении их проблем, он был практически неофициальным социальным работником. Он получал большое удовольствие, оказывая помощь другим людям. Кас помог искоренить в своем районе политическую коррупцию, когда мэром Нью-Йорка был реформатор Ла Гуардия³⁴. В этой борьбе он противостоял одному из коррумпированных парней, который как-то даже угрожал ему оружием. Кас был бесстрашен.

Наряду с этим он был ожесточен и язвительен.

– Я всю жизнь выступал в защиту маленького человека, – говорил он. – Многие мои неприятности проистекали от того, что я защищал жертв несправедливости. Некоторые, ради которых я сражался, не стоили этих усилий. Очень мало людей заслуживают спасения.

Кас был совершенно либерален в отношении расовых вопросов. Лучший друг его отца был черным. Когда он служил в армии, его часть дислоцировалась на Юге. У него была команда по боксу, и когда они находились в разъездах, ни один отель не принимал его черных боксеров, поэтому он спал с ними в парках.

Кроме того, он был очень большим социалистом. Он был влюблен в Че, в Фиделя и Розенбергов. Он рассказал мне о деле Розенбергов³⁵, и я решил поддразнить его.

– Да хватит, Кас. Все было правильно. Они были виновны, – сказал я.

– О да! – взревел он в ответ. – Это ты сейчас так говоришь. Но когда они вернут рабство, у тебя уже не будет возможности утверждать, кто был виновен, а кто нет. То, что они намерены вернуть его, это тоже все правильно?

Рональд Рейган был его злейшим врагом. Когда Рейган выступал по телевидению, Кас кричал во всю мощь своих легких: «Лжец! Лжец! Лжец!!!»

Кас был помешанным. Он любил вести разговоры о том, кому было бы необходимо умереть. «Человек умирает так, как он живет», – говорил он мне.

Однажды Кас сказал мне: «Когда у тебя будет много денег, ты смог бы на самом деле помочь каждому, к кому ты привязан. Ты мог бы помочь негритянским церквям». Он думал, что негритянские церкви были лучшей массовой социальной сетью для черных. Ему нравился преподобный Мартин Лютер Кинг. Кас всегда помогал людям и раздавал им все свои деньги.

– Деньги – это то, что пускает поезда под откос, – учил он меня. – Деньги означают обеспеченность, а для меня обеспеченность означает смерть, поэтому я никогда не заботился о деньгах. Все те вещи, которые я ценю, я не мог бы купить за деньги. Деньги никогда не производили на меня впечатления. Слишком много неправильных людей имеют много денег, такая логическая взаимосвязь – это не к добру. По правде говоря, я был не совсем безразличен к деньгам. Я давал их людям, попавшим в беду. По-моему, это не было пустой тратой.

---

³⁴ Фиорелло Ла Гуардия (1882–1947) – мэр Нью-Йорка в 1934–1945 годах; занимал этот пост три срока подряд после Великой депрессии, активно поддерживал «новый курс» президента Франклина Рузвельта, проявил себя как неутомимый борец с коррупцией и организованной преступностью.

³⁵ Юлиус Розенберг и его жена Этель – американские коммунисты, обвиненные в шпионаже в пользу Советского Союза и казненные за это в 1953 году; дело Розенбергов вызвало сильный общественный резонанс, поскольку возникло в разгар «холодной войны» в условиях «маккартизма», сопровождавшегося антикоммунистической истерией в США.

Он не желал платить налогов правому правительству – и объявил о банкротстве, когда задолжал налоговому управлению 200 000 долларов.

Остается загадкой, каким образом Кас вообще попал в бокс. Он неожиданно возник из ниоткуда и заявил: «Я – тренер по боксу». Никто о нем никогда не слышал. Он ничего не знал о контрактах или боксерах, но утверждал, что он «менеджер». Он занялся руководством и подготовкой перспективного молодого тяжеловеса Флойда Паттерсона³⁶, который также был из бедной семьи и вырос в Бруклине. В то время боксом управляла группа, которая называлась «Международный боксерский клуб» (МБК). Ею владели богатые предприниматели, которые держали мертвой хваткой маркетинг и рекламу поединков чемпионата. Но Кас довел Флойда до чемпионата, а затем открыто выступил против МБК. Это означало, что он выступил против банды гангстеров, потому что Фрэнки Карбо, известный мафиози в преступной семье Луккезе, являлся с МБК. Кас помог сокрушить МБК, и Карбо загремел в тюрьму за участие в преступном сговоре, вымогательство и нелегальное руководство.

Но сердце Каса было разбито, когда Рой Коэн, адвокат правых взглядов, увел у него Паттерсона, добившись расположения новообращенного католического боксера организацией его встречи с нью-йоркским кардиналом Спелманом. Кас больше никогда не появлялся в католической церкви. После этого случая у него все более начала проявляться чрезмерная подозрительность. Он, к примеру, утверждал, что кто-то пытался столкнуть его под вагон метро. Он перестал ходить в бары, потому что опасался, что кто-нибудь может что-либо подмешать в его напиток. Он, на самом деле, наглухо зашил карманы своих курток, чтобы никто не мог подложить туда наркотики и тем самым подставить его. В конце концов он переехал в Катскилл.

Он даже дома был параноиком. Никому не разрешалось входить в его комнату. Чтобы определить, не входил ли кто-нибудь, пока он отсутствовал, он клал на дверь несколько спичек. Если он видел меня где-нибудь возле своей комнаты, он спрашивал: «Что это ты здесь делаешь?»

– Я живу здесь, Кас. Я здесь живу, – отвечал я.

Однажды я, Том Пэтти и Фрэнки, два других боксера, которые жили в доме, вышли прогуляться. Кас никому не доверял ключей, потому что мы могли потерять их, и тогда посторонний получил бы возможность проникнуть в дом. Когда мы вернулись и постучали в дверь, никто не ответил. Я посмотрел в окно и увидел, что Кас заснул в своем любимом плюшевом кресле, а телевизор надрывался на полной громкости, поскольку Кас был глуховат. Том сообразил, что единственный промежуток времени для того, чтобы постучать, – это рекламная пауза, так как во время нее было несколько секунд тишины. Именно в этот момент мы все разом заколошматили в окно с воплями: «Кас!! Кас!!» В тысячную долю секунды Кас сделал разворот на 180 градусов, упал, согнувшись и опираясь на левую руку, в готовности вскочить и правой вырубить незваного гостя. Мы все так и попадали в приступе безудержного смеха.

В другой раз один из спарринг-партнеров, оставшийся в доме, ночью тайком выбрался в город. Рано утром мы с Томом проснулись и спустились на завтрак. В гостиной мы обнаружили Каса, который по-армейски полз с винтовкой в руке. Парень вернулся и стучал в окно, и Кас, вероятно, решил, что это какой-нибудь отморозок из МБК пришел по его душу. Мы с Томом переступили через Каса и прошли на кухню приготовить себе овсянки.

Я мог бы и дальше продолжать истории о Касе. Он был личностью уникальной и колоритной. Но лучшее описание Каса, которое я когда-либо встречал, содержалось в интервью

---

³⁶ Флойд Паттерсон (1935–2006) – американский боксер-профессионал, олимпийский чемпион 1952 года, чемпион мира в тяжелом весе.

великого писателя Гэя Тализа, которое он дал Полу Цукерману, молодому человеку, работавшему над книгой о Касе:

«... Он был римским воином, жившим с опозданием в две тысячи лет. Воины любят войну, им нужна война. Это та атмосфера, в которой они чувствуют себя как дома. В мирное же время они ощущают себя неприкаянными и бесполезными. И им хотелось бы как следует все взбаламутить. Кас, как Паттон³⁷, чувствовал себя бодрым и энергичным, когда была суматоха, интрига, ощущение предстоящей битвы. Только тогда, когда он находился в состоянии возбуждения, он чувствовал, что был в полном ладу с самим собой. Только тогда его нервная система и его мозг жили полной жизнью, он ощущал чувство удовлетворения. Если же всего этого не было, то его следовало создать или усилить. Он всегда стремился раздуть угли, чтобы от языков пламени почувствовать полноту жизни. Это приводило его в восторг. Он был сторонником активных мер, он жаждал действия...»

Кас был генералом, а я был его солдатом. И мы были готовы выступить на войну.

* * *

Я был бесполезным, накачанным торазином ниггером, которого диагностировали как умственно отсталого, а он был опытным белым парнем, который взял меня в свои руки и вернул мне мое «я». Кас однажды сказал мне:

– Майк, представь, ты сидишь у психиатра, и тот спрашивает тебя: «Слышишь ли ты голоса?» И ты собираешься ответить «нет», но это голоса велют тебе сказать «нет», не так ли?

Кас очень глубоко понимал меня. Никто никогда не заставлял меня так полно осознавать себя черным, как он. Он передавал мне это знание с такой ледяной безжалостностью, словно он сам был крутым черным парнем. «Они считают себя лучше тебя, Майк», – учил он меня. Когда он видел кого-то на «Фиате» или «Роллс-Ройсе», то смотрел на меня и говорил:

– Ты мог бы иметь все это. Это не самая трудная вещь в мире – обеспечить себе благосостояние. Но ты лучше этих людей. Они никогда не смогут сделать то, на что способен ты. У тебя это есть, оно внутри тебя. Думаешь, я бы стал говорить тебе это, если бы в тебе этого не было? В таком случае я мог бы натренировать тебя лучше как боксера, но я не мог сделать тебя чемпионом.

Ух ты! А я-то всегда думал, что я дерьмо собачье. Моя мать твердила мне, что я дрянь. Никто никогда не говорил обо мне ничего хорошего. И после этого мне вдруг сообщают:

– Бьюсь об заклад: если ты постарайся, ты мог бы выиграть «Оскара». Ты мог бы стать и прекрасным актером, и первоклассным боксером. Хочешь быть автогонщиком? Спорю, ты мог бы стать лучшим автогонщиком в мире. Ты умнее и круче, чем все эти парни. Ты мог бы завоевать любой из миров. Не произноси слова «Не могу». Ты не можешь только одного – сказать: «Я не могу».

Когда я приходил в уныние, как я это часто делал, Кас делал массаж моим мозгам мыслями об экзотическом мире с неисчислимыми сокровищами. Мне было странно слышать эти речи, но мне нравилось их слушать.

– Все, что от тебя требуется, – это слушать меня, – говорил он. – Люди королевского происхождения будут знать твое имя. Слышишь, что я говорю тебе, малыш? Весь мир узнает о тебе. Твое имя займет самое почетное место. Люди будут уважать твою мать, твою семью, твоих детей. При твоём появлении люди будут вставать и устраивать тебе овацию.

---

³⁷ Джордж Смит Паттон-младший (1885–1945) – один из главных генералов американского штаба, действовавшего в период Второй мировой войны; принимал самое активное участие в ходе проведения кампаний в Северной Африке, на Сицилии, во Франции и Германии с 1943 по 1945 год.

Кас не позволял мне обмануть его надежды. Когда я чувствовал, что готов сдаться, и приходил в уныние, он продолжал воодушевлять меня. Кас всегда повторял: «Моя работа заключается в том, чтобы сдирать ту шелуху, которая мешает тебе проявить свои истинные способности и реализовать свой потенциал». Но сдирание шелухи было весьма болезненным! Я вопил: «Оставь меня в покое! А-а-а!»

Он тренировал мой дух. Он заставлял меня вообразить, будто я провожу спарринг с более взрослым парнем, устал и не могу отвечать своему сопернику, который просто преследует меня. Кас беседовал со мной на эту тему и помогал мне преодолеть свой страх.

Он все время стремился к совершенству. К примеру, я разными способами работал с тяжелой грушей, а Кас стоял рядом и внимательно следил за происходящим.

– Хорошо. Нормально. Но не пр-ревосходно, – говорил он своим густым бронкским акцентом.

Кас желал выковать самого потрясающего боксера, которого когда-либо создавал Всевышний, такого, который нагонял бы на соперников страху еще до того, как те выходили на ринг. Он учил меня быть предельно яростным как на ринге, так и вне его пределов. В то время для меня это было необходимо. Я не был уверен в себе, я боялся. Я не мог избавиться от воспоминаний о тех временах, когда на меня, совсем ребенка, набрасывались с побоями. Мне было просто ненавистно чувство унижения от издевательств надо мной. Это чувство впивается в тебя занозой на всю твою жизнь. Это такое отвратительное, безнадежное чувство. Вот почему я всегда представлял себя миру в качестве гнусного, свирепого ублюдка. Но Кас дал мне уверенность в себе, поэтому мне больше не придется беспокоиться о том, что надо мной когда-либо будут издеваться. Я знал, что никто и никогда не посмеет физически оскорбить меня.

Кас был гораздо больше, чем тренер по боксу. Он привил мне много истинных ценностей. Он был похож на какого-то гуру, говорящего такие вещи, над которыми мне приходилось задумываться:

– Не имеет значения, кто и что говорит, неважно, оправдание это или объяснение. Только то, что человек делает, в конечном итоге свидетельствует о его истинных намерениях.

Или:

– Я – не Творец. Моя задача – это обнаружить и раскрыть. Моя работа – взять искру и раздуть ее. Добавить в огонь дров, пока он не станет пылающим пожаром.

Он мог делиться мудростью в самых банальных ситуациях. Напримпер, Камилла выступала за то, чтобы ребята помогали по хозяйству. Я же ненавидел хлопоты по дому, поскольку был сосредоточен только на боксе. Однажды Кас подошел ко мне:

– Знаешь, Камилла действительно хочет, чтобы ты помогал по хозяйству. Лично мне наплевать, помогаешь ты в принципе или нет, но тебе следует заниматься делами по дому по той причине, что это сделает тебя лучше как боксера.

– И каким же образом вынос мусора сделает меня лучше как боксера? – усмехнулся я.

– Делать что-то, что тебе не нравится, так, словно ты это обожаешь, – это хорошая закалка для того, кто стремится к величию.

После этого Камилле больше не приходилось напоминать мне о делах по дому.

Однажды Кас позвал меня к себе и совершенно неожиданно спросил:

– Ты не боишься белых? Ты не из таких? Ты не боишься усов и бороды? Я знал черных боксеров, которые опасались ударить белого. Тебе лучше не принадлежать к их числу.

Это было смешно. Прямо передо мной был Кас, который рассказывал мне, что не следует давать себя запугать, но я был напуган тем, каким образом он объяснял мне это.

Кас всегда был очень серьезен, никогда не улыбался. Он не обращался со мной как с подростком. Он всегда давал мне понять, что мы вместе призваны выполнить свою миссию.

Ежедневные тренировки, мысли только об одном. Он определил мне цель. Никогда раньше я не испытывал такого чувства, за исключением моментов, когда продумывал кражу.

Время от времени происходили вещи, которые делали нашу цель гораздо более осязаемой. Так, однажды в Катскилл приехал тренироваться Уилфред Бенитес³⁸. Я был ошеломлен. Я был его фанатом. Я видел его бои по телевизору, и там было на что посмотреть. Казалось, что у него был радар и что он мог наносить удары с закрытыми глазами. Настоящий мастер. Он принес с собой свой чемпионский пояс. Со мной был Том Патти, один из боксеров, тренировавшихся у Каса. Бенитес достал небольшой футляр, внутри которого был пояс, и позволил мне прикоснуться к нему. Я словно увидел Святой Грааль.

– Эй, Томми, взгляните на это, это пояс, чувак! – сказал я. – Я должен получить его! Я так упорно тренируюсь. Если я завоюю его, то никогда не отдам!

Я был счастлив быть вместе с Бенитесом. Он воодушевил меня, усилил во мне желание стать более решительным и целеустремленным.

Благодаря Касу мне удалось также поговорить с Али. В октябре 1980 года мы все приехали в Олбани, чтобы посмотреть телепередачу о том, как Али пытался отвоевать свой титул у Ларри Холмса³⁹. В том бою Али здорово досталось. Кас был зол как черт, я его еще никогда не видел в таком гневе. После боя у него было каменное лицо, поскольку ему пришлось давать интервью и пожимать руки, но как только мы сели в машину, мы почувствовали всю его отрицательную энергетику. За все 45 минут пути домой никто не произнес ни слова.

На следующее утро Джин Килрой, помощник Али, соединил Али по телефону с Касом.

– Как ты позволил, чтобы этот дилетант побил тебя? Он дилетант, Мохаммед, он просто никчемный боксер!.. А я говорю, что он дилетант!.. Не говори мне этого, он просто заштатный боксер! Почему ты позволил, чтобы дилетант так отмутил тебя?

Я слушал Каса, и каждый раз, когда он произносил слово «дилетант», оно буквально вонзалось в меня. Я начал плакать. Это был паршивый день в моей жизни.

Затем Кас сделал для меня одну умопомрачительную вещь.

– Со мной молодой черный парень. Он просто мальчик, но он будет чемпионом мира в тяжелом весе. Его зовут Майк Тайсон. Пожалуйста, ради меня поговори с ним, Мохаммед. Я хочу, чтобы ты велел ему слушаться меня.

И Кас передал мне трубку.

– Мне жаль, что с вами так получилось, – сказал я. Я был тогда маленьким мудаком.

– Я был болен, – ответил мне Али. – Я принял лекарство, оно ослабило меня, поэтому Холмс и побил меня. Я собираюсь поправиться, вернуться и побить Холмса.

– Не беспокойтесь, чемпион, – сказал я. – Когда я повзрослею, я свалю его для вас.

Многие считают, что Али был моим любимым боксером. Должен, однако, сказать, что для меня это был Роберто Дюран. До этого я всегда восхищался, насколько красив и эффектен Али. Сам я был маленького роста и уродлив, плюс ко всему у меня был дефект речи. Когда же я увидел Дюрана, он был похож на обычного уличного парня. Он говорил разные гадости своим противникам вроде: «Пососи мой е... ный член, ты, ублюдок! В следующий раз, мать твою, я отправлю тебя в морг!» После того как он побил Шугара Рэя Леонарда⁴⁰ в

³⁸ Уилфред Бенитес (род. в 1958 г.) – пуэрториканский боксер-профессионал, чемпион мира в первой полусредней (версия WBA, 1976 г.), полусредней (версия WBC, 1979 г.) и первой средней (версия WBC, 1981–1982) весовых категориях.

³⁹ Ларри Холмс (род. в 1949 г.) – американский боксер-профессионал, чемпион мира в тяжелом весе по версиям WBC (1978–1983), IBF (1984–1985), а также по версии журнала «Ринг» (1980–1985).

⁴⁰ Шугар Рэй Робинсон, настоящее имя Уолкер Смит-младший (1921–1989) – американский боксер-профессионал, выступавший в легкой, первой полусредней, полусредней, первой средней, средней, второй средней и полутяжелой весовых категориях; чемпион мира в полусредней (1946–1950) и средней (1951–1952, 1955–1957 и 1958–1960) весовых категориях.

первом бою, он прошел туда, где сидел Уилфред Бенитес, и выкрикнул: «Пошел нах...! Ты, блин, слабак и трус, чтобы встретиться со мной».

«*Чувак, этот парень – ты*», – подумал я. Это было именно то, к чему я стремился. Он не стыдился быть тем, кем он был. Я относился к нему, как к номинальному, обычному человеку.

По мере того как моя карьера шла в гору и меня хвалили за мою ярость и неукротимость, я начинал понимать, что называться зверем было высшей похвалой. Оказавшись как-то в Нью-Йорке, я пошел в кафе «Викторс», потому что слышал, что там тусовался Дюран. Я сидел один за столиком и смотрел на фотографии Дюрана, висевшие на стене. Я осуществил свою мечту.

Я был расстроен, когда Дюран сдался, произнеся: «Хватит!» – во время матча-реванша с Леонардом. Мы с Касом смотрели этот бой в Олбани, и я был в такой ярости, что рыдал. Но Кас дал этому точное определение. «Он больше не повторит такого», – предсказал он.

* * *

К тому времени я уже переехал к Касу и был в его команде. Он приступил к моим ежедневным упорным тренировкам. У меня никогда не было права наслаждаться боксом как видом спорта или заниматься им шутки ради. Кас был максималистом, но и я старался по максимуму. Я уже тогда хотел быть Ахиллесом. Я из тех парней, над которыми смеются: «Не давай ниггеру веревку, он захочет быть ковбоем». Я был ребенком, у которого не было надежды. Но если мне дать ее проблеск, то вы влипли, – потому что я тогда готов горы свернуть.

Кас обычно должен был по утрам будить боксеров, но к тому моменту, когда он поднимался, я уже возвращался с пробежки. Кас, как правило, накрывал стол для завтрака, но я успевал сделать это сразу после бега. Он свирепел. «Кто накрыл мне стол?» – рычал он. Он был расстроен тем, что я показывал больше самоотверженности, чем он. Затем Кас готовил мне завтрак. Он бросал на сковородку большой кусок бекона, двадцать или около того ломтиков, затем в топленом масле от бекона готовил яйца. Кофе я не пил, только чай. Он готовил мне завтрак каждое утро, даже если был сердит на меня.

Думаю, мы оба осознавали, что бежим наперегонки со временем. Касу было уже за семьдесят, поэтому он старался энергично запихать в меня все свои знания. Впихнуть, впихнуть, впихнуть все это в меня. Если в тебя все это запихивают, то ты неизбежно постигаешь это, если только ты не полный идиот. Я стал весьма искусен в боксе, но степень моей зрелости, уровень моих мыслительных способностей не поспевали за моими боксерскими навыками. Это не было похоже на то, будто я собрался в школу, и мне стали формировать характер, чтобы воспитать из меня хорошего, полезного члена общества. Нет, это было совсем другое – ведь я собирался стать чемпионом мира в тяжелом весе.

Кас в этой связи проявлял беспокойство. «Боже, я бы хотел, чтобы у меня было с тобой больше времени!» – говорил он. Но наряду с этим он говорил и другое: «Я занимался боксом шестьдесят лет и еще никогда не видел никого, кто проявлял бы такую заинтересованность, как ты. Ты всегда говоришь только о боксе».

Я был максималистом. Если шел снег, Кас тренировал меня в доме. По ночам я часами не ложился спать, ведя в своей комнате бой с тенью. Моя жизнь зависела от того, добьюсь ли я успеха. Если я этого не сделаю, я просто бесполезный кусок дерьма. Кроме того, я ведь делал это и для Каса. У него была трудная жизнь, много разочарований. Поэтому я должен был защитить самолюбие и гордость этого старого итальянца. Неужели я на это не способен, черт возьми?

Когда я не тренировался, я смотрел старые фильмы про бокс и занимался этим, по крайней мере, десять часов в день. В выходные дни это вообще было моим единственным развлечением. Я смотрел их в одиночестве наверху, всю ночь напролет.

Однажды я прибавил громкости, и звук стал слышен по всему старому дому. Подошел Кас:

– Что, черт возьми, ты делаешь?

– Просто смотрю кино, – ответил я.

– Послушай, ты должен ложиться в постель! Люди хотят спать, – сказал он.

Когда он спускался по лестнице, я слышал, как он бормотал:

– Никогда еще не встречал такого ребенка! Всю ночь смотреть кино, беспокоя весь дом!

Иногда мы смотрели фильмы про бокс вместе, и Кас давал мне советы о том, как я мог бы победить Демпси, или Джеффриса, или Луиса⁴¹.

Я был так увлечен, что порой, на самом деле, шел спать, не сняв перчаток. Я просто безумно мечтал стать знаменитым боксером Майком Тайсоном. Я жертвовал всем ради этой цели. У меня не было ни женщин, ни лакомств. В то время я передал, и у меня было нарушение режима питания. Кроме того, у меня был период полового созревания: появились прыщи, мои гормоны играли, мне постоянно хотелось мороженого. Но нельзя было терять из виду цели. Я поговорил с Касом о девушках, и он, хмыкнув, ответил, что я буду иметь всех женщин, которых я когда-либо пожелаю.

Однажды, пребывая в мрачном расположении духа, я спросил:

– Кас, у меня, что, никогда не будет девушки?

Кас послал кого-то, ему принесли одну из бейсбольных бит в миниатюре, и он подарил ее мне со словами:

– У тебя будет столько девушек, что тебе будет необходимо вот это, чтобы отбиваться от них.

Поэтому все, что мне оставалось, – это мастурбировать и тренироваться, мастурбировать и тренироваться. И надеяться, что после того, как я стану чемпионом, у меня будет куча денег и женщин, столько, сколько захочу.

На тренировках Кас обучал весьма необычной и нестандартной технике ведения боя. Над ней порой смеялись, но только потому, что не понимали ее. Это был стиль боксирования «пикабу». Он был ориентирован прежде всего на защиту. Ты держал обе руки перед лицом, полностью закрываясь. Твои руки и локти двигались вместе с тобой, поэтому, когда соперник выбрасывал удар, ты блокировал его на встречном движении, а затем проводил контратаку.

Атака у Каса базировалась на хорошей защите. Он считал делом первостепенной важности для боксера – не попасть под удар. Чтобы научить уклоняться от ударов, он использовал специальную грушу, брезентовый мешок с песком, на который был намотан канат. Нужно было двигаться вокруг нее, делая уклоны, чтобы избегать касания. Я весьма преуспел в этом.

Кроме того, он использовал «мешок Вилли», названный в честь боксера Вилли Пастрано. Это были матрасы, закрытые брезентом и обернутые вокруг рамы. Внешне это напоминало торс. Тело было поделено на различные зоны, каждая зона имела цифровое обозначение. Нечетные числа означали зоны для ударов левой, четные числа – зоны для ударов правой. Кас ставил кассету с записью чисел в различной последовательности. «Пять, четыре!» – надо было сразу же провести левый хук в корпус и правый апперкот в подбородок. Идея заключалась в том, что по мере повторения этих действий в ответ на цифры они

---

⁴¹ Уильям Харрисон Демпси (1895–1983), Джеймс Джексон Джеффрис (1875–1953), Джозеф Луис Бэрроу (1914–1981) – американские боксеры-профессионалы, чемпионы мира в тяжелом весе.

становились бессознательными, автоматическими, и тебе не приходилось обдумывать их. Через некоторое время ты уже мог наносить удары с закрытыми глазами.

Кас полагал, что боксеры пропускают удары с правой потому, что они не двигаются и низко держат руки. Поэтому он научил меня волнообразно раскачиваться, а не просто нырять вниз-вверх. Он заставлял меня постоянно передвигаться: вбок, затем вперед, вбок и опять вперед. Кас считал, что при нанесении ударов максимальный эффект получается, когда ты сделал два удара, звук от которых, как от одного. Чем явственнее этот звуковой эффект, тем выше процент, что серия ударов приведет к нокауту.

Придавая особое значение защите, Кас понимал, что боксеры оборонительного стиля смотрятся скучно.

– Бокс – это развлечение, поэтому, чтобы иметь успех, боксер должен не только побеждать. Он должен захватывающе побеждать. Он должен бить наповал, – всегда говорил Кас.

Он хотел, чтобы я стал активным контр-панчером, заставляя своих противников выбрасывать удары впустую или бегать по рингу. Кас всегда пытался воздействовать на противника на ринге. Если ты постоянно уклоняешься от его ударов, он теряет уверенность в себе. А затем идет ко дну. Уклонись от удара и контратакуй. Двигайся и бей одновременно. Форсируй события. Кас считал, что короткие удары могут быть тяжелее, чем длинные. Он считал, что нанесение тяжелых ударов не имеет ничего общего с физическим аспектом, это целиком и полностью область эмоционального. Это была теория контролируемых эмоций.

Для моих тренировок Кас нанял лучших спарринг-партнеров. Моим любимым из них был Марвин Стинсон. Кажется, он был участником Олимпийских игр. Он был основным спарринг-партнером Холмса, затем Кас уговорил его работать со мной. Для меня он был удивительным наставником, обучая меня двигаться по рингу и наносить удары. После первой тренировки он отвел меня в сторону и дал мне свои перчатки для пробежек, поскольку утром, когда я бегал, было холодно, и он увидел, что у меня их не было.

Мои спарринги были похожи на полномасштабную войну. Перед началом тренировочного боя Кас отводил меня в сторону.

– Не расслабляйся, иди и выложись по полной, – говорил он. – Ты должен показать все, чему ты научился, и сделать это на полной скорости. Я хочу, чтобы ты переломал этим ребятам ребра.

Переломать им ребра? На спарринге? Он просто хотел подготовить меня к встрече с парнями, с которыми мне предстояло работать, и, конечно же, он хотел, чтобы я переломал ребра моим соперникам в реальных поединках.

Когда Кас находил для меня хороших спарринг-партнеров, он всегда относился к ним по-особому, потому что знал, что они обеспечивают мне хорошие тренировки. И платил спарринг-партнерам он всегда очень хорошо. Но это отнюдь не гарантировало, что они останутся. Часто парень приходил в готовности к спаррингам в течение трех недель, но после первого же тренировочного боя мы обнаруживали, что он испарился. Им настолько претило, что из них вышибали дерьмо, что они даже не удосуживались забирать свои вещи. Когда такое случалось, мы с Томом стремглав неслись в их комнату и шмонали их одежду, обувь, украшения. Если нам везло, то мы находили заглазники с травкой или, по крайней мере, пару ботинок, которые нам подходили.

Иногда Кас приводил для спаррингов со мной уже состоявшихся боксеров. Например, когда мне было шестнадцать лет, он привел в Катскилл Фрэнка Бруно⁴², которому было в то время двадцать два года.

---

⁴² Франклин Рой Бруно (род. в 1961 г.) – британский боксер-профессионал, чемпион мира среди профессионалов в тяжелом весе по версии WBC (1995–1996), чемпион Европы по версии EBU (1985 г.); встречался с Майком Тайсоном на профессиональном ринге в 1989 г. и в 1996 г., оба раза проиграл, после последнего поражения (М. Тайсон победил нокаутом в третьем раунде) ушел из бокса.

Обычно спарринг состоял из двух раундов. До начала спарринга с состоявшимся боксером Кас отводил его в сторону.

– Послушай, он просто ребенок, но не расслабляйся с ним. Выложись по полной, – говорил он.

– Ладно, Кас, – отвечал тот. – Поработаю с твоим ребенком.

– Эй, ты меня услышал? Тебе не надо с ним работать. Тебе следует выложиться по полной.

Меня учили выходить на ринг не просто для того, чтобы победить. Меня учили драться, чтобы причинить боль, чтобы причинить вред, чтобы травмировать соперника. Мы часами говорили о том, как сделать это. Это то, что Кас исподволь внушал мне. «Тем самым ты шлешь послание чемпиону, Майк, – просвещал меня Кас. – Он будет внимательно следить за тобой». Но мы слали также наши решительные послания тренерам, менеджерам, промоутерам и всему боксерскому миру. Мы сообщали всем: Кас вернулся.

Кроме просмотра старых фильмов про бокс, я проглатывал все, что мог найти выдающихся боксеров. Вскоре после того, как я переехал к Касу, я читал «Энциклопедию бокса» и засмеялся, прочитав об одном чемпионе, который обладал своим титулом только год. Кас посмотрел на меня холодным пронзительным взглядом и сказал:

– Год в звании чемпиона стоит больше, чем вся жизнь в безвестности.

Когда я стал изучать жизнь великих боксеров, я увидел множество аналогий с тем, что проповедовал Кас. Все они были гнусными ублюдками. Демпси, Микки Уокер⁴³, даже Джо Луис, хотя Луис был застенчив. Я тоже приучал себя быть свирепым. Еще когда я ходил в школу, я плевал на всех и вся. В глубине души я понимал, что должен быть таким, потому что, если бы мне это не удалось, Кас избавился бы от меня, и я умер бы с голоду.

Кас дал мне книгу «*В этом углу...*»! Я не мог оторваться от нее. Я видел, как эти боксеры справлялись со своими эмоциями, как они готовились к боям. Эта книга позволила мне лучше понять человеческую психологию. Меня поразило, с каким упорством тренировались боксеры того времени, как они голодали. Я узнал, что Джон Л. Салливан⁴⁴ тренировался, пробегая пять миль, а затем шел назад пять миль и проводил спарринг в двадцать раундов. А Эззард Чарльз⁴⁵ упоминал, что он пробегал только три-четыре мили в день и боксировал лишь шесть раундов. «*Блин*», – подумал я, – *Салливан в 1880-х годах тренировался упорнее, чем этот парень в 1950-х*. Поэтому я начал преодолевать четыре мили до тренажерного зала, проводил спарринги, а затем возвращался в дом. Я стал подражать парням старой школы, потому что они были крутыми. И их карьера была долгой.

Я сводил Каса с ума, все время задавая ему вопросы о боксерах прежнего времени. Знаю, он был не прочь поговорить о боксе, но, как мне кажется, иногда я заходил слишком далеко. Я прочитал все книги Каса о боксе, поэтому, когда мы сидели за обеденным столом и Кас, рассказывая остальным ребятам что-либо об истории бокса, запинался на каком-либо имени или дате, я заканчивал фразу за него.

– Этот парень знает все, – говорил он. – Он словно был там.

Я очень серьезно изучал историю бокса, потому что много узнавал об опыте прежних боксеров. Что я должен делать, чтобы быть, как этот парень? Как поможет дисциплина добиться того, что есть у другого парня? Кас рассказывал мне, какими порочными и гнусными они были за пределами ринга, но когда они выходили на него, они становились раскованными и спокойными. Его рассказы об этих парнях, его глубокое уважение к ним при-

---

⁴³ Эдвард Патрик «Микки» Уокер (1903–1981) – профессиональный американский боксер, чемпион мира в полусреднем и среднем весе.

⁴⁴ Джон Лоуренс Салливан (1858–1918) – американский боксер-профессионал, первый в современной истории чемпион мира по боксу в тяжелом весе.

⁴⁵ Эззард Мак Чарльз (1921–1975) – американский боксер-профессионал, чемпион мира в тяжелом весе.

водили меня в полный восторг. Мне так хотелось бы, чтобы кто-нибудь так же говорил обо мне. Я хотел быть частью этого мира. Я смотрел боксерские поединки по телевизору, видел, как боксеры наносили друг другу удары с гримасами на лицах, их тела все в ссадинах, и мне хотелось пройти через такое же.

Мы разговаривали обо всех великих боксерах. Я буквально влюбился в Джека Джонсона. Какой смелый парень! Он, действительно, был первым чернокожим парнем, которым следовало гордиться. И мне нравилось его высокомерие. Когда на рубеже века его остановили за превышение скорости и выписали штраф где-то на десять долларов, он дал копу двадцать и сказал: «Почему бы вам не взять эти двадцать, потому что я собираюсь возвращаться таким же образом».

Он был мастером воздействия на соперников. На тренировках прежде, чем надеть трико, он обертывал свой пенис, чтобы он выглядел крупнее и вызывал у белых парней комплекс неполноценности. Он унижал своих соперников во время боя. Он обожал подзадоривать противника. «Даю десять тысяч долларов, если сможешь рассечь мне губу», – говорил он. Во время поединка он смеялся в лицо своих оппонентов, обменивался репликами со своей белой женой и говорил ей, как сильно он ее любит, выбивая в это время дерьмо из парня, с которым дрался. Это был тот человек, с которым я был бы счастлив пообщаться. Он говорил на нескольких языках и встречался на вечеринках с членами царской семьи России и королевской семьи Великобритании.

В свою очередь, Демпси был первым чемпионом, заработавшим миллион долларов. Он принес в бокс элементы шоу-бизнеса и гламура. Я очень хорошо понимал его, потому что он был закомплексован, постоянно сомневался в себе, однако всегда преодолевал эти чувства, чтобы достичь своих целей.

Кас же больше всех любил Генри Армстронга⁴⁶. Тот постоянно атаковал своих противников и изнурял их.

– Постоянные атаки, никаких передышек, – восхищался Кас. – Уклоны с хорошей защитой – вот что делал Армстронг. Он разрушал волю своего противника, подавлял его дух, превращал все его усилия вдохлый номер.

Превратить все усилия, блин, вдохлый номер? Ух ты! Затем Кас пристально посмотрел на меня.

– Если ты будешь следовать моим наставлениям, ты взберешься на вершину мира. Видишь, как ты увлечен и насколько тебе интересны разговоры обо всех этих боксерах старой школы? Когда ты, следуя моим наставлениям, станешь чемпионом, единственной причиной, по которой будут еще помнить об этих парнях, станет то, что ты будешь вспоминать о них. Ты вытеснишь их всех. Ты заставишь забыть о каждом из них. Я видел Джека Демпси еще ребенком. Я встречался с этими парнями, жал им руки. Они не то, что ты. Ты гигант, ты просто колосс.

И я ел все это дерьмо. Всех этих разговоров о самоотверженности, дисциплине и трудолюбии было, однако, недостаточно, чтобы удержать меня от возвращения в Бруклин, краж и ограблений. Для меня у монеты пока обе стороны были лицевыми. Я мог быть и наверху, в Катскилле, пай-мальчиком, и внизу, в Бруклине, где в меня вселялся дьявол. Слава богу, что меня никогда не арестовывали за что-либо. Это разбило бы Касу сердце.

---

⁴⁶ Генри Армстронг, настоящая фамилия Джексон (1912–1988) – американский боксер-профессионал, единственный в истории профессионального бокса спортсмен, который одновременно владел тремя титулами «чемпион мира» (в полутяжелой, легкой и второй полусредней весовых категориях).

* * *

Кас знал, как заставить меня почувствовать себя покорителем мира, но он знал также, как заставить меня почувствовать себя полным говном. Иногда он говорил мне: «Ты позволяешь своему душевному состоянию взять верх над собой». Это был его скрытный, негласный способ сообщить мне: «Ты ничтожный кусок дерьма. Тебе не хватает дисциплины, чтобы стать одним из великих». Великие способны проводить свои лучшие бои, даже если только что похитили их ребенка или убили их мать. Великие совершенно не зависят от своих эмоций.

Таковы и актеры, не только боксеры. Я читал о легендарных артистах, которые торчали от всего подряд, но затем приходили в себя и давали прекрасное представление. Они не могли даже передвигаться, но у них была громадная дисциплина и целеустремленность. Порой прямо со сцены они попадали сразу в больницу. Я хотел бы быть одним из таких боксеров или актеров.

С самого первого вечера, когда я переехал к Касу, он начал пробовать меня на излом. Он хотел понять, как далеко можно заходить в том, чтобы дрючить меня без всякого повода. Он пришел ко мне в комнату и сказал: «Что ты делал сегодня в школе, а? Ну, ты ведь должен был что-то сделать, ты был в школе весь день. А что ты узнал? Где твоё домашнее задание? У тебя есть сегодня домашнее задание?» Другие ребята в доме всегда говорили, что Кас благоволил ко мне, но они не знали, как он со мной разговаривал, когда мы оставались одни.

Я всегда боролся со своим весом. По моему мнению, я был жирной свиньей, хотя никто не сказал бы так, глядя на меня. Когда я тренировался, я намазывался альболеном⁴⁷ и надевал синтетический костюм на неделю или две, снимая его только на ночь, когда я принимал горячую ванну, чтобы выгнать с потом как можно больше веса. На следующее утро я вновь надевал его, делал пробежку и носил его затем весь день.

Мой вес был еще одним объектом для нападок со стороны Каса. «Твоя задница толстеет, – говорил он. – Ты теряешь интерес, не так ли? Ты больше не хочешь этого делать, да, Майк? Это для тебя слишком тяжело, не так ли? А ты думал, что мы здесь в игрушки играем? Ты думал, что вернешься в Браунсвилл бегать и развлекаться? Так?» Можете представить, каково было все это выслушивать. Как только я собирался насладиться мороженым, которое я мог позволить себе на выходные, я слышал: «Не так много людей могли бы выдержать, вот почему это имеет особое значение. Черт побери, а я-то думал, что ты действительно сможешь».

Иногда Кас выговаривал мне непонятно за что. Он бранил меня, форменным образом издевался надо мной:

– Со своим инфантильным поведением ты никогда не достигнешь тех высот, к которым мы стремимся.

Временами я просто вопил в ответ:

– Я ненавижу всех вас здесь! А-а-а!

Кас просто изводил меня.

Я хватал на лету его положительные реплики и говорил в ответ что-то вроде: «Я готов сделать все возможное, чтобы выиграть. Я готов отдать свою жизнь, чтобы быть чемпионом, Кас». И вместо того чтобы ответить: «Ты будешь им, Майк», – он бросал мне в лицо: «Осторожней с тем, на что замахиваешься. Ведь ты можешь и получить то, о чем просишь».

Он критиковал даже мою одежду. Как-то на праздники должны были подъехать гости, сестра Камиллы или кто-то еще. Я надел красивые широкие брюки, рубашку, жилет, а также

---

⁴⁷ Альболен – средство для усиления эффекта потоотделения.

галстук, который Камилла помогла мне завязать. Я сидел там, отдыхая, и все дамы говорили: «О-о, Майк, ты прекрасно выглядишь».

И вдруг в комнату вошел Кас:

– Ты чего это так вырядился? Твои брюки сидят так плотно, что видны яйца и задница.

С тобой все в порядке?

Камилла пыталась выступить в мою защиту, но на Каса это не произвело впечатления:

– Не говори мне ничего о том, что ты думаешь об этом, Камилли, пожалуйста. Ладно?

Не вижу ничего красивого в его одежде.

Кас никогда не обзывал меня «сукиным сыном» или кем-то вроде этого. Он использовал другие слова: «задница», «бездельник», «клоботряс». Это была равноценная боксерская замена грязному, мерзкому, нехорошему ниггеру, и это заставляло меня плакать, как ребенка. Он знал, что эти слова из его уст производят на меня сильное впечатление.

У меня было столько противоречивых сигналов, что я стал беспокоиться, действительно ли он относился ко мне, как к боксеру. Как-то мы с Томом Патти вышли из зала, а Кас слегка задержался. Я запрыгнул на заднее сиденье и присел на корточки.

– Скажи Касу, что я пошел домой пешком. А когда он сядет в машину, спроси его, что он на самом деле думает обо мне.

Том согласился.

Кас сел в машину.

– Где Майк, черт возьми? – спросил он.

– Думаю, он остался в городе, – ответил Том.

– Что ж, тогда поехали. Он сможет добраться домой позже.

Мы тронулись. Я лежал сзади, шепотом подсказывая Тому, потому что Кас был глуховат и ничего не мог слышать.

– Эй, Том. Спроси у Каса, что он думает: у меня сильные удары?

– Кас, как вы думаете, у Майка сильные удары? – спросил Том.

– Сильные ли у него удары? Слушай, у этого парня удары такие сильные, что он мог бы проломить кирпичную стенку. Он бьет не только сильно, но еще и эффективно. И он может бить с обеих рук, – сказал Кас.

– Спроси у Каса, что он думает: я действительно смогу стать кем-то в будущем? – прошептал я.

Том повторил вопрос.

– Томми, если Майк сосредоточится на избранной цели, он станет одним из величайших, если не величайшим боксером в истории бокса.

Меня глубоко взволновало то, что я услышал. Мы уже были у дома. Когда все выбрались, Кас увидел меня на заднем сиденье.

– И ты знал, что он был там? – поинтересовался он у Тома.

Том заявил о своей невинности.

– Не мели вздор. Ты знал, что он был там. Ну и мошенники же вы, я вам доложу!

Касу, в отличие от нас, все это не показалось смешным.

Самое смешное заключалось в том, он не мог сдерживать своих эмоций. Кас был крутым, ну просто очень крутым парнем, который жаждал мщения. Рой Коэн, кардинал Спелман – эти типы преследовали его даже во сне. Эдгар Гувер⁴⁸? «Эх, хотел бы я пустить ему пулю в голову, вот чего он заслуживает». Он постоянно вел речь о необходимости убить кое-кого, причем некоторые из этих ребят были уже мертвы! Но он ненавидел их. Однажды я сказал что-то лестное о Ларри Холмсе, и Кас озверел:

---

⁴⁸ Джон Эдгар Гувер (1895–1972) – американский государственный деятель, занимавший пост директора Федерального бюро расследований с 1924 года по 1972 год.

– Что ты имеешь в виду? Да он просто ничтожество! Ты должен разорвать его на части! Наша задача – разорвать его на части и забрать у него титул чемпиона. Он ничтожество по сравнению с тобой!

Иногда Кас буквально рычал на людей на экране телевизора, как зверь. Вы бы никогда не подумали, что это был такой свирепый старик, но он был им. Если ты не был его рабом, он испытывал к тебе неприязнь. Он всегда был в состоянии конфронтации. Большую часть дня он бродил, бормоча: «Ох, этот сукин сын. Ох, не могу поверить, что этот парень, ты знаешь, как его звать, сделал то и се. Что за сукин сын!»

Бедная Камилла говорила: «Кас, Кас, успокойся, успокойся же, Кас. У тебя слишком поднялось артериальное давление».

Кас управлял этим домом железной рукой, но парадокс состоял в том, что на самом деле это был дом Камиллы. У Каса не было никаких денег. Он никогда по-настоящему не заботился о деньгах, он раздавал их. Камилла хотела продать дом, потому что он обходился слишком дорого, но Кас уговорил ее оставить его. Он пообещал ей, что получит группу хороших боксеров, и дела пойдут на лад. Он уже терял надежду, когда появился я.

Не думаю, что Кас рассчитывал на то, что в ближайшие тысячу лет он получит еще одного чемпиона, хотя он и надеялся на это. Большинство из тех, кто пришел туда, были уже сформировавшимися боксерами, которые хотели улизнуть от девушек и соблазнов города. Кроме того, в то время никому не нравился стиль боксирования Каса. Все полагали, что он уже устарел.

Затем объявился я, не зная ничего, чистый лист. Кас был счастлив. Я не мог понять, почему этот белый человек был так счастлив со мной. Он смотрел на меня и просто истерически смеялся. Он звонил по телефону и говорил в полном восторге:

– Молния ударила в меня два раза! У меня есть еще один чемпион в тяжелом весе!

А я ведь даже никогда в своей жизни не занимался любительским боксом. Не знаю уж как, но каким-то образом он смог увидеть во мне то, что надо.

Глава 3

Никогда не забуду своего первого любительского боя. Он состоялся в Бронксе в небольшом зале, принадлежавшем бывшему боксеру Каса по имени Нельсон Куэвас. Зал был еще тем гадюшником. Он находился на втором этаже здания совсем рядом с надземным перегонным линией метро. Пути были так близко, что, вытянув руку из окна, казалось, можно было прикоснуться к поезду. Такие боксерские встречи назывались «курилками», поскольку воздух был настолько насыщен сигаретным дымом, что можно было с трудом различить парня, стоявшего перед тобой.

«Курилки» были несанкционированными поединками, что, по существу, означало, что они были незаконными. Там не было медработников или машин «Скорой помощи», дежуривших снаружи. Если толпе не нравилось твое выступление, то зрители не освистывали тебя, а просто дрались друг с другом, чтобы показать тебе, как это надо делать. Все, кто приходил, были одеты с иголки, вне зависимости, были они гангстерами или торговцами наркотиками. И все делали ставки на бои. Помню, я спросил одного парня: «Купишь мне сосиску в тесте, если я выиграю?» Те, кто поставил на тебя и выиграл, обычно покупали тебе какой-нибудь еды.

Непосредственно перед боем я был так напуган, что чуть не сбежал. Я вспоминал всю ту подготовку, через которую я прошел вместе с Касом. Даже после всех проведенных спаррингов я по-прежнему не был уверен в своих силах для того, чтобы встретиться с кем-либо на ринге. А что, если я выступлю неудачно и проиграю? Я миллион раз дрался на улицах Бруклина, но здесь было совершенно другое чувство. Ты не знаешь парня, с которым предстоит драться, ты с ним не в ссоре.

Я был вместе с Тедди Атласом, своим тренером. Я сказал ему, что зайду в магазин на минутку, спустился вниз и сел на ступеньку лестницы, ведущей к метро. На какое-то мгновение я подумал, что мог бы запросто сесть на чертов поезд и вернуться в Браунсвилл. Однако затем я вспомнил все наставления Каса, расслабился, во мне разыгралась гордость, я встал и вернулся в зал. Там все бурлило.

Я дрался со взрослым пуэрториканским парнем с огромной прической в стиле «афро». Ему было восемнадцать лет, он был на четыре года старше меня. Мы упорно бились два раунда, а в третьем раунде я отбросил его на канаты и затем нанес такой удар, что буквально выбил его капу, которая улетела к шестому ряду зрителей. Он вырубился.

Я впал в транс. Это была любовь с первого боя. Я не знал, как ознаменовать свой триумф, поэтому наступил на противника. Я вскинул руки вверх и наступил на распростертого ублюдка.

– Слезай, черт подери! Что ты делаешь, блин, зачем ты наступил на парня? – закричал мне рефери. Кас ждал отчета у телефона в Катскилле. Тэдди позвонил ему и рассказал обо всем. Кас был так взволнован, что его друг Дон, который выезжал за город вместе с нами, на следующее утро был вынужден рассказывать ему о моем бое снова.

Я возвращался в «курилку» каждую неделю. Ты шел в раздевалку, там была куча парней, которые рассматривали друг друга. Ты сообщал им о своем весе, сколько у тебя было боев. Обычно я говорил, что я старше четырнадцати. Там было не так много четырнадцатилетних весом до 90 кг, поэтому я всегда дрался с парнями постарше.

Эти «курилки» много значили для меня, гораздо больше, чем для других парней. Я расценивал их так: я родился в преисподней, и каждый раз, когда я выигрывал бой, я делал шаг прочь из нее. Остальные боксеры вряд ли имели такое дрянное прошлое, как я. Если бы у меня не было этих «курилок», я бы, очевидно, завершил свои дни в сточной канаве.

Однажды и Тедди поучаствовал в этих боях. Вечером мы были в зале Нельсона, какой-то парень толкнул Тедди, Тедди ударил того в лицо, и Нельсон был вынужден вмешаться. Он схватил один из призов, которые там были, оловянную статуэтку боксера на мраморной подставке, и принялся колотить ею парня по голове. Если бы пришли копы, они бы могли предъявить обвинение в покушении на убийство. Тедди всегда ввязывался в драки. Не знаю уж, защищал ли он меня или другие парни завидовали тому, что у него был лучший боксер, но он никогда не был достаточно умен, чтобы отступать в споре. Однажды мы были в Огайо, и Тедди там подрался с другими тренерами.

Мы поехали на «курилки» на северо-восток. Перед тем как мы загрузились в машину, к нам подошел Кас.

– Некоторые мои друзья будут наблюдать за боями. Я буду ждать у телефона. Надеюсь, когда они позвонят мне, они будут в полном восторге, рассказывая о тебе, – сказал он.

Я не мог забыть этого. «Будут в полном восторге». Это настолько воодушевило меня, что я накручивал себя все шесть часов езды. Я не отдыхал ни минуты. Я не мог дожидаться, когда можно будет, наконец, попасть на ринг и начать избивать этих ублюдков. Один парень пришел на бой с женой и маленьким ребенком, так я вырубил его напрочь.

Сам Кас пришел на мой пятый бой, на «курилку» в Скрэнтоне. Я дрался с парнем по имени Билли О'Рурк в католическом молодежном центре Скрэнтон. Билли было семнадцать лет, и я заявил, что мне столько же, поскольку это был любительский поединок. Перед боем Кас подошел к О'Рурку.

– Мой боксер – это просто убийца, – сказал он. – Я бы не хотел, чтобы ты пострадал.

Это был мой самый жестокий бой за последнее время. В первом раунде я постоянно отправлял его в нокдаун, а этот сумасшедший белый псих, блин, опять поднимался. И не просто поднимался, а наносил свинги⁴⁹. И сколько я его ни валил, он всякий раз поднимался и мутузил меня. Если в первом раунде я надрал ему задницу, то второй превратился просто в побоище. Мы должны были драться три раунда, и Тедди решил не полагаться на волю слепого случая в образе судейского решения, которое могло оказаться неправильным.

– Послушай, ты разглагольствуешь о том, что станешь великим, обо всех этих сумасшедших боксерах, о том, что хочешь стать одним из них. Так вот, сейчас самое время. Иди вперед, бей джебы и уклоняйся.

Я вскочил с табурета, ринулся вперед и дважды опрокинул О'Рурка в третьем раунде. Он весь истекал кровью. В конце боя он настиг меня у канатов. Но – бац, бац, бац, я ответил – и он упал. Толпа сходила с ума. Это был кульминационный поединок вечера.

Кас был доволен, как я выступил, но все же заметил:

– Еще один раунд – и он бы разделал тебя.

В мае и июне 1981 года я участвовал в своем первом чемпионате – юношеских Олимпийских играх. На том этапе я провел около десяти боев. Сначала необходимо было выиграть местный турнир, затем региональный, и уже после этого были соревнования в Колорадо за национальный титул.

Я выиграл все местные бои, поэтому вместе с Теддом полетел в Колорадо, а Кас сел на поезд, поскольку он боялся летать. Когда я появился в раздевалке, я вспомнил, как вели себя все мои герои. Другие парни подходили ко мне, протягивали руку для рукопожатия, а я просто усмехался и отворачивался от них. Я играл свою роль. Когда кто-то заговаривал со мной, я только тарасился на него.

Кас знал все о том, как воздействовать на своего соперника, вызывая хаос и смятение, но не теряя при этом выдержки. Я вызывал такое смятение, что некоторые боксеры при одном взгляде на меня проигрывали свои бои, только чтобы на следующем этапе не встре-

---

⁴⁹ Свинг – размашистый боковой удар с дальнего расстояния.

чаться со мной. Я выиграл все свои бои нокаутом в первом раунде. Я взял золото, нокаутировав Джо Кортеса за восемь секунд, рекорд, который, насколько мне известно, остается непобитым и по сей день. Я шел в намеченном направлении.

После того как я выиграл золотую медаль, я стал местным героем. Касу нравилось внимание ко мне. Он любил свет софитов. Мне, однако, казалось, что все это было глупо. Мне едва исполнилось пятнадцать лет, и половина моих друзей в Браунсвилле были мертвы, ушли, погибли. У меня было не так много друзей в Катскилле.

Школа меня не интересовала. Мы с Касом уже определили, чего мы хотели бы добиться, поэтому школа в этих планах являлась отклонением от цели. Я не питал интереса к тому, чему меня учили, но желание учиться у меня, действительно, было. Кас стремился поощрять меня, и я брал книги в его библиотеке. Я читал Оскара Уайльда, Чарльза Дарвина, Макиавелли, Толстого, Дюма, Адама Смита. Я прочел книгу об Александре Македонском. Я любил историю. Читая историю, я узнавал о человеческой природе. Я узнавал человеческую сущность.

Я не попадал в школе в крупные неприятности, за исключением пары драк и временного лишения меня права посещать учебное заведение. Мне там было просто некомфортно. Некоторые ученики смеялись надо мной, но никто не напрашивался на неприятности. Кас сказал директору моей школы младших классов, мистеру Бордику, что я особый ребенок и что мне «необходимо сделать некоторые поблажки». Мистер Бордик был прекрасным человеком, и всякий раз, когда возникала проблема, Касу достаточно было пойти в школу, изобразить какую-то фигню в итальянском духе с бурной жестикуляцией – и я возвращался на занятия. Возвращаясь домой, я к пяти вечера шел в тренажерный зал, где проводил два часа. По вечерам я читал книги про бокс, смотрел фильмы или разговаривал с Касом. В выходные я вставал в пять утра, пробегал несколько миль, ел, спал, затем возвращался в зал к полудню. В течение недели в школу и обратно я добирался бегом.

Однажды я получил дополнительное занятие по бегу благодаря управленческим капризам моего опекуна Каса. Я был на школьном вечере, который должен был закончиться в десять. Касу я сказал, что буду дома в одиннадцать. После мероприятия все начали тусоваться, поэтому я позвонил Касу и сообщил ему, что, очевидно, буду дома немного позже, поскольку жду такси.

– Нет уж, немедленно же беги домой. Беги! Я не могу ждать тебя, – рявкнул он. Кас никому не доверял ключей от дома, потому что опасался, что мы их потеряем.

На мне был костюм и хорошие туфли, но Кас настаивал, чтобы я был дома *немедленно*.

– Чуваки, я должен идти, – сказал я своим приятелям. Все знали, сколько было времени. Но если Кас звал меня, я должен был идти. И я пох... чил.

Другой раз я гулял с приятелями, мы пили и веселились. Они высадили меня у дома, и я в окно увидел, что Кас спал в кресле, дожидаясь моего возвращения.

– Поворачиваем, назад. Возьмите меня к себе. Я не хочу разбираться с Касом, – заявил я.

Каждый раз, когда я приходил домой поздно, он дрючил меня только так. Порой я пытался прокрасться по ступеням, но они были старыми и скрипучими, и я всякий раз думал: «Блин, я влип!»

А когда я приходил домой из кино после того, как он разрешил мне туда пойти, Кас всякий раз дожидался моего возвращения, чтобы устроить мне допрос:

– Что ты там делал? С кем ты болтался? Кто они? Откуда их семьи? Назови их фамилии! Ты ведь знаешь, что тебе завтра на бокс!

Кас пытался даже женить меня в девятом классе. Я встречался с местной девушкой по имени Энджи, и Касу она нравилась. Следовало ожидать, что он захочет расстроить наши отношения, поскольку они отвлекали меня от тренировок, но Кас решил, что для меня было

бы лучше начать жить вместе с ней. Я бы успокоился, и это помогло бы мне сосредоточиться на моих занятиях боксом. Но у меня не было серьезных намерений в отношении Энджи. Я мечтал о яркой, колоритной жизни своих героев, таких боксеров, как Микки Уокер⁵⁰ и Гарри Греб. Они пили, у них было много женщин, они наслаждались жизнью. Камилла тоже не поддержала Каса.

– Не вздумай слушаться Каса по поводу женитьбы на ком-либо, – сказала она мне. – У тебя будет столько девушек, сколько ты захочешь, и ты сможешь выбрать лучшую.

Однажды я ввязался в драку в школе, и Касу пришлось идти сглаживать ситуацию. Вернувшись, он усадил меня перед собой.

– Тебе придется покинуть нас, если ты будешь продолжать себя так вести.

Я не выдержал и заплакал.

– Пожалуйста, не выгоняй меня, – рыдал я. – Я хочу остаться.

Мне, действительно, нравилась семейная атмосфера, которая царил в доме Каса. И я был безумно влюблен в самого Каса. Он был первым белым парнем, который не только не порицал меня, но готов был выбить дерьмо из того, кто сказал бы что-нибудь неуважительное обо мне. Никто не смог так сблизиться со мной. Он смог достичь глубин моего подсознания. Всякий раз после разговора с ним я должен был как-то разрядиться, провести бой с тенью или поприседать, настолько я был заряжен энергией. Я принимался бегать и кричать, так мне хотелось сделать его счастливым и доказать, что все те мечты, о которых он говорит, сбудутся.

Думаю, Кас почувствовал себя виноватым за то, что угрожал отправить меня отсюда и заставил меня плакать, потому что в тот же день он стал обнимать меня. Это было первое физическое проявление любви с его стороны, которое я когда-либо видел. Когда-либо. Но в тот момент, когда я заплакал, Кас понял, что я – в его власти. С этого момента я стал его рабом. Если бы он велел мне убить кого-нибудь, я бы убил. Я говорю серьезно. Все думали, что я тянулся к симпатичному итальянскому парню в возрасте, но я тянулся к воину. И мне нравилась каждая минута общения с ним. Я был счастлив быть солдатом Каса, это определяло мне цель в жизни. Мне нравилось быть тем, кому выпало осуществить миссию.

Я стал тренироваться еще упорнее, насколько это было возможно. Однажды, когда я вернулся домой из тренажерного зала, я буквально полз вверх по лестнице. Я дополз до ванной комнаты на третьем этаже, и Кас наполнил небольшую фарфоровую ванну невероятно горячей водой, добавив туда немного английской соли.

– Оставайся как можно дольше, – велел он.

Я чуть не обжегся, но на следующее утро чувствовал себя гораздо лучше и снова мог идти работать.

Я еще никогда не испытывал такого подъема. Передо мной была вполне конкретная цель, и я настойчиво шел к ней. Я даже не могу объяснить, насколько это было восхитительное чувство.

Когда остальные боксеры покидали зал и уходили со своими подружками, живя своей жизнью, мы с Касом возвращались домой и разрабатывали разные планы. Мы говорили о том, что хорошо бы иметь дома во всех частях мира. Кас учил меня тому, что «нет», по его выражению, должно являться для меня словом на иностранном языке: «Для тебя должен быть непонятен сам смысл слова «нет»».

Наверное, было несколько несправедливо по отношению к другим боксерам, пытавшимся стать чемпионами, то, что меня воспитывал и готовил гений. Другие парни стремились заработать деньги и обеспечить хорошую жизнь для своей семьи. Я же, благодаря Касу, хотел славы, и я хотел добиться ее их кровью. Но я чувствовал себя неуверенно. Я хотел

---

⁵⁰ Микки Уокер был известен также как страстный игрок в гольф и талантливый художник.

славы, я хотел быть знаменитым, я хотел, чтобы весь мир смотрел на меня и говорил, что я прекрасен. Но пока что я был толстым, блин, вонючим ребенком.

Кас убеждал меня, что золотисто-зеленый чемпионский пояс WBC⁵¹ стоит того, чтобы умереть ради него. И вовсе не из-за денег. Я спрашивал у Каса:

– Что значит быть величайшим боксером всех времен? Большинство из этих парней мертвы.

– Послушай, они мертвы, но мы же говорим о них сейчас. Это как раз и означает бессмертие. Значит, что и твое имя будет известно до конца времен, – ответил он.

Кас был весьма драматичен. Он был похож на персонажа из *«Трех мушкетеров»*.

– Мы должны дожидаться своего часа, как крокодилы в тине. Мы не знаем, когда наступит засуха и животные начнут переход через Сахару. Но мы будем ждать. Месяцы, годы. Наше время придет. И газели и антилопы начнут переправляться через воду. И когда они придут, мы схватим их. Ты слышишь меня, сынок? Мы будем пожирать их, а они будут вопить так истошно, что их услышит весь мир.

Он был настроен весьма решительно, и я тоже. Кас был намерен посредством меня вернуться в мир бокса, и я жаждал принять в этом участие. Он был как граф Монте-Кристо. Мы оба были готовы к мщению.

Поняв, что я, действительно, оказался на его стороне, Кас был счастлив. Но в то время он был просто параноиком. К примеру, я сидел в гостиной и читал, а Кас бродил поодаль в халате. Вдруг он подошел ко мне и выпалил:

– Да, и ты тоже собираешься бросить меня. Они заберут тебя. Ты оставишь меня, как и все остальные.

Я не понял, играл ли он со мной в какую-то интеллектуальную игру или просто хотел вызвать к себе чувство жалости.

– Кас, ты сошел с ума? О чем ты говоришь?

Я никогда не разговаривал с ним так. Вероятно, это был единственный раз, когда я назвал его сумасшедшим.

– Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду. Кто-нибудь даст тебе денег, и ты просто уйдешь. Такое происходит со мной всю жизнь. Я трачу время, выращиваю боксеров – а их затем крадут у меня.

Уйти? Да я бы попытался убить любого, кто забрал бы его у меня. Флойд Паттерсон оставил его, но со мной ведь была совсем другая ситуация. Мне нравилось общаться с ним и Камиллой, это была моя новая семья, которая избавила меня от прошлой тяжелой жизни.

– Ты просто сошел с ума, Кас, – повторил я, и он отошел.

* * *

В ноябре 1981 года мы с Тедди и двумя другими боксерами сели в машину и поехали в Род-Айленд на «курилку». Всю дорогу я думал о том, что я сделаю с соперником, этим ублюдком, когда доберусь туда. Я читал Ницше и воображал себя сверхчеловеком. Я с трудом мог продиктовать по буквам свое имя, но я был сверхчеловеком. Я представлял себе, как будет наэлектризована публика при виде меня и как все будут мне аплодировать, когда я надеру этому парню задницу. Самообольщаясь, я рисовал картины, как толпа бросает цветы к моим ногам. Мне было только пятнадцать лет, но мне предстояло драться с парнем по

---

⁵¹ WBC (World Boxing Council) – «Всемирный боксерский совет», создан в 1963 г., к настоящему времени включает более 160 стран, является одной из четырех наиболее авторитетных международных организаций профессионального бокса.

имени Эрни Беннетт, местным чемпионом, которому был двадцать один год. Это был его последний любительский бой, так как он собирался переходить в профессионалы.

Мы прошли на свое место, там вдоль стен была куча народа неприветливого вида. Было так тесно, словно я вновь оказался в труппах в Браунсвилле. Но мне было насрать. Их энергетика меня только подпитывала. Тедди велел: «Встань на весы». Я снял рубашку и брюки и остался только в нижнем белье. Я был прилично накачан. Я встал на весы, нас окружили.

– Это Тайсон. Это он, – слышал я, как говорили вокруг.

Я стоял на весах и начинал нервничать. Эти ребята были бандитами, узаконенными крутыми парнями, а я был не из их города. Но затем я вспомнил все те фильмы, которые я смотрел. Джека Джонсона на весах с толпой вокруг него. Я всегда представлял себя в такой ситуации. Потом я услышал, как вокруг перешептываются: «Это тот самый парень, который нокаутировал всех в первом раунде на юношеских Олимпийских играх!»

Мне вспомнилось то, что внушал мне Кас: я относился к высшему сословию, я был великим гладиатором, готовым к битве.

– Эй, чемпион! – улыбались мне эти парни. Но я в ответ смотрел на них пренебрежительно, типа: «А пошел ты! Чего пялишься?»

Я весил около 190 фунтов⁵².

– О-о, ты слишком тяжел, – заметил тренер Беннетта. Он был глухонемым, но можно было читать по его губам. – Но мы будем драться с ним. Мы будем драться с кем угодно.

– Я не кто угодно, – усмехнулся я.

Зал было переполнен. Там было не менее трех тысяч человек. Мы вышли на ринг, и начались девять минут настоящей мясорубки. Даже сейчас все еще вспоминают тот бой. Толпа не переставала подбадривать нас криками, аплодировали даже во время минутных перерывов между раундами. Мы были похожи на двух питбулей. Он был хорошо сбитым, быстрым и опытным, но потом, бац, я опрокинул его на канаты. Я жестко дрался с этим парнем до самого конца. Это было лучшее выступление в моей жизни.

Судейское решение было в его пользу. Это был грабеж среди бела дня. Я был в смятении и начал плакать. Я еще не проиграл ни одного боя. В раздевалке ко мне подошел глухонемой тренер. Я все еще плакал.

– Ты пока еще просто ребенок, – сказал он. – У моего парня было много, много боев. Мы дрались с тобой изо всех сил. Ты лучше моего парня. Не сдавайся. Однажды ты будешь чемпионом.

Это меня ничуть не утешило. Я плакал на протяжении всего пути домой. Мне хотелось отколотить этого парня. Когда мы вернулись домой, я должен был принять душ и пойти в школу. Но Тедди, очевидно, позвонил Касу, потому что тот ждал меня. Я думал, что Кас будет сердиться на меня за то, что я проиграл, но он широко улыбался.

– Я слышал, ты был молодцом. Тедди сказал мне, что парень был тертым малым, весьма опытным, – сказал он. – Возьми отгул. Тебе не нужно идти в школу.

Вообще-то я как раз собирался идти в школу. Этот парень поставил мне здоровенный синяк под глазом, и мне хотелось произвести на всех впечатление, демонстрируя свой знак мужества.

Я не позволил себе пасть духом из-за этого спорного проигрыша. Я продолжал драться в «курилках» и нокаутировать своих соперников. Кас все чаще приходил на мои бои. Ему нравилось, когда я действовал высокомерно и принимал надменный вид. Кас сам был достаточно высокомерен. Однажды я дрался с двадцатичетырехлетним парнем, который был чемпионом своего района с шестнадцати лет. Никто и никогда не побеждал его.

---

⁵² То есть около 86 кг.

Перед боем к нам подошел один из местных чиновников по боксу.

– Кас, человек, с которым вы будете драться, крепкий, сильный и злой, – сказал он.

Кас и бровью не повел.

– Работа моего парня как раз и заключается в том, чтобы ставить на место крепких, сильных и злых.

Я слышал все это, и мое сердце заколотилось. Я превратился, блин, в горячий бенгальский огонь. Я так накрутил себя, что готов был драться с этим парнем еще до того, как мы вышли на ринг.

Один раз я, готовясь к поединку, не мылся три дня. Я думал только о том, как изувечить своего соперника. Я ничего не знал о своих противниках в «курилках», не было ни записей их поединков, ни трансляции их боев по телевидению. Поэтому я всегда представлял себе, что те, с которыми я должен драться, были парнями, которые издевались надо мной, когда я был моложе. И настало время возмездия. Никто и никогда не выбирал меня для боя снова.

Всякий раз, когда я проявлял хоть немного гуманности во время боя, Кас протестовал. Парень мог попытаться пожать мне руку до начала поединка в качестве жеста достойного спортивного поведения. Если я жал ее, Кас приходил в ярость.

Единственным проявлением сострадания, которое он не подвергал критике, было то, что я помогал подняться соперникам, которых нокаутировал. Демпси поступал так все время. Он помогал своему побежденному сопернику подняться, отводил его в свой угол, обнимал и целовал его. Это было сразу же после того, как он пытался выпотрошить его. И я тоже поднимал их и целовал. «С тобой все в порядке? Ты мне нравишься, брат». Для них это было почти оскорбительно.

Касу не нравилось, когда я торжествовал свои победы. Ему не нравились ни поздравления типа «дай пять», ни танцевальные шаги.

– Ты занимаешься этим уже два года, а ведешь себя так, словно то, что случилось, для тебя удивительно, – говорил он.

Для Каса мои соперники были пищей. Кормом. Чем-то надо питаться, чтобы жить. Если я хорошо проводил бой, Кас вознаграждал меня. Красивой одеждой, обувью. Когда я выиграл один из своих юношеских турниров, он купил мне золотые зубы. Когда я получил их в 80-х годах, многие думали: «Тьфу ты, преступник! У него золотые зубы. Надо быть осторожным». Но Касу они нравились, поскольку все прежние боксеры делали себе золотые зубы, чтобы отпраздновать свой успех.

Можно было бы подумать, что с учетом всех этих нокаутов и побед на юношеском чемпионате Касу не осталось, что критиковать. Нет, только не Касу. На публике он всегда обращался со мной, как с примадонной, но за закрытыми дверями все происходило совсем не так. Когда я оставался наедине с ним, он усаживал меня перед собой и говорил:

– Знаешь, ты низко держишь руку. При всем моем уважении, если бы этот джентльмен был немного более профессионален, немного более хладнокровен, он бы влепил тебе вот такой удар.

И это после того, как я нокаутировал парня! Все поздравляли меня с нокаутом правой. Кас при этом не сказал, что я был бы нокаутирован. Он сказал, что я получил бы удар. Он продвигал идею о возможном ударе весь день. Через пару дней он вновь вернулся к этому дерьму.

– Помнишь, после боя я говорил тебе, что этот парень мог бы влепить...

О-о-о!

Кас знал все о воздействии на соперника, о ведении психологической войны. Он считал, что 90 процентов бокса составляет психологический, а не физический аспект. Воля, а не мастерство. Когда мне было пятнадцать лет, он брал меня к гипнотерапевту по имени Джон Хэлпин. Его офис был в городе на Сентрал-Парк-Уэст. В офисе я ложился на пол, и Джон

проходил со мной все этапы расслабления: твоя голова, твои глаза, твои руки, твои ноги, все наливается тяжестью. Когда я находился под гипнозом, он произносил то, что хотел Кас, написав это на листе бумаги. Джон зачитывал это вслух:

– Ты – величайший в мире боксер. Я говорю тебе это потому, что хочу заставить тебя поверить, что тебе предстоит великие свершения. Я говорю тебе это потому, что ты действительно способен осуществить это. Это то, ради чего ты, на самом деле, родился.

Хэлпин показал нам способ, посредством которого мы могли вводить себя в гипнотическое состояние в любое время, когда только захотим. Когда мы вернулись в Катскилл, я ложился на пол или на кровать, а Кас садился рядом со мной. Я расслаблялся и входил в гипнотическое состояние, а Кас говорил. Иногда он говорил в общих чертах, типа, что я лучший боксер в мире, но иногда была и специфика:

– Твой джеб – это оружие. Бей яростно, чтобы завалить его. У тебя превосходная правая. Ты еще не знал этого по-настоящему, но теперь знаешь. Ты Аттила. Мир будет знать твое имя отныне и до скончания веков.

Это было что-то очень глубокое, блин. И я в это верил.

Иногда Кас будил меня посреди ночи и делал свои внушения. Иногда ему не надо было даже ничего говорить, я и так ощущал, как его слова телепатически попадают мне в мозг.

Я уделял гипнозу большое внимание. Я считал, что это секретный метод, который мне поможет. Возможно, некоторые полагали, что это было глупо, но я верил всему, что говорил мне Кас. Я воспринимал его указания неукоснительно. Кас был моим богом. Этот немолодой белый парень говорил мне, что я буду на вершине мира. Почему я не должен был ему верить?

* * *

Теперь, когда я был гладиатором и богом среди людей, казалось немного унижительным ходить в школу старших классов. Осенью 1981 года у меня в ней были неприятности. Один из моих учителей, настоящее невежественное быдло, начал спорить со мной и швырнул в меня книгу. Я встал и на глазах у всех других учеников выбил из него дерьмо. Меня временно отстранили от занятий. Кас схватил меня, мы пришли в школу и предстали перед директором, мистером Стиклером, и учителем. Можно было подумать, что Кас был Клэрэнсом Дэрроу⁵³, так он защищал меня.

– Вы утверждаете, что вы лишь уронили книгу и она попала в Майка случайно, – допрашивал с пристрастием Кас учителя. – Но если, как вы утверждаете, вы уронили книгу, как она могла переместиться в воздухе и достичь Майка как физического лица? Она должна была бы упасть на пол, не причинив никому никакого вреда.

Кас ходил по комнате, внезапно останавливаясь и драматически указывая на учителя как на виновную сторону.

В конечном итоге мы пришли к компромиссу, и мне было разрешено не ходить в школу и заниматься с репетитором. Кас переживал из-за того, что я покидаю школу. Он планировал устроить мне большой выпускной вечер. По дороге из школы домой я взглянул на него и произнес:

– Ладно. Я готов пойти в спортзал.

Он просто посмотрел на меня в ответ и сказал:

– Хорошо, давай.

---

⁵³ Клэрэнс Сьюард Дэрроу (1857–1938) – одним из самых известных американских юристов, один из руководителей Американского союза гражданских свобод.

* * *

Шел июнь 1982 года, для меня настало время защитить титул чемпиона юношеских Олимпийских игр. Теперь моя репутация, несомненно, шла впереди меня. Родители забирала своих детишек из чемпионатов и турниров в страхе, что тем придется драться со мной. Не случайно Джон Кондон, один из организаторов турниров «Золотые перчатки», не разрешил мне участвовать в них, заявив: «Я видел, как ты дерешься. Ты слишком опасен для них. Я не могу позволить тебе драться с этими парнями. Ты разорвешь их на части».

Мои вторые юношеские Олимпийские игры начались неплохо. Мы вернулись в Колорадо, и в отборочных поединках я нокаутировал всех своих соперников. Настало время финальных встреч, где я должен был защитить свой титул. Вот тогда я почувствовал напряжение. Я видел камеры, направленные на меня, и у меня появилась неуверенность в собственных силах. Все эти чиновники от бокса говорили про меня разные замечательные вещи. Я подумал, что все это, конечно, здорово, но рано или поздно все это завершится, потому что я был грязным, гадким. Однако я не хотел обманывать надежд Браунсвилла. Кас много раз повторял мне, что если я буду слушаться его, то «когда моя мать будет ходить по Браунсвиллу, за ней будут носить ее сумку с покупками».

Я ничего не мог поделать со своим напряжением. До начала финала Кас отозвал меня в сторону.

– Майк, это реальный мир. Видишь всех их? – и он показал на судейскую коллегия, журналистов, чиновников в зале. – Когда ты проигрываешь, ты перестаешь им нравиться. Если ты не производишь на них впечатления, ты перестаешь им нравиться. Раньше я всем нравился. Поверьте мне, даже когда мне было пятьдесят, у меня не было отбоя от молодых, красивых женщин, которые преследовали меня повсюду. Теперь же, когда я немолод, ко мне больше никто не подходит.

За десять минут до боя я вышел проветриться. Тедди пошел со мной.

– Успокойся, Майк, просто расслабься, – сказал он.

Все, я проиграл. Я начал в истерике рыдать. Тедди обнял меня.

– Это просто очередной поединок. Ты встречался с более опытными боксерами, чем этот парень, – пытался он утешить меня.

– Я – Майк Тайсон, ... – всхлипывал я. – ... Я всем нравлюсь.

Я не мог выдавить из себя связной фразы. Я пытался сказать, что если я проиграю, то больше никому не буду нравиться. Тедди, как мог, утешал меня и говорил, что чувства не должны взять верх надо мной.

Когда я вышел на ринг, мой соперник уже ждал меня. Это был белый парень по имени Келтон Браун под два метра ростом. Я собрался, призвал на помощь свое мужество. Мы прошли на середину ринга, чтобы получить инструктаж, и я настолько злобно уставился на него, что рефери пришлось оттолкнуть меня и сделать мне предупреждение еще до начала боя. Раздался гонг, и я набросился на него. В течение минуты я так мастерски отделял его, что в его углу выбросили полотенце. Я стал двукратным чемпионом юношеских Олимпийских игр.

После того как мою руку подняли в знак победы, телевизионный комментатор взял у меня на ринге интервью.

– Майк, ты должен быть очень доволен тем, что твоя карьера так успешно развивается.

– Отвечу: да, я доволен. Я дрался здесь с парнями, которые были по возрасту, как я, но я оказался на высоте, я был лучше их. Потому что я более дисциплинирован. Я знаю, как справляться со своими проблемами в первую очередь психологически, а затем уже физически. Так что, мое преимущество перед ними психологического характера.

– Как ты чувствовал себя в конце боя после победы над Брауном?

– Я делал свое дело. Не могу сказать ничего плохого о своем сопернике. Он хорошо поработал. Бой оказался слишком сложным для него. Его усилия достойны похвалы, – сказал я.

Возвращаясь на восток, я заехал к себе домой в Браунсвилл. Все в районе уже видели по телевидению, как я нокаутировал Келтона Брауна. Многие из тех парней, которые раньше унижали меня, подходили ко мне на улице.

– Эй, Майк, что-нибудь нужно? Если что-нибудь потребуется, скажи, я сделаю, – говорили они.

Раньше они надирали мне задницу, а теперь лизали ее.

Но настоящим зрителем для меня была моя мама. Я хотел поделиться с ней своей радостью.

– Мама, я – величайший боксер в мире. Нет такого человека, который мог бы побить меня, – сказал я.

Мама жила в сыром, обветшалом, покосившемся многоквартирном доме. Она просто смотрела на меня, пока я рассказывал о себе, словно я был богом.

– А помнишь Джо Луиса? *Всегда* есть кто-то лучше, сынок, – произнесла она.

Я посмотрел на нее в ответ и холодно возразил:

– Со мной такого никогда не случится. Я лучше всех остальных. Я – самый лучший.

Я был совершенно серьезен, потому что именно так Кас промывал мне мозги. Моя мать никогда еще не видела меня таким. Я всегда вызывал отвращение, постоянно пялился в угол. А теперь у меня было чувство собственного достоинства и гордость за себя. Раньше от меня пахло травкой или спиртным. Теперь мое тело было накачено, я был безупречен. Я был готов завоевать весь мир.

– Нет такого человека в целом мире, который мог бы побить меня, ма. Вот подожди, твой сын будет чемпионом мира, – хвастался я.

– Ты должен быть смиренным, сынок. А ты не смиренный, ты не смиренный. – Она покачала головой.

У меня был небольшой пакет, из которого я достал вырезки статей о том, как мне вручили золотые медали, и передал ей.

– Вот здесь, мама. Ты можешь здесь прочитать обо мне.

– Я прочту это позже, – сказала она.

Остаток вечера она со мной не разговаривала. Она просто произносила: «Хм-м» – и смотрела на меня с беспокойством, словно хотела спросить: «Что эти белые люди сделали с тобой?»

Я вернулся в Катскилл, чувствуя себя на вершине мира. Я был избалованным представителем верхушки среднего класса. Спустя несколько месяцев Кас сказал мне, что моя мать больна. Он не сообщил мне никаких подробностей, но мой социальный работник узнал, что у матери была последняя стадия рака. В тот же день мне позвонила сестра.

– Навести маму, – сказала она. – Она себя неважно чувствует.

Я видел мать несколько недель назад, у нее было что-то вроде инсульта, и одна сторона лица была парализована, но я не знал, что у нее рак. Единственное, что я знал, – это то, что Рак был моим астрологическим знаком. Я понимал, что что-то было не так, но не имел никакого понятия, что это может быть связано с угасанием.

Но когда я попал в больницу, я был в шоке. Мать лежала в постели, стонала, при этом была без сознания. На нее было больно смотреть. Ее глаза ввалились, кожа туго стянула череп, она совершенно исхудала. Простыня сбилась, и обнажилась часть ее груди. Я поцеловал ее и укрыл. Я не знал, что делать. Я еще не встречал никого, у кого был рак. Вспоминая фильмы, я ожидал увидеть что-то вроде: «Я люблю тебя, но сейчас я ухожу от тебя навсегда,

Джонни». Я думал, что у меня будет возможность поговорить с ней и попрощаться с ней прежде, чем она умрет, но она не приходила в сознание. Поэтому я вышел из больничной палаты и больше туда не возвращался.

Каждый вечер, возвращаясь домой, я говорил своей сестре, что навещал маму и что она выглядела хорошо. Я просто не хотел иметь дела с больничной обстановкой, это было слишком мучительно. Вместо этого я пустился во все тяжкие, вернувшись к квартирным кражам. Я встретился с Баркимом и некоторыми другими парнями, которых я знал в районе, и мы ограбили несколько домов.

Однажды вечером перед тем, как идти грабить очередной дом, я показал Баркиму фотоальбом, который я привез из Катскилла. Там были мои фотографии с Касом и Камиллой, а также мои школьные фотографии с белыми ребятами.

Посмотрев их, Барким не мог прийти в себя.

– Эй, Майк, ты меня без ножа зарезал. Они там строят тебя? Называют «ниггером»?

– Нет, они мне как семья. Кас убьет тебя, если ты скажешь такое про меня, – ответил я ему.

Барким покачал головой.

– И что ты здесь делаешь, Майк? – спросил он. – Возвращайся туда, к этим белым. Блин, чувак, эти белые любят тебя. Разве ты не видишь это, ниггер? Чувак, меня бы белые так любили! Вали отсюда к ним, чувак. Здешнее дерьмо не для тебя.

Я много размышлял о том, что он сказал. Здесь я, двукратный национальный чемпион, по-прежнему грабил дома, потому что просто вернулся к тому, кто я есть. Каждый вечер я пил, курил «ангельскую пыль»⁵⁴, нюхал «кокс»⁵⁵ и таскался на местные танцы. Делал все, чтобы заглушить мысли о матери.

Моя сестра все время говорила мне: «Ты приехал, чтобы повидаться с мамой. Не увлекайся, ты здесь не для игр».

Однажды вечером мы втроем – я, Барким и его девушка – шли через одну из новостроек Браунсвилла и увидели пару моих прежних приятелей, игравших в кости. Барким был также с ними дружен, но не остановился, чтобы поговорить с ними, а продолжал идти. Я подошел, чтобы поздороваться, и они спросили: «Что надо, Майк?» И смотрели на меня очень недоверчиво. «Поговорим позже», – добавили они затем. У меня было предчувствие, что случилось что-то плохое, что кто-то умер или отнял у них много дерьма.

Позже я узнал, что в районе шла борьба за власть, и когда дым рассеялся, на вершине оказался Барким. У него были автомобили, девушки, украшения, оружие, потому что он владел в районе наркобизнесом. Уличный ландшафт сильно изменился с тех пор, как я жил там. Появились наркотики, и люди стали умирать. Ребята, с которыми мы вместе тусовались, убивали друг дружку за территорию и деньги.

И вот однажды сестра пришла домой, а у меня было похмелье, но я услышал ее ключ в двери и открыл ей. И как только дверь распахнулась, бац, она ударила меня прямо по лицу.

– Ты это за что? – удивился я.

– Почему ты не сказал, что мама умерла? – закричала она.

Я не хотел признаваться: «Я не ходил в больницу. Было слишком больно видеть вместо мамы ее прежнюю оболочку», – потому что сестра убила бы меня, поэтому я сказал: «Я не хотел причинять тебе боль. Я не хотел, чтобы ты знала». Я был слишком слаб, чтобы справиться с этим. Сестра была самой сильной в нашей семье. Она хорошо справилась и с этой трагедией. Я же не смог даже пойти с ней для опознания тела. С ней поехал мой двоюродный брат Эрик.

---

⁵⁴ «Ангельская пыль» – смесь кокаина, морфия и героина.

⁵⁵ «Кокс» – кокаин на сленге.

Похороны мамы были убогими. Она накопила немного денег на участок земли в Линдене, Нью-Джерси. Всего было только восемь человек: я, брат и сестра, мой отец Джимми, ее парень Эдди и три ее подруги. Я надел костюм, который купил на часть украденных денег. Она была в тонком, почти картонном прямоугольном гробу, на надгробный камень денег не хватило. Перед тем как покинуть могилу, я сказал: «Мама, обещаю, я буду хорошим парнем. Я буду лучшим боксером из всех, и все будут знать мое имя. Когда они будут думать о Тайсоне, они будут вспоминать не «Тайсон Фудз»⁵⁶ или Сисели Тайсон⁵⁷, а Майка Тайсона». Я сказал так, потому что Кас рассказал мне кое-что об имени «Тайсон». До последнего времени претензии нашей семьи на известность заключались лишь в том, что у нас была такая же фамилия, как у Сисели. Маме нравилась Сисели Тайсон.

После похорон я остался в Браунсвилле на несколько недель, накуриваясь наркоты. Однажды вечером я встретил своих приятелей, которые играли в кости несколько дней назад. Они сообщили мне, что Баркима убили.

– Они грохнули твоего друга, – сказал мне один из них. – Я думал, они грохнули и тебя тоже, потому что последний раз, когда я встретил тебя, ты шел вместе с ним, и с тех пор я тебя не видел.

Смерть Баркима сильно повлияла на меня. Это был человек, который первым привлек меня к грабёжам, который объявил меня своим уличным сыном. И он только что велел мне выбираться отсюда и возвращаться к своей белой семье. И не только он. Все мои друзья в районе возлагали большие надежды на меня и Каса. Благодаря Касу я должен был занять свое место в жизни.

– Держись этого белого, Майк. Мы – ничто, Майк, не возвращайся сюда. Я не хочу слышать никаких глупостей, ниггер. Ты – наша единственная надежда. Мы никогда ничего не добьемся, Майк, мы тут и умрем, в Браунсвилле. И прежде, чем мы умрем, мы должны рассказать всем, что общались с тобой, что ты был нашим ниггером.

Различные вариации этого я слышал, куда бы ни пошел. Они воспринимали это всерьез. Для моих друзей Браунсвилл был сущим адом. Все они хотели бы получить такую же возможность выбраться отсюда, как я. Они не могли понять, почему я захотел вернуться сюда. А вернулся я потому, что пытался выяснить, кто я такой на самом деле. Мои две жизни были настолько разными, и все же я по разным причинам чувствовал себя как дома в обоих мирах.

Однажды раздался стук в дверь – это была миссис Коулмен, мой социальный работник. Она пришла, чтобы забрать мою черную задницу обратно в Катскилл, потому что меня застукали на грабёжах и воровстве. Вообще-то я должен был вернуться в дом Каса через три дня после похорон матери. Миссис Коулмен была приятная леди, и она два часа ехала из Катскилла, чтобы заполучить меня. Она была весьма благосклонно настроена к Касу и считала, что бокс был для меня правильным выбором. Но я еще не пришел в себя и поэтому сказал, что пока не собираюсь обратно в Катскилл. Тогда она поставила меня в известность, что если я хочу остаться в Бруклине, она будет вынуждена подготовить некоторые документы, полиция заберет меня, а она поселит меня где-нибудь в Нью-Йорке. Мне было шестнадцать, и я знал, что она говорила полную фигню. По закону я не должен был отчитываться перед кем-либо. Но я поехал с ней обратно в Катскилл.

Перед отъездом я осмотрел нашу квартиру и увидел, в какой нищете жила мать, это был хаос и полный развал. Я вспомнил, как она умерла. И это изменило все мои планы относительно того, как прожить свою жизнь. Вероятно, она будет короткой, но я хотел сделать все возможное, чтобы она была яркой.

---

⁵⁶ «Тайсон Фудз» – американская компания по производству продукции животноводства.

⁵⁷ Сисели Тайсон (род. в 1933 г.) – американская актриса, обладательница премий «Эмми» и «Тони».

Когда я вернулся в Катскилл, Кас помог мне прийти в себя после смерти матери. Он рассказал мне о том дне, когда умер его отец. Кас был дома, вместе с ним, и отец кричал. Кас не мог ничем помочь ему, потому что не знал, что делать. Кас вновь помог мне стать сильным.

В то время был белый южноафриканский боксер по имени Чарли Вейр, который был основным претендентом на юношеский чемпионский титул в среднем весе. Он со своей командой приехал в Катскилл тренироваться у Каса. Это было в эпоху апартеида, и Кас сказал им: «У нас здесь есть черный парень. Он – часть нашей семьи. Вы должны относиться к нему с уважением. Вот так, как вы относитесь ко мне и к Камилле, так же вы должны относиться и к нему».

Это было потрясающе. Никто и никогда еще так не защищал меня. Чарли и его команда платили за тренировки у Каса, а обычно, если ты заплатил тренировочный сбор, то ты всем распоряжаешься. Кас, однако, расставил для них все точки над «и». И дома Кас повел разговор в том же ключе.

– Послушай, теперь мы – твоя семья, договорились? – сказал он мне. – И ты теперь наш мальчик. Семья будет гордиться тобой. Ты принесешь ей известность и славу.

Мы втроем сидели за столом в столовой, и Кас сказал:

– Камилла, взгляни на своего черного сына. Что ты думаешь об этом?

Камилла встала, подошла ко мне и поцеловала меня.

Но спустя месяц нашей маленькой идиллии пришел конец. Я облажался. У Каса были проблемы с моим тренером Тедди Атласом. Они ссорились из-за денег. Тедди недавно женился на девушке из семьи, в отношении которой у Каса были подозрения, и когда Тедди были нужны деньги, Кас давал ему не так много. Тедди с трудом сводил концы с концами, поэтому он хотел, чтобы я стал профессионалом, и тогда он мог бы получать свою долю от моих сборов. У Каса, однако, в то время не входило в планы делать меня профессионалом. Так что, все знали, что Тедди собирался уходить от Каса и что он пытался сманить меня с собой. Но не могло быть и речи о том, чтобы я оставил Каса.

Но потом я сделал то, что вынудило Каса избавиться от Тедди. Я был знаком со свояченицей Тедди, причем еще раньше, чем сам Тедди. Мы вместе ходили в школу и были друзьями. Девушки всегда флиртовали со мной, но сексуальных отношений у меня с ними не было. Однажды я тусовался с его двенадцатилетней свояченицей и схватил ее за попку. На самом деле я не собирался делать ничего дурного. Я просто играл и схватил ее за попку, чего я не должен был делать. Это было просто глупо. Я не думал, что это что-то из ряда вон выходящее. У меня не было никаких социальных навыков общения с девушками, потому что Кас все время держал меня в тренажерном зале. Как только я это сделал, я сразу же пожалел об этом. Она ничего не сказала мне, но я понял, что она почувствовала себя неловко.

Позже в тот вечер мой спарринг-партнер подвез меня к спортзалу, чтобы я поработал с Тедди. Я вылез из машины, Тедди ждал меня снаружи. Он выглядел разгневанным.

– Майк, иди сюда. Я хочу поговорить с тобой, – сказал он.

Я подошел к нему. Он достал пистолет и приставил его к моей голове.

– Ублюдок, никогда не прикасайся к моей свояченице...

И он выстрелил в воздух, прямо рядом с моим ухом. Звук был настолько оглушительным, что я было решил, что он на самом деле отстрелил мне ухо. Затем Тедди побежал. Я тоже, потому что зал был над полицейским участком.

Всякий раз, когда теперь Тедди рассказывает об этом случае, он изображает дело так, будто он напугал меня до усеру. По правде говоря, это был не первый раз, когда кто-то приставлял пистолет к моей голове, но я при этом ничего не говорил типа: «Давай, стреляй в меня, ублюдок». Я просто нервничал. Кстати, потребовалось время, чтобы слух у меня вернулся. Но я чувствовал, что, действительно, лажанулся по полной. Я ведь беспокоился о

Тедди. Когда я порой надирался в стельку, я мог грозить, что сведу с ним счеты, но я никогда не делал Тедди ничего плохого. Ведь он научил меня, как драться, он был со мной с самого начала.

Камилла, узнав об этом случае, была в ярости. Она требовала, чтобы Кас выдвинул обвинения, и Тедди арестовали, но Кас не стал этого делать. Он знал, что у Тедди был испытательный срок по другому делу и что его могут отправить напрямик в тюрьму. Тедди со своей семьей окончательно перебрался в город.

Все это произошло по моей вине. Мне было жаль, что все так случилось. После ухода Тедди я начал работать с Кевином Руни, боксером, которого Кас сделал тренером. Руни и Тедди были друзьями с детства, и Тедди предложил Касу кандидатуру Кевина. Можете себе представить, какие разгораются страсти, когда события разворачиваются таким образом.

* * *

К тому времени, как я получил в тренеры Руни, я чувствовал себя достаточно подготовленным. Обычно, когда парни выигрывают чемпионаты, турниры и Олимпийские игры, они становятся разборчивыми в вопросе, с кем им предстоит драться. Но только не я. Я готов был драться с кем угодно и где угодно: в их родном городе, хоть в их дворе. Кас учил меня: «Дерись с ними в их собственных гостиных, и пусть судьями будут члены их семей». Я хотел просто драться и ничего не боялся. Я проводил бои в Чикаго, Род-Айленде, Бостоне, где угодно. И все говорили: «Это Тайсон, он дважды выиграл юношеские Олимпийские игры».

В декабре 1982 года я потерпел первое поражение в турнире. Я дрался на любительском чемпионате США в Индианаполисе, моим соперником был Эл Эванс. Мне тогда было шестнадцать, а ему двадцать семь, это был жесткий панчер⁵⁸, очень опытный боксер.

В первом раунде я набросился на него и выбросил кучу ударов. То же самое я проделал и во втором раунде. Я гонял его ударами от одной стойки к другой. В третьем раунде я слегка утратил контроль, и он контратаковал левым хуком, сбив меня с ног. Я поднялся и вновь набросился на него. На сей раз он сбил меня с ног ударом правой. Я встал, снова бросился в атаку – и поскользнулся. И рефери остановил бой. Со мной все было в порядке, у меня не было повреждений, я мог продолжать бой. Кас из своего угла накричал на судью.

Я был подавлен. Я хотел побеждать в каждом турнире. Мне нравилось, как обращались с чемпионом после его победы. Я хотел испытывать это чувство, я уже пристрастился к нему.

Кас, очевидно, решил, что это поражение поколебало мою уверенность в себе и мое желание заниматься боксом, поэтому, когда мы вернулись в Катскилл, он прочел мне небольшую лекцию:

– Вспомни всех этих чемпионов, про которых ты читал. В начале своей карьеры некоторые из них терпели поражение нокаутом. Но они никогда не сдавались. Они смогли преодолеть это. Вот почему ты можешь сейчас прочесть о них. Те, кто потерпел поражение и сдался, – что ж, их страхи, их духи-искусители последовали за ними в могилу, потому что у этих парней был шанс сразиться с ними, а они не стали. Ты должен сражаться со своими страхами, Майк, со своими духами-искусителями, или же они последуют за тобой в вечность. И помни, надо всегда очень тщательно проводить свои бои, потому что как ты проводишь свои бои, точно так же ты проживешь свою жизнь.

Я выиграл следующие шесть боев, а затем дрался в национальном турнире «Золотые перчатки» против парня, которого звали Крэйг Пейн. Я три раунда гонял Пейна по всему рингу, он почти не сопротивлялся. Поэтому, когда судья, держа большой кубок, прошел мимо меня на ринг, я был уверен в своей победе. Крейг и я стояли по обе стороны от рефери, а

---

⁵⁸ Панчер – боксер с хорошо поставленным ударом, который побеждает обычно не по очкам, а нокаутом.

он держал наши руки, ожидая решения. Я уже начал поднимать другую руку в знак победы, когда заметил, что судья, державший кубок, подавал Крейгу знак: показывал большой палец вверх.

– И победителем в тяжелом весе стал... Крейг Пейн!

Я был ошеломлен. Публика разразилась недовольным гулом. Зайдите на видеохостинг YouTube и посмотрите этот бой: меня ограбили. После боя Эмануэль Стюард, знаменитый тренер из Детройта, который тренировал и Пейна, сказал мне, что он, безусловно, считает, что победа была за мной. Кас был рассержен таким решением, но он был рад отметить, что я справился с соревнованием такого типа. Он понимал, что фактически мы выиграли, но мне от этого не было легче. Еще долго после боя я плакал, как ребенок.

Но у меня не было времени кукситься. Я вернулся в спортзал, чтобы готовиться к следующим турнирам и чемпионатам. В августе 1983 года я получил золотую медаль на 19-м национальном чемпионате. В 1984 году я вновь выиграл этот чемпионат. В том же году я выиграл золотую медаль на национальном турнире «Золотые перчатки», нокаутировав Джонатана Литтлза в первом раунде. Я дрался с Литтлзом в 1982 году на юношеских Олимпийских играх, и он был единственным, кто смог продержаться до второго раунда. Пришло время готовиться к очередным Олимпийским играм.

Когда я готовился к Олимпиаде, в Катскилл приехал комментатор бокса Алекс Валлау, чтобы подготовить материал о Касе и обо мне. Как-то мы все сидели в гостиной и беседовали друг с другом. На Касе был скромный серый костюм и клетчатая спортивная рубашка. На мне были брюки, рубашка и белоснежная шапочка фирмы «Кангол».

Алекс спросил Каса о работе со мной, и Кас принялся исполнять увлекательный рэп, состоящий из потока сознания:

– Всю свою жизнь я мечтал подготовить боксера, который был бы идеален. И по моему мнению, этот человек вполне может достичь этой цели. Я распознал в нем качества будущего чемпиона, потому что он всегда был готов расти до следующего уровня и превосходить своих спарринг-партнеров. Я научил его движениям, как в каратэ, где тело должно вносить коррективы во время боя, даже если твой соперник и не создает к этому очевидных предпосылок. Он может нанести удар молниеносно, застав своих соперников врасплох. У него невероятная скорость, координация и интуитивное умение выбрать нужный момент, которое обычно приходит после десяти лет бокса, потому что в прежние времена боксом занимались каждый день.

Я не приступаю к тренировке, пока не выясню, что он готов воспринимать все мои указания. Я уделяю существенное внимание тому, чтобы понять, к какому типу людей он относится. Каждый из нас на данный момент представляет собой совокупность множества действий и поступков. Так, в случае с Майком в процессе наших бесед с ним я пытаюсь выяснить, сколько слоев прошлого опыта, неблагоприятного и пагубного, мне еще предстоит очистить с него, чтобы добраться до самой его сути, а затем обнажить ее, чтобы не только я, но и он смог бы ее увидеть. И с этого момента дело продвигается вперед более быстрыми темпами.

– Что же вы обнаружили после того, как очистили Майка Тайсона от наслоений? – спросил Алекс.

Кас поколебался прежде, чем ответить.

– Я обнаружил то, что и предполагал: это человек, в принципе, с открытым сердцем и чистыми помыслами, он способен сделать все необходимое, чтобы стать выдающимся боксером или чемпионом мира. Когда я понял это, моей следующей задачей было помочь ему осознать эти качества, потому что до тех пор, пока он не будет знать о них так же, как я, они ему ничем не смогут помочь. На мой взгляд, настоящего профессионала характеризует умение быть дисциплинированным, способность делать то, что должно быть сделано вне зави-

симости от того, насколько тебе это нравится. Я считаю, что Майк быстро приближается к такому уровню, к такой планке, к такой высоте, которую он должен взять, чтобы стать величайшим боксером в мире. Все то, что нам известно о нем, за исключением непредвиденных инцидентов, позволяет вести речь о том, что, если это будет успешно продолжаться, если он будет настойчиво тренироваться и делать все необходимое, он может войти в историю как один из самых выдающихся, если не самым выдающимся боксером из всех, кого мы знали.

Я был безумно счастлив слышать то, что Кас сказал обо мне. Затем Алекс спросил Каса, не тяжело ли для человека его возраста работать с таким молодым боксером.

– Я часто разговариваю с ним, и я знаю, что он порой не в курсе того, что я имею в виду. Но сейчас я скажу ему, что я имею в виду, потому что, если бы его здесь не было, меня, очевидно, сейчас уже не было бы в живых. Тот факт, что он находится здесь и делает то, что он делает, и делает это хорошо, и с каждым днем все лучше, побуждает меня продолжать жить, придает моей жизни смысл, потому что я верю, что человек умирает, когда он больше не хочет жить. Природа умнее, чем мы думаем. Мало-помалу мы теряем своих друзей, о которых мы заботились, и мало-помалу мы теряем интерес к жизни, пока, наконец, мы не скажем: «Какого дьявола я делаю здесь? У меня нет причин идти дальше». Но с Майком у меня есть такая причина. Он придает смысл моей жизни, и я буду продолжать жить и наблюдать, как он добивается успеха. И я не уйду, пока этого не произойдет, потому что, если я уйду, он не только не научится драться, он не только не поймет многих вещей, но он не сможет даже позаботиться о самом себе.

Вот те на! Кас подобным образом вновь хотел, блин, оказать на меня давление. Как я понимаю, Кас считал, что я смогу разобраться в этом вопросе, но наряду с этим он также полагал, что я могу и не сделать этого.

Затем задали вопрос мне – о моих планах, о чем я мечтаю.

– Мечты бывают, когда ты в начале пути. Мечта нужна, чтобы пробудить у тебя заинтересованность, желание. Я хочу просто быть живым через десять лет. Говорят, что я собираюсь стать боксером за миллион долларов. Что ж, я знаю, кто я такой, и это имеет значение больше, чем все остальное, потому что люди не знают, через что приходится пройти. Они думают, что я таким родился. Они не знают, что потребовалось, чтобы стать таким.

– И через что же приходится пройти? – спросил Алекс.

– Тренировки. Бокс – это самая легкая часть. Когда ты поднимаешься на ринг драться, это отдых. Но когда ты занимаешься в тренажерном зале, ты должен отрабатывать некоторые вещи снова и снова, пока тебе это не осточертеет и ты не готов будешь закричать: «Я больше не желаю этого делать!» Но такие мысли приходится выбрасывать из головы. Пока ты любитель, это сплошное развлечение: награды, кубки, медали. Но я, как и вы, хочу зарабатывать деньги, когда дело дойдет до профессионального уровня. Мне нравятся необычные прически, мне нравится модная одежда, золото, изысканные драгоценности и все остальное. Чтобы вести такой образ жизни, тебе надо правильно зарабатывать деньги. Ты не можешь взять ствол и пойти в банк. Ты вполне можешь зарабатывать, занимаясь тем, что тебе нравится, и чувствуя себя комфортно.

Я был настроен весьма решительно и упорно работал. Я еще никогда так не нагружал себя, ежедневно я отрабатывал каждое движение до бесконечности. Я настойчиво готовился к предстоящей Олимпиаде.

Чиновники сборной США не позволили мне участвовать в соревнованиях в своей обычной весовой категории, потому что Кас враждовал с организаторами боксерских турниров на Олимпиаде. Ссоры начались, когда меня в составе американской сборной поставили на бой, который должен был состояться в Доминиканской Республике, но Кас меня не пустил, потому что Кевина не утвердили в качестве тренера. У меня должны были быть дру-

гие тренеры, предоставленные организаторами. Кас также опасался, что меня могут попытаться похитить революционеры.

Чтобы отомстить Касу, чиновники сказали ему, что я буду драться в весовой категории до 201 фунта⁵⁹. Я весил около 215 фунтов⁶⁰, поэтому я сел на диету. Кроме того, я вновь натянул костюмы из винила и носил их весь день. Мне нравилось это: я чувствовал себя, как настоящий боксер, который должен потерять вес, чтобы выступить в нужной категории. Я был помешан на этом. Я думал, что приношу большую жертву.

У меня был напряженный график подготовки к отборочному туру Олимпийских игр. 12 августа 1983 года начался Национальный турнир штата Огайо, в котором я принял участие. В первый день я выиграл нокаутом за сорок две секунды. На второй день я выбил у своего соперника два передних зуба, он был без сознания минут десять. На третий день действующий чемпион турнира отказался от боя.

На следующий день мы поехали в Колорадо-Спрингс на Национальный чемпионат США. Когда я добрался туда, четверо из шестерых боксеров отказались от участия в соревнованиях. Обе своих победы я одержал нокаутом в первом раунде.

10 июня 1984 года я, наконец, получил шанс попасть на Олимпиаду. Мой отборочный бой был с Генри Тиллменом, более старшим по возрасту и более опытным боксером. В первом раунде я отправил его в нокаунт, он через канаты вылетел с ринга. Он поднялся, и я преследовал его в течение следующих двух раундов. Но в любительском боксе агрессивность не приветствуется, и мой нокаут засчитали за легкий джеб в одно ласковое касание. Когда огласили решение, я не мог поверить, что победу отдали Тиллмену. Зрители тоже стали недовольно гудеть и свистеть.

Я ненавидел любительские бои. «Мы здесь – боксеры», – утверждают эти напыщенные ничтожества.

– Нет, это я – настоящий боксер и боец, сэр. Моя цель состоит в том, чтобы драться, – отвечаю им я.

Весь любительский бокс ненавидел меня. Им не нравились мои дерзкие замашки, которые я вынес из Браунсвилла. Да, я вел себя именно так, может быть, недостаточно прилично, но вы можете сравнить это с чванливой и самодовольной манерой Нью-Йорка. И если им не нравился я, значит, они ни во что не ставили Каса. А он мог так смело переходить все границы, что порой приводил меня в замешательство. Мне не было дано полностью понять его. Я наблюдал, как он наезжает на этих ребят, и всегда поражался тому, как он говорит с ними. Он был злопамятным и всегда был готов отомстить. Он не мог жить без врагов, поэтому он создавал их. Я иногда думал: «*Черт, почему мне не выпало встретиться с белым парнем, не склонным к конфронтации?*» Я-то думал, что избавился от шумного образа жизни, когда принято вопить во всю глотку. Но Кас постоянно напоминал мне о том, что это не так.

Месяц спустя, в отборочных поединках Олимпиады, у меня был шанс отомстить Тиллмену за свое поражение. Я снова утюжил его все три раунда, и на этот раз он смог показать даже меньше, чем в первом бою. Даже Говард Коселл, спортивный комментатор канала ABC, который полагал, что Тиллмен победил меня по очкам в первом бою, на сей раз признал, что у меня было гораздо больше шансов на присуждение победы.

Я был уверен, что выиграл, и когда судья снова поднял руку Тиллмена, я был ошеломлен. Я не мог поверить, что они, блин, два раза присудили ему победу. Весь зал вновь осветился судей. Кас был в ярости. Он начал ругаться и попытался ударить одного из олимпийских чиновников США. Кевин Руни и кто-то из должностных лиц вынуждены были удерживать его. Я в тот момент был настолько занят своими собственными мыслями, что решил, будто

---

⁵⁹ Соответствует 91 кг.

⁶⁰ То есть около 97,5 кг.

поведение Каса связано исключительно со мной. Когда я стал старше, я понял, что эта история в действительности уходит своими корнями в прошлое около тридцати лет назад. Это были его страхи, его бесы, его духи-искусители, и они на самом деле имели мало общего со мной.

Такова история о Касе, которого обманули и лишили славы. Я до недавнего времени даже не знал, что Кас просил нашего друга Марка, который работал на ФБР, обратиться в окружную федеральную прокуратуру в Олбани, чтобы провести расследование в связи с присуждением побед Тиллмену.

После присуждения двух побед Тиллмену я вышел из себя. Когда мне вручили кубки за второе место, я швырнул их и разбил. В любом случае, Кас послал меня на Олимпиаду, я должен был находиться вместе с олимпийской сборной. Олимпийские игры проводились в этом же году в Лос-Анджелесе. Кас сказал, что я должен просто поехать туда и наслаждаться происходящим. Он принес мне два билета на каждый бой, но у меня и так было право на свободный проход, поэтому билеты я перепродал. Таким образом, Олимпиада не была для меня полным проигрышем. Кроме того, там еще была такая весьма симпатичная стажерка, которая работала в Олимпийском комитете США. Все боксеры и тренеры кадрили ее, но заполучил ее только я один. Она мне нравилась. После всех этих лет лишений было приятно наконец-то заняться сексом.

Но даже занятия любовью не притупили разочарования и боли от того, что у меня украли олимпийскую мечту. Когда Олимпиада закончилась, я прилетел обратно в Нью-Йорк, но в Катскилл вернулся не сразу. Я бродил по городу и был очень подавлен. Однажды после обеда я пошел на Сорок вторую улицу, чтобы посмотреть фильм про каратэ. Перед началом фильма я выкурил косячок.

Я получил кайф и вспомнил, как однажды Кас поймал меня с марихуаной. Это было сразу же после того, как я выиграл вторые юношеские Олимпийские игры. Один из боксеров, который завидовал мне, настучал на меня. Прежде чем я успел уничтожить доказательства, Кас послал Рут, немку-уборщицу, ко мне в комнату, и она обнаружила травку.

Когда я вернулся домой, Кас был в ярости.

– Это должна быть хорошая вещь, Майк. Я уверен, это должна быть очень хорошая вещь, потому что, выкуривая ее, ты возвращаешься назад на четыреста лет, к временам рабства и каторжного труда.

В тот день он морально раздавил меня. Он заставил меня чувствовать себя, как ниггер дядя Том. Он ненавидел людей этого типа. И он знал, как заставить меня почувствовать бездну своего морального падения.

Так вот, я сидел в кино и вспоминал это, погружаясь в депрессию все глубже и глубже. Затем я начал плакать. Когда фильм закончился, я отправился напрямик на вокзал и вернулся в Катскилл. Весь обратный путь я напоминал себе, что я должен немедленно приступить к полноценной подготовке к профессиональным боям. Когда я стану профессионалом, мои выступления должны быть захватывающими. При подъезде к Катскиллу я начал говорить сам с собой:

– Они больше не захотят никого смотреть, кроме Тайсона. Он переступит границы. Он войдет в пантеон великих боксеров наряду с Джоном Л. Салливаном, Джо Луисом, Бенни Леонардом, Джо Гансом и остальными. Тайсон станет блистательным боксером.

Я рассказывал себе о себе самом в третьем лице.

Когда я сошел с поезда и взял такси до дома Каса, я накрутил себя до предела. Мир скоро увидит боксера, подобного которому он никогда прежде еще не видел. Я собирался переступить границы. Хотя это звучит высокомерно, но я вполне здраво представлял свои перспективы в качестве боксера. Я знал, что ничто не могло остановить меня и что я стану чемпионом, так же твердо, как то, что после четверга настанет пятница.

В течение следующих шести лет я не проиграл ни одного боя.

Глава 4

Нельзя утверждать, что после двух поражений от Тиллмана на меня слишком уж зарились в мире бокса. Кас предполагал, что я выиграю на Олимпиаде золотую медаль и начну свою профессиональную карьеру с выгодного контракта с телевидением. Но из этого ничего не получилось. Профессиональные промоутеры не были заинтересованы во мне. Никто в мире бокса по-настоящему не верил в созданный Касом стиль боксирования «пикабу». И многие полагали, что я был недостаточно высоким, чтобы успешно выступать в тяжелом весе.

Думаю, все эти разговоры доходили до Каса. Однажды вечером я выносил мусор, а Кас прибирался на кухне.

– Хотел бы я, чтобы у тебя было тело, как у Майка Уивера⁶¹ или Кена Нортон⁶², – сказал он неожиданно. – В этом случае ты выглядел бы очень устрашающе. Ты бы производил зловещее впечатление. У них нет темперамента, но зато есть телосложение, которое устрашает. Ты мог бы парализовать других боксеров одним своим видом.

У меня сдавило горло. И по сей день, когда я рассказываю эту историю, я начинаю задыхаться. Я обиделся и почувствовал себя задетым, но ничего не сказал Касу, потому что тогда бы он ответил: «О-о, ты плачешь? Ты что, маленький ребенок? Как ты собираешься проводить важные бои, если у тебя нет эмоциональной выдержки?»

Каждый раз, когда я проявлял свои эмоции, он презирал это, поэтому я сдержал слезы.

– Не волнуйся, Кас, – я придал своему голосу высокомерный тон. – Ты увидишь: придет день, и весь мир будет бояться меня. От одного только упоминания моего имени кровь будет стечь у них в жилах.

В этот день я превратился в «Железного Майка», я на все сто процентов стал этим парнем. Хотя до этого я и выигрывал почти каждый бой эффектным образом, эмоционально я еще не полностью превращался в зверя, как того хотел от меня Кас. После разговора о том, что я слишком низкорослый, я стал этим зверем. Я даже начал фантазировать на тему о том, что, если бы я на самом деле убил кого-нибудь на ринге, это, безусловно, смогло бы всех устрасить. Раз уж Кас желал создать общественно опасного чемпиона, я решил позаимствовать манеру поведения у плохих парней из фильмов, у таких ребят, как Джек Пэланс⁶³ и Ричард Уидмарк⁶⁴. Я ушел с головой в роль высокомерного социопата, человека, склонного к антиобщественным поступкам.

Но прежде всего я получил «Кадиллак». Кас не мог позволить себе оплачивать мои расходы, пока выстраивалась моя карьера, поэтому он организовал все так, что деньги выкладывали его приятель Джимми Джекобс и его партнер Билл Кейтон. Джимми был удивительный парень. Он был Бейбом Рут⁶⁵ в гандболе, и, пока он путешествовал по всему миру, выступая в соревнованиях, он начал коллекционировать редкие фильмы о боксе. В конце концов он встретил Билла Кейтона, который сам был коллекционером, и они организовали компанию «Биг Файтс» («Большие Бои»). Они монополизировали боксерский кинорынок, и Кейтон позже сделал состояние на продаже киноматериалов про бокс американскому кабель-

---

⁶¹ Майкл Дуэйн Уивер (род. в 1952 г.) – американский боксер-профессионал, чемпион мира в тяжелой весовой категории по версии WBA (1980–1982).

⁶² Кеннет Ховард Нортон (1943–2013) – американский боксер-профессионал, чемпион мира в тяжелом весе, топ-боксер 70-х годов.

⁶³ Уолтер Джек Пэланс (1919–2006) – американский актер; получил признание в жанре вестернов; большинство сыгранных им ролей были отрицательными персонажами.

⁶⁴ Ричард Уидмарк (1914–2008) – американский актер; играл преимущественно отрицательных персонажей.

⁶⁵ Бейб Рут (1895–1948) – профессиональный бейсболист, признан спортсменом века по версии Ассошиэйтед Пресс.

ному спортивному телевизионному каналу «ESPN». Когда Кас был еще в Нью-Йорке, он лет десять жил вместе с Джимми, поэтому они были близкими друзьями. Что интересно, Кас разработал секретный план подготовки Джимми как боксера, чтобы он мог провести свой первый поединок, неважно, в качестве любителя или профессионала, с Арчи Муром⁶⁶ за звание чемпиона в легком весе. Джекобс интенсивно тренировался с Касом шесть месяцев, но бой так и не состоялся, потому что Арчи отказался от участия.

Однако Касу никогда не нравился Кейтон, партнер Джимми. Кас полагал, что тот был слишком влюблен в свои деньги. Мне он тоже не нравился. Если Джимми был яркой личностью, то Кейтон представлял собой надутого бесчувственного сухаря. Джимми и Кейтон много лет занимались боксерским менеджментом, они работали с Уилфредом Бенитесом и Эдвином Росарио⁶⁷, поэтому, несмотря на свою нелюбовь к Кейтону, когда я стал профессионалом, Кас обещал им участие в организации моих дел.

Думаю, Кас рассматривал Джимми и Билла в качестве инвесторов, которые не вмешивались бы в мой профессиональный рост и позволили бы Касу полностью контролировать мое воспитание. К настоящему моменту они инвестировали в меня более 200 000 долларов. Когда я вернулся с Олимпийских игр, Джимми сказал Касу, что он хотел бы купить мне новую машину. Как я подозреваю, они были обеспокоены тем, что я могу бросить Каса и начать работать с кем-то другим, исключив их из своих планов. Безусловно, я бы этого никогда не сделал.

Кас рассердился, поскольку полагал, что я этого не заслужил. Ему не нравилось, что не вернулся домой с золотой медалью. Тем не менее, он отвел меня в местный автосалон. Вначале Кас пытался отправить меня в дилерский центр «Олдсмобиль Катласс», потому что эти автомашины стоили не так много.

– Не-е, Кас, я хочу «Кадиллак», – сказал я.

– Майк, а я тебе говорю...

– Если это не «Кадиллак», то тогда ничего другого, – стоял я на своем.

Я получил машину, мы вернулись на ней домой и поставили ее в гараж. У меня не было водительских прав и я не умел водить, но, когда Кас, рассердившись, вспылал, я схватил ключи от своей машины, прибежал в гараж, сел в машину, заперся и включил музыку.

В сентябре 1984 года я подписал два контракта: один с Биллом Кейтоном, другой – с Джимми Джекобсом. Кейтон был владельцем рекламного агентства, и он подписал со мной личный контракт на семь лет, по которому он становился моим агентом при рекламных съемках. Вместо обычных 10 или 15 процентов он брал $33\frac{1}{3}$ процента. Мне были неизвестны все эти детали, я просто поставил свою подпись. Несколько недель спустя я подписал контракт с Джимми, и он стал моим менеджером. Стандартный четырехлетний контракт, две трети – мне, а одна треть – для Джимми. Затем они договорились делить доход от контрактов друг с другом. Кас также поставил свою подпись под моим контрактом. Под его подписью было обозначено: «Кас Д'Амато, советник Майкла Тайсона, принимающий окончательное решение по всем вопросам, связанным с Майком Тайсоном». Теперь у меня была официальная управленческая команда. Я знал, что Кейтон и Джимми были весьма искусными парнями в общении с прессой и умели из дерьма сделать конфетку. А уж с Касом, который должен был принимать все решения в сфере бокса и тщательно подбирать мне соперников, я тем более был готов начать свою профессиональную карьеру.

⁶⁶ Арчи Мур, настоящее имя Арчибальд Ли Райт (1916–1998) – американский боксер, чемпион мира в полутяжелой весовой категории в 1952–1960 гг.

⁶⁷ Эдвин «Эль-Чапо» Росарио (1963–1997) – пуэрториканский боксер-профессионал, 4-кратный чемпион мира в легком весе (по версии WBC, 1983–1984, по версии WBA, 1986–1987, 1989–1990, 1991–1992).

Где-то через неделю после начала тренировок я исчез на четыре дня. Меня выследил Том Патти: я сидел в своем «Кадиллаке».

– Майк, ты где был? – поинтересовался Томми.

– Мне не нужно все это дерьмо, – выдохнул я. – Отец моей подруги Энджи работает менеджером в универмаге «Ньюберри». Он может устроить меня на работу, и я буду зарабатывать сто тысяч долларов. Я получил этот «Кадиллак», и я собираюсь сбежать, – ответил я.

На самом деле я просто нервничал, поскольку теперь мне предстояло выступать уже в качестве профессионала.

– Майк, ты не будешь зарабатывать сто кусков в год только потому, что встречаешься с его дочерью, – пытался образумить меня Томми.

– Я способен на многое, – сказал я.

– Чувак, у тебя не такой большой выбор. Вернуться в спортзал, выиграть бой и двигаться дальше.

На следующий день я вернулся в спортзал. Справившись со своими нервами, я был горд тем, что собирался стать профессиональным боксером в восемнадцать лет. В моем углу у меня была отличная команда. Кроме Кевина Руни, в ней был также Мэтт Барански. Мэтт был замечательным человеком, который делал упор на системный подход, методику и тактику. Кевин просто орал «А-а-а!» прямо тебе в лицо.

Мы обсудили, каким у меня будет прозвище. Джимми и Билл считали, что в этом нет необходимости, однако Кас хотел назвать меня «Ужасным Тэном»⁶⁸ как дань уважения Джо Луису, «Коричневому бомбардировщику». Я подумал, что это было бы круто, но мы так и не воспользовались этой идеей.

Я воздал должное и другим своим героям. Мне на голову водрузили миску, прошлись вокруг электробритвой – и у меня получилась стрижка в духе Джека Демпси. Я решил также принять спартанский вид, который был у всех моих кумиров: ни носков, ни халата. Я хотел продемонстрировать, что возвращаюсь к истокам бокса.

Мой первый профессиональный бой состоялся 6 марта 1985 года в Олбани. Моим соперником был парень по имени Эктор Мерседес. Мы ничего не знали о нем, поэтому утром в день боя Кас повисел на телефоне, переговорив с некоторыми тренерами и владельцами спортзалов в Пуэрто-Рико, чтобы убедиться в том, что Мерседес не «темная лошадка». В ночь перед боем я нервничал. При этом я знал, что смогу побить парня, как только увижу его на ринге. Я понимал также, что Кас, чтобы вдохнуть в меня уверенность, на первые бои будет подбирать мне более слабых противников.

Я оказался прав. Они прекратили бой в первом раунде, когда я мутузил брякнувшегося на колени Эктора в углу ринга. Я был воодушевлен, но в раздевалке Кас указал мне на все мои недостатки.

– Ты должен выше держать свои руки. Твои руки болтались, – подчеркнул он.

Мои следующие два боя также были в Олбани, который стал моим родным городом. Через месяц после победы над Мерседесом я дрался с Трентом Синглетоном. Выйдя на ринг, я поклонился всем четырем сторонам зала, затем поднял руки, приветствуя зрителей, как гладиатор. Я трижды отправил соперника в нокаунт, не потратив на это много времени. Рефери остановил бой. Не спеша вернувшись в свой угол, я поцеловал секунданта и потрепал его по голове.

Через месяц я должен был опять драться, а между боями я бегал, тренировался, боксировал и вообще делал все, что хотел от меня Кас: бокс, бокс и снова бокс, спарринг, спарринг и снова спарринг.

---

⁶⁸ Непередаваемая игра слов – предложенное Касом Д'Амато прозвище Тап Теттог дословно переводится как «Желто-коричневый (или дубленый) Ужас», но первое слово на жаргоне означает еще и «бить, дубасить».

23 мая я дрался с Доном Хелпином, который был гораздо более опытным соперником. Он продержался три раунда, поскольку мне пришлось приспособливаться к левше, меняя традиционную стойку, экспериментируя и приобретая необходимый опыт. В четвертом раунде я чисто попал в него с левой и затем с правой, и он уже падал, когда я еще раз достал его правым хуком. Он валялся на канвасе довольно много времени, прежде чем его, наконец, подняли. Кас, конечно, полагал, что я недостаточно работал по корпусу и перемещался фронтально. Джекобс и Кейтон, однако, были в восторге от того, как я смотрелся.

После этих боев я обратил на себя внимание. Появились некоторые характерные надписи и плакаты. Например, на играх в бейсбол был плакат: «Гуден – это доктор Нок, а Майк Тайсон – это доктор Нок-аут». У меня появились поклонницы, но я не воспользовался своими успехами в этих целях. Я слишком любил себя, чтобы думать о ком-нибудь другом. Кас вообще-то считал, что мне стоило слегка проветриться. Он полагал, что мне следовало больше выходить из дома. Поэтому я съездил в Олбани и пообщался там с некоторыми из своих приятелей.

Мои первые бои практически не принесли мне никаких денег. Мой первый бой вообще явился потерей денег для промоутера, но Джимми дал мне 500 долларов. Затем он взял из них 50 долларов, чтобы отдать Кевину, и еще 350 долларов – чтобы положить мне в банк, так что в результате я получил на руки 100 долларов. Они были больше озабочены рекламированием моего имени, чем зарабатыванием денег на первых боях. Джимми и Кейтон были первыми боксерскими менеджерами, которые сделали нарезки со всеми моими нокаутами и отправили кассеты с видеозаписью каждому писателю в стране, освещавшему события в мире бокса. Это был очень инновационный подход.

Я выступал просто сенсационно, но Кас, казалось, брюзжал все больше и больше. Иногда я начинал думать, что Кас принимает меня за дядю Тома. Я старался быть вежливым с теми, с кем я встречался, я говорил им: «Да, мэм» и «Нет, сэр», и Каса это раздражало.

– Почему ты так разговариваешь с ними? Ты думаешь, они лучше тебя? Все эти люди пустышки и жулики, – ворчал он.

И когда я вел себя, как бог, которым, как он сам уверял меня, я был, он смотрел на меня с отвращением:

– Ты похож на тех, кто продвигает тебя, не так ли? Такие ребята, как Кейтон и ему подобные, прожужжали тебе все уши насчет того, как ты велик.

Думаю, ему было просто необходимо на ком-то сорваться. Мой день зависел от того, с какой ноги Кас вставал утром. К этому времени я уже получил водительские права и отвозил его на различные совещания и конференции.

20 июня, незадолго до моего девятнадцатилетия, я дрался с Рикки Спейном в Атлантик-Сити. Это был мой первый профессиональный бой за пределами Олбани, и Кас послал меня посмотреть крупные бои по всей стране, чтобы я привык и к другим залам.

– А этот зал преврати в свой дом, который ты должен знать с закрытыми глазами, – учил он меня. – Жить тебе здесь предстоит еще долго, так что осваивайся.

Он также брал меня с собой, когда общался с крупными боксерами. Он сажал меня рядом с ними за обеденным столом и знакомил меня с ними, чтобы я не смущался при встрече с каким-нибудь боксером.

Я был очень рад драться в Атлантик-Сити, а также тому, что бой должен был транслироваться по каналу «ESPN». До сих пор моего соперника также никто еще не побеждал, его показатель был 7–0, из них пять побед нокаутом. Меня представили как «Ребенка-драчуна». Не знаю уж, как насчет «ребенка», но я дважды уложил Спейна на канвас в первом раунде, и рефери остановил бой.

Джимми и Кейтон пытались договориться о постоянном времени для меня на канале «ESPN», но Боб Арум, который отвечал за боксерские поединки, сказал им, что его антрепре-

неры отнюдь не впечатлены моими способностями. Это по-настоящему взбесило Каса. Кас возненавидел антрепренеров Арума, и после моего следующего боя мы с Арумом больше никогда не работали.

Но все эти политические дела меня не интересовали. Я не мог дождаться своего следующего боя. Он вновь состоялся в Атлантик-Сити 11 июля. Я дрался с Джоном Олдерсоном, здоровенным деревенским парнем из Западной Вирджинии, чей показатель был 4–0. Этот бой транслировался по «ESPN». Я несколько раз сбивал соперника с ног во втором раунде, и врач остановил поединок после того, как тот вернулся в свой угол.

После следующего боя с Ларри Симсом мой показатель стал 6–0, но я по-настоящему взбесил Каса тем, как я сделал это. Симс был, действительно, хорошим бойцом, умным, хитрым, из числа думающих боксеров, с ним было трудно вести бой. Поэтому в третьем раунде я встал в левостороннюю стойку и нокаутировал его потрясающим ударом. Позже в раздевалке Кас набросился на меня.

– Кто научил тебя левосторонней стойке, этому дерьму? Теперь будет нелегко договариваться о боях для тебя, – возмутился он. – С левшами не любят драться. Ты погубишь все, что я сделал.

Кас ненавидел левшей.

– Кас, прости!

Такой облом, с... ка! Получается так, что я извинялся за эффектный нокаут.

Через месяц я вернулся на ринг и в первом же раунде расправился с Лоренцо Кенеди, а три недели спустя встретился с Майклом Джонсоном в Атлантик-Сити. Когда мы стояли, выслушивая инструктаж рефери, Джонсон выглядел таким высокомерным, словно он испытывал ко мне отвращение. Через несколько секунд он уже лежал на канвасе после левого хука по почкам, а когда он поднялся, я выбросил потрясающий правый с такой силой, что два его передних зуба засели в капе. Я знал, что он еще долго не придет в себя. Кевин выскочил на ринг, мы смеялись и делали «дай пять», как малые дети. Я не смог сдержаться: «Ха, Кевин, посмотри-ка на этого мертвого ниггера!»

Теперь у меня был показатель 8–0, все восемь побед нокаутами, и Джимми с Касом задействовали все свои связи с прессой, чтобы обеспечить мне признание. Я поехал в Нью-Йорк, чтобы присутствовать на обеде с Джимми и его друзьями-журналистами. Мы обхаживали прессу как могли. Меня стали упоминать в светской хронике, потому что я начал появляться в таких популярных местах Нью-Йорка, как ресторан «Колумб» в районе Верхний Вест-Сайд. Я сблизился с замечательным фотографом Брайаном Хэмиллом. Он и его брат Пит, который был всемирно известным писателем, начали знакомить меня со знаменитостями. Пит приводил меня в бар, и мы сидели там с Поли Германом, одним из хозяев. В то время Поли был весьма известен в Нью-Йорке. Мне казалось, что он был больше знаменит, чем сами эти знаменитости. Каждый хотел быть рядом с Поли, сидеть с ним за одним столом, просить его о каких-либо услугах. Я подозревал, что он был мафиозным боссом или кем-то в этом роде.

Ты никогда не знаешь, с кем можешь встретиться в «Колумбе». Иногда Пит оставлял меня там с Поли. Я познакомился с Дэвидом Боуи, Михаилом Барышниковым, малышкой Дрю Берримор, они сидели с нами за одним столом. *«Вот это круто!»* – думал я про себя. – *«Надо сохранять хладнокровие»*. Далее были Роберт Де Ниро и Джо Пеши, которые вошли и сели за столик. Мы сидели и разговаривали, затем Поли говорит: «Эй, Майк, мы все должны кое-куда пойти». И бум, минут через пять я сидел, отдыхая, в доме у Лайзы Миннелли вместе с Раулем Хулиа.

В конце концов я перезнакомился со всеми светскими тусовщиками Нью-Йорка. Общаюсь с ними, я понял, что еще раньше для меня что-то отмерло. Это было чем-то таким мощ-

ным, как в музыке Элтона Джона, Стиви Уандера, Фредди Меркьюри. Ты понимал, что все они небожительствоваали где-то в особом месте, которого больше не было нигде.

Но даже встречаясь со всеми этими суперзвездами, я не мог полностью осознать своего собственного понимания успеха. Это произошло, когда я встретил борца Бруно Саммартино⁶⁹. По мере взросления я все больше увлекался борьбой. Я любил Саммартино, Гориллу Муссона, Билли Грэма. Однажды вечером я пошел на вечеринку, где я познакомился с Томом Крузом, который только начинал свою карьеру. Там же я увидел и Бруно Саммартино. Я испытал благоговение перед знаменитостью. Я стоял, молча уставившись на него. Кто-то познакомил нас. Он понятия не имел, кто я, но я стал вспоминать все великие поединки, которые я видел с его участием, с «Убийцей» Ковальски, Николаем Волковым, Джорджем Стилом по кличке «Животное»⁷⁰. И в моем больном, воспаленном в результате мании величия воображении возникла мысль: *«Ведь это знак моего величия. Мой герой здесь, со мной. Я стану таким же великим, как и он, и выиграю чемпионат»*.

Кас не прыгал от восторга в связи с тем, что я все больше времени проводил в Манхэттене. Когда я шел в город, я наткнулся на бездельника Стива Лотта, который был правой рукой Джимми Джекобса. Стив был образцовым искателем острых ощущений, и он брал меня в клуб «Наутилус» и другие значные места, где водились красивые девушки. В то время я был нацелен на то, чтобы завоевать чемпионский пояс, поэтому не особенно дурачился с девушками. Я старался быть хорошим парнем, который не заходит слишком далеко. Моей слабостью стала еда. Стив отлично готовил, и когда я завершал экскурсии по ночным клубам и возвращался, Стив разогревал остатки китайских блюд для ночного перекуса. Когда я через несколько дней вернулся в Катскилл, Кас был очень зол.

– Взгляни на свою задницу. Она стала еще жирнее, – качал он головой.

Следующий бой был моим первым настоящим испытанием. 9 октября я встречался с Донни Лонгом в Атлантик-Сити. Лонг котировался наравне с Джеймсом Бродом, очень сильным тяжеловесом, и Джоном Тейтом, экс-чемпионом в тяжелом весе по версии WBA⁷¹. Я знал, что быстрая расправа над ним покажет меня в мире бокса в весьма выгодном свете. Лонг накануне боя был совершенно уверен в себе и заявлял Алу Бернштейну, комментатору бокса из «ESPN», что он может вырубить меня. Лонга называли «Мастером катастрофы», но этот вечер обернулся катастрофой для него самого, как только прозвучал гонг о начале боя. Я преследовал его стремительно и яростно и в первые же секунды сбил его с ног ударом левой от плеча. Чуть позже апперкот с правой снова опрокинул его, и покончил я с ним комбинацией апперкот правой – хук левой. Чтобы выиграть, мне потребовалось менее полутора минут.

После боя Ал Бернштейн взял у меня интервью.

– Еще сегодня я считал, что Донни Лонг станет для вас довольно серьезным соперником. Однако он им не оказался, – начал Ал.

– Как я и интересовался у вас еще сегодня: если я нокаутирую его в первом или во втором раунде, будете ли вы по-прежнему считать его таким?

– Я думал, что он должен был бы быть, но теперь я подозреваю, что нет, – признался Ал.

– О-о, *теперь* уже нет, ... – рассмеялся я.

---

⁶⁹ Бруно Леопольдо Франческо Саммартино (род. в 1935 г.) – итало-американский профессиональный борец-рестлер.

⁷⁰ Горилла Муссон, настоящее имя Роберт Джеймс «Джино» Марелла (1937–1999), Билли Грэм, настоящее имя Элдридж Уэйн Коулмэн (род. в 1943 г.), «Убийца» Ковальски, настоящее имя Владек Ковальски (1926–2008 г.), Николай Волков, настоящее имя Иосип Николай Перузович (род. в 1947 г.), Джордж «Животное» Стил (род. в 1937 г.) – известные американские борцы-рестлеры.

⁷¹ WBA (World Boxing Association) – «Всемирная боксерская ассоциация», создана в 1921 году (до 1962 года – Национальная боксерская ассоциация), является одной из четырех наиболее авторитетных международных организаций профессионального бокса.

– Нет, он был серьезным боксером, я просто хотел сказать, что для вас он не оказался серьезным, по-видимому, потому, что вы побили его.

– Я знал с самого начала, но никто больше не знал, что блефа не будет, все будет по-настоящему. Много людей пришли посмотреть бой, Джесси Фергюссон пришел, и Фрейзеры тоже. Приходите все – и вы получите то, что желаете, потому что Майк Тайсон выходит на ринг для вас, он ждет вас, приходите все – и получите, что желаете, без обмана.

Я был тогда слишком сосредоточен на своем, я не жил в реальном мире. Я давал интервью для спортивного еженедельника «*Спортс Иллюстрейтед*» и сказал: «Больше всего меня беспокоит то, что вокруг полно людей, которые веселятся. Вечеринки там и всякое такое. Это размягчает. Тот, кого интересуют только развлечения, ничего не добьется». Я считал, что я был сильнее тех, кто устраивал вечеринки и, таким образом, был слабее. Я желал быть среди мировых знаменитостей в «Колумбе», и одновременно я боролся с искушением стать соучастником веселья.

У меня по-прежнему не было секса. Последний раз я занимался любовью на Олимпиаде с той самой стажеркой. Не то чтобы я совсем не хотел секса, но я был слишком несмел с женщинами. Я не знал, как добиться их. «Эй, привет, не хочешь ли перепихнуться?» Я не представлял, как сказать такое. В то время я должен был драться «на разогреве» в спорткомплексе Мэдисон сквер гарден. Моя репутация сыграла свою роль, и мой соперник не пришел на бой. Поэтому я ушел из комплекса и направился в бордель на Сорок второй улице. Я знал про это местечко, так как еще в молодые годы ошивался на Таймс-сквер.

Я вошел в заведение и сел на один из стульев в приемной. Там был большой экран, на котором демонстрировались порнофильмы. Подходили девушки, присаживались рядышком и спрашивали: «Не хочешь встретиться?» Если ты отказывался от одной, ее сменяла другая. Я был там самым молодым, и они находили меня симпатичным. Я выбрал красивую кубинку, и мы прошли в заднюю комнату.

Фрейд бы славно повеселился, оказавшись в той обстановке. Я изготовился к тому, чтобы набраться агрессивности и побить своего соперника на ринге, но бой отменили, а я пошел потрахаться. Я был, действительно, чрезвычайно возбужден. Во время совокупления у нее выскочил позвонок, и она закричала: «Эй, стой! У меня что-то со спиной!» Я еще не закончил, поэтому попросил вернуть деньги. Она сменила тему и стала расспрашивать меня о моей футболке с Эдвином Росарио. Ей было слишком больно продолжать, поэтому она предложила: «Давай поговорим». Мы немного поговорили, а затем я ушел, надев футболку с Эдвином Росарио.

После этого Кас начал форсировать мои дела. Спустя шестнадцать дней после боя с Лонгом я встретился с Робертом Колеем. Я выбросил два левых хука, один из которых не достиг цели, а второй нокаутировал его. Это было на 37-й секунде. Через неделю я дрался со Стерлингом Бенджамином в Лэтэме, на севере штата Нью-Йорк. Я отправил его в нокдаун коротким левым хуком, а после счета «восемь» снова набросился на него, нанося мощные удары по корпусу и апперкоты. Он распластался на канвасе. Рефери остановил бой. Публика пришла в неистовство, а я обернулся к залу, просунул перчатки сквозь канаты ладонями вверх и отсалютовал ими в гладиаторском стиле.

Однако, на мой взгляд, у меня были более важные вещи, чем 11-я победа на профессиональном ринге. Кас был очень болен. Он заболел, как только я переехал в его и Камиллы дом; он постоянно кашлял. Я знал, что, когда он не сопровождал меня в моих поездках на поединки, это означало, что ему становилось хуже. Он находился дома во время моих боев с Лонгом и Колеем, однако поехал в Лэтэм посмотреть мой бой с Бенджамином. В нем было слишком много старого упрямого итальянца, чтобы пропустить драку в собственном дворе. Он не верил в докторов, был одним из первых сторонников витаминов и того, что мы сейчас называем «альтернативной медициной», а также диетотерапии.

Я знал, что Кас был болен, но внушал себе, что он с этим справится, чтобы увидеть меня чемпионом, поскольку мы всегда говорили об этом. Он собирался быть рядом, чтобы увидеть мой успех. В разговоре, когда мы оставались одни, у него, правда, порой проскакивало: «Я могу и не оказаться рядом, поэтому ты должен сейчас слушать меня». Я думал, он говорил так, просто чтобы попугать меня, чтобы убедиться, что я делаю все правильно. Кас всегда говорил вещи, которые меня настораживали.

Его поместили в клиническую больницу в Олбани, но Джимми Джекобс организовал его перевод в медицинский центр «Маунт-Синай» в городе. Я пошел навестить его со Стивом Лоттом. Кас сидел в постели и ел мороженое. Мы поговорили несколько минут, затем Кас попросил Стива оставить нас одних, чтобы он мог поговорить со мной наедине.

Вот тогда он и сказал мне, что умирает от пневмонии. Я не мог поверить в это. Он не выглядел совсем уж плохо. Он был похож на пациента, подготовленного к выписке. Он был полон энергии и жизнелюбия. Он сидел и ел мороженое, он был совершенно спокоен. Я был шокирован.

– Я не хочу, блин, заниматься всем этим без вас, – сказал я, едва сдерживая слезы. – Я не собираюсь делать это.

– Ну, если ты не будешь драться, тогда ты поймешь, что люди могут возвращаться из могилы, потому что я в таком случае буду преследовать тебя всю оставшуюся жизнь.

Я сказал ему: «Ладно».

Затем он взял меня за руку и произнес:

– Мир должен увидеть тебя, Майк. Ты будешь чемпионом мира, величайшим из всех.

Затем Кас заплакал. Это был первый раз, когда я видел его плачущим. Вначале я подумал было, что он плачет из-за того, что не сможет увидеть, как я стану чемпионом мира, после всего, через что мы прошли. Но вскоре я понял, что он плакал из-за Камиллы. Я совсем забыл, что был еще человек, который значил для него больше, чем я. Кас сказал мне, что очень сожалеет, что не женился на Камилле, безуспешно решая свои налоговые проблемы и не желая перекладывать их на нее.

– Майк, окажи мне одну услугу, – попросил он. – Обещай, что позаботаешься о Камилле.

Я вышел из палаты в шоке. Я остановился на квартире у Стива, Джимми жил в том же доме. Позже в тот же день Джимми пришел, чтобы взять меня с собой в банк разместить чек на 120 000 долларов за мои последние бои. Мое имя теперь было в газетах, я красовался на обложке журнала «*Спортс Иллюстрейтед*», незнакомые мне люди останавливали меня на улице и желали мне успеха. Я стал самоуверенным, развязным, хорошо выглядел. Я знал всех девушек в банке и, как правило, заигрывал с ними, а они флиртовали в ответ.

Однако на сей раз перед тем, как мы зашли в банк, Джимми вдруг остановился.

– Кас не переживет эту ночь, Майк. Врачи сказали, что жить ему осталось несколько часов.

Я начал плакать, словно всему пришел конец. Это случилось. Мой мир обрушился. Все девушки в банке уставились на меня.

– Какие-нибудь проблемы? – подошел к нам менеджер.

– Мы только что узнали, что наш друг умирает, и Майк тяжело переживает это, – сказал Джимми.

Он был спокоен и собран. Вот так, бум, никаких эмоций, именно так, как учил его Кас. Между тем я продолжал плакать, как солдат, потерявший в бою своего полководца. Я находился в таком замешательстве, что у меня и в мыслях не было вернуться в банк.

Похороны Каса были проведены на севере штата. Я нес гроб с его телом. Пришли все из мира бокса. Было очень тяжело. Я думал лишь о том, что ради него я должен добиться успеха. Что я должен сделать все, чтобы завоевать чемпионский титул и выполнить завет Каса. Мне было жаль самого себя. Я думал, что без Каса моя жизнь так и оставалась бы

полной дерьма. Камилла была очень сосредоточенной, но когда мы вернулись домой, мы плакали вместе.

Вскоре после похорон Джим Джекобс организовал в бывшем спортзале Каса «Грамерси джим» панихиду по Касу. На ней были все знаменитости. Норман Мейлер⁷² в своем слове сказал, что влияние Каса на бокс было так же велико, как влияние Хемингуэя на молодых американских писателей. В свою очередь, Гэй Тализ⁷³ отметил, для всех нас было честью знать Каса.

– Он так многому научил меня, и не только боксу, который, как ремесло, можно освоить, но и жизни, которая усваивается не так легко, тому, как следует жить, – сказал Пит Хэмилл⁷⁴.

Джим Джекобс в своем слове отметил и другие качества Каса:

– Кас Д'Амато яростно выступал против невежества и коррупции в боксе. Он был непреклонен к своим врагам, но в отношении своих друзей он был понимающим, тонко чувствующим, невероятно терпеливым человеком.

После смерти Каса я выключил все свои чувства и эмоции. Я поступил именно так. Я пытался доказать сам себе, что я уже мужчина, а не мальчик. Через неделю после похорон Каса я прилетел в Техас, чтобы драться с Эдди Ричардсоном. Джимми и Кейтон не позволили мне носить траур. Я брал с собой фото Каса и разговаривал с ним каждый вечер.

– Кас, я собираюсь завтра драться с Ричардсоном. Как вы думаете, что я должен делать? – спросил я на сей раз.

Хотя внешне я продолжал делать все, что было необходимо, мой дух упал, я утратил веру в себя. Я был не в силах сделать что-нибудь по-настоящему важное. Думаю, что я уже никогда не смогу оправиться после смерти Каса. Я был также сердит на него, когда он умер. Мне было очень горько и тяжело. Если бы он обратился к врачу раньше, он мог бы быть жив и по-прежнему защищать меня. Но он пожелал упрячиться, он не лечился, поэтому умер и оставил меня одного на растерзание этим акулам в мире бокса. После того как Кас умер, я больше не заботился ни о чем. Я принимал участие в боях, на самом деле, только ради денег. У меня больше не было мечты. Было бы хорошо, конечно, выиграть титул, но, по существу, я хотел просто пить вино, веселиться, участвовать в вечеринках, и чтобы все от меня отъе... лись.

Но сначала я вздрючил Ричардсона. Первый же мой удар правой отправил его в нокаунт. Еще где-то минуту он держался, но затем я в прыжке достал его левой, и, поскольку он был высокого роста, он оказался на канвасе уже на другой стороне ринга.

Следующим был Конрой Нельсон, который несколько лет назад проиграл Тревору Бербику титул Чемпиона Канады. Он по-прежнему считался боксером № 2 в тяжелом весе в Канаде и был крепким, опытным парнем с телом красавца Адониса. Все комментаторы полагали, что это как раз тот боец, который, наконец, сможет испытать меня. В первом раунде я работал по корпусу. Два или три раза он после этих ударов чуть не падал. Начался второй раунд, и бац, бац, бац! – по корпусу, затем правым в голову я сломал ему нос, а левым хуком в подбородок отправил его на канвас. Когда рефери остановил бой, я промаршировал вокруг ринга, раскинув руки, под восторженные крики моих поклонников из моего родного города.

Следующий бой состоялся 6 декабря в спорткомплексе Мэдисон сквер гарден. Пришли все мои друзья из Браунсвилла. Но я поймал кураж и не мог в тот момент думать о гулянках по Нью-Йорку и развлечениях. Я никак не мог дождаться, когда же я, наконец, пройду через все эти бои, чтобы получить свой приз – титул чемпиона для Каса. Моим соперником в тот

---

⁷² Норман Кингсли Мейлер (1923–2007) – американский писатель, журналист, драматург, сценарист, кинорежиссер.

⁷³ Гэй Тализ (род. в 1932 г.) – американский писатель, журналист.

⁷⁴ Пит Хэмилл (род. в 1935 г.) – американский журналист, прозаик, эссеист, редактор и педагог.

вечер был Сэмми Скафф. Интервью после боя продолжалось дольше, чем сам бой. Скафф был неуклюжим мальчиком для битвы из Кентукки весом 250 фунтов⁷⁵, и я достал его двумя феноменальными левыми хуками в голову, которые превратили его лицо в кровавую маску и существенно передвинули его нос.

После боя Джон Кондон, руководитель новостной группы по боксу кабельного телевидения MSG, который был приглашенным комментатором поединка, поинтересовался у меня, что представляет собой типичный день в жизни Майка Тайсона.

– Майк Тайсон – это просто трудолюбивый боксер, который как частное лицо ведет скучную жизнь. Тот, кто говорит: «Хотел бы я быть на твоём месте», – сотни людей, которые так говорят, не знают и десятой доли истинного положения дел. Если бы они были на моем месте, они бы рыдали, как дети. Они бы не смогли справиться с этим.

Мы вернулись в Лэтэм для следующего боя. Это было главное событие, и зал был заполнен моими поклонниками. Моим соперником был Марк Янг, крепкий на вид парень. Когда мы вышли в центр ринга для инструктажа, я мог почувствовать его энергию. Ты можешь во время инструктажа вести дуэль взглядов, пытаясь привести соперника в замешательство, это ровным счетом ничего не значит, это просто показуха. Важнее то, что ты чувствуешь энергию его духа, ты чувствуешь, как она истекает из самого его нутра, и ты возвращаешься в свой угол, думая: «Черт побери!» – или же: «Этот парень просто слабак». В тот вечер я подумал: «Черт побери, он рвется в драку!» Кевин тоже почувствовал это и посоветовал:

– Работай с ним жестким джебом и качай маятник⁷⁶. Не забывай качать маятник, он рвется в драку.

Прозвучал гонг, и он бросился на меня. Но он бил наугад, а я стал выбрасывать жесткие джебы и качать маятник. Где-то через минуту он наугад выбросил правый. Я подвигался, не отпуская его далеко, и провел коварный сильный апперкот правой. Бац! Его подбросило, и он опрокинулся вниз лицом. Рэй Манчини, приглашенный комментатор на телевидении, очень хорошо отозвался о моем мастерстве, отметив наряду с этим, что настало время моей управленческой команде подыскать мне подходящего соперника.

Но Джимми строго придерживался своего плана. Две недели спустя я был в Олбани для поединка с Дэйвом Джако. У него был вполне приличный показатель – 19 – 5, четырнадцать побед нокаутом, в том числе победа техническим нокаутом над «Бритвой» Раддоком. Это был высокий тощий белый парень. Он не производил сильного впечатления, но драться с ним на самом деле было тяжело. Я сбивал его с ног – а он поднимался. Бой остановили в первом раунде после третьего нокдауна.

В тот вечер я праздновал с приятелями свою победу. На следующее утро около восьми часов я постучал в дверь Камиллы. Она открыла, я вошел и молча сел.

– Как ты? – спросила Камилла.

– У меня все хорошо, но мне нужен тот, кого нет, – ответил я, и по моим щекам показались слезы. – Нет Каса. Все говорят мне, что я все делаю хорошо, все делаю правильно, но никто не говорит мне, если я делаю что-то не так. Неважно, насколько хорошо я сделал это, Кас наверняка увидел бы, что я сделал неправильно.

Более подробно на этой же неделе я изложил свои чувства в интервью журналу «Спортс Иллюстрийтед»:

---

⁷⁵ Более 113 кг.

⁷⁶ «Качание маятника» – один из ключевых технических элементов стиля «пикабу» (pick-a-boo), разработанного Касом Д'Амато (постоянные уклоны и нырки, работа корпусом – боксер должен все время находиться в движении, его голова никогда не должна оставаться на одном уровне, чтобы затруднить противнику прицеливание и одновременно скрыть начало собственной атаки).

– Я страшно скучаю по Касу. Он был моей основой. Все, над чем мы с ним работали, начинает складываться, и складывается очень хорошо. Но когда подводишь итоги, невольно думаешь: «Для чего все это? Кому это надо?» Мне нравится делать свою работу, но я не испытываю радости от своих побед. На ринге я выкладываюсь, стараюсь изо всех сил, но когда бой завершается, нет ни Каса, который бы сказал мне, как я на самом деле дрался, ни матери, которая посмотрела бы мои вырезки.

Затем я вновь отложил свои чувства в сторону и занялся делом. 24 января 1986 года я дрался с Майком Джеймсоном. Это был крупный ирландец, который выиграл по очкам у «Текса» Кобба и Майкла Доукса. Мне понадобилось пять раундов, чтобы поставить точку, потому что это был опытный ветеран и он знал, как нужно сдерживать меня. В результате бой получился тусклым.

Мой следующий соперник поднял эту тактику на новый уровень. 16 февраля я встретился с Джесси Фергюссоном в Трое, штат Нью-Йорк. Бой транслировался по каналу «ABC», и это было мое первое появление на национальном телевидении. Фергюссон стал чемпионом «ESPN», когда пятью месяцами ранее побил «Бастера» Дагласа. Я наблюдал, как он ходил по рингу, выиграв чемпионат, и очень желал бросить ему вызов в бою за чемпионский пояс. Я тогда дрался «на разогреве».

Я знал, что это будет тяжелый бой. Во время инструктажа он не смотрел мне в глаза, и поза у него была такой смиренной и покорной. Но я не заметил в его энергетике ни капли страха или смутения, поэтому меня не обманули эта дерьмовая смиренность и вид «боюсь-посмотреть-в-глаза». Я чувствовал, что ему не терпится отмутузить меня.

У меня было преимущество родного города, и не одно. Джимми собрал материал для моей первой рекламы в национальном масштабе. Он обеспечил нас более легкими перчатками весом восемь унций. Ринг был немного меньше обычного. И наконец, все судьи располагались со стороны нашего угла.

Я начал бой жесткими ударами по корпусу. Но Фергюссон был достаточно опытен и умело защищался. Так продолжалось в течение четырех раундов. В пятом я загнал его в угол, провел правый апперкот и сломал ему нос. Он едва продержался до конца раунда. В шестом ему вновь пришлось непросто, и тогда он откровенно повис на мне, совершенно игнорируя команду рефери «брейк». Это было настолько ужасно, что рефери остановил бой. По иронии судьбы, эта дисквалификация могла испортить мой послужной список побед одними нокаутами. Однако на следующий день местная атлетическая комиссия изменила формулировку результата на технический нокаут.

Когда после боя я встретился с журналистами, возникла полемика. Меня спросили о «добивании» Фергюссона после того, как я провел апперкот, и я ответил: «Я хотел ударить его по носу еще раз, так, чтобы косточка его носа вошла бы ему в мозг... Я всегда присматривался к врачебным заключениям. В них отмечается, что, если нос входит в мозг, не может быть и речи о том, чтобы человек сразу же поднялся».

Журналисты рассмеялись, но, возможно, это был нервный смех. Я сказал им то, что говорил мне Кас, слово в слово. Не думаю, что я что-то переврал. Мы с Касом всегда обсуждали науку причинять боль. Ведь я хотел стать по-настоящему злобным чемпионом. Я смотрел по телевизору все эти комиксы, суперзлодей Апокалипсис из сериала «Люди-Икс» был одним из моих любимых героев. Апокалипсис говорил: «Я не злобный, я просто такой». Кейтон и Джекобс хотели, чтобы я был приветлив со всеми, общителен, но я знал человека, который был приветлив со всеми и был врагом сам себе.

На следующий день из-за моей фразы разразился скандал. Нью-йоркские газеты пестрели крупными заголовками: «Подлинный Тайсон – это отморозок?» Один репортер даже додумался позвонить моему прежнему социальному работнику, миссис Коулмен, и она посоветовала мне быть человеком, а не зверем. Но мне было наплевать. Я должен был делать свою

работу. Я не мог стать чемпионом мира в тяжелой весовой категории, будучи пай-мальчиком. А я собирался стать таким чемпионом ради Каса. Мои соперники должны были знать, что, если они столкнутся со мной на ринге, им предстояло рисковать жизнью или здоровьем.

Джимми и Кейтон попытались после этого заткнуть мне рот. Они поручили Стиву Лотту информировать меня о том, что следовало говорить после боя. Джимми даже уволил парня, ответственного за связи с общественностью, потому что тот разослал эту цитату в редакции газет. Вскоре после этого боя Джимми пригласил некоторых специально отобранных журналистов на ужин. Там был Эд Шулер из Ассошиэйтед Пресс, который почувствовал, что Кейтон и Джимми были в отчаянии: им казалось, что могу влипнуть в серьезные неприятности прежде, чем получу звание чемпиона мира. Но это было не так. Думаю, они просто хотели заграбастать побольше денег, пока еще могли. Они не питали уважения к той цели, которой я добивался.

Кейтон и остальные хотели лишить меня истории моего детства в Бруклине, скрыв ее, и дать мне положительный образ. Кас знал, что это было полной ерундой. Они пытались подчинить меня и сделать меня отвечающим их стандартам. Я же хотел, чтобы люди видели зверя, который был внутри меня.

После боя мы отпраздновали победу над Фергюссоном. В то время я пил. Не во время тренировок, а после боев, это было самоуничтожением времени. Я был настоящим алкоголиком. Но во время пьянок я старался избегать внимания нью-йоркской прессы. Мы пировали в Олбани в баре моего друга под названием «Сентябрьский». Это было наше излюбленное место. Иногда туда приходили парни из Нью-Йорка, Бостона или Лос-Анджелеса для решения своих рабочих вопросов, они вели себя как большие шишки. Они были готовы наброситься на нас, маленьких людишек с севера штата, и тогда мы выбивали из них дерьмо. Я не хотел с кем-либо драться и идти под суд, но находились люди, которые дрались вместо меня. Я лишь подстрекал их: «Вдарь этого подонка! Кем он себя возомнил?» У нас бывали возможности повеселиться с чужаками.

Мой следующий бой был 10 марта со Стивом Зоуски в «Нассау Колизеум». До этого Зоуски никому не удавалось нокаутировать, но я в третьем раунде провел несколько апперкотов и сделал это. Однако я не был в восторге от своего выступления. Я тогда свалился со стремянки в своей голубятне в доме Камиллы и повредил ухо. Зоуски во время боя несколько раз попал мне в ухо, и боль в нем сказывалась на моем состоянии. Во время интервью после боя я упомянул эту проблему.

– Мне не понравилось мое выступление, – сказал я Рэнди Гордону, который комментировал бой. – У меня много личных проблем, которые мне приходится решать.

Кейтон позже рассказал прессе, что я имел в виду проблемы с подругой, но это был абсурд. У меня в то время не было подруги. Я был просто подавлен, потому что погибли многие мои приятели из Браунсвилла. Это было варварством. Друзья убивали своих друзей из-за денег.

После боя один из судей заметил заметную припухлость на моем ухе. На следующий день Джимми пригласил специалиста проверить меня, и тот обнаружил серьезное заражение хряща. Меня тут же направили на обследование в медицинский центр «Маунт-Синай» в Верхнем Ист-Сайде. Врач беспокоился, поскольку я мог потерять ухо. Меня на десять дней оставили в больнице, и я прошел курс лечения в барокамере, два посещения в день. Кроме того, мне кололи антибиотики.

Врачи «Маунт-Синай» сказали, что для меня было бы полезно выходить, чтобы подышать свежим воздухом. Поэтому каждый день после второго посещения барокамеры в три часа пополудни Том Патти и мой близкий друг детства Дюран забирали меня на лимузине. Мы гуляли по Таймс-Сквер, тусовались и фотографировались с проститутками и парнями, которые продавали туристам снимки с питоном, обвивающимся вокруг шеи. Мы отрывались

по полной, гуляя ночь напролет. Когда меня привозили обратно в больницу к четырем утра, медсестры были в шоке: «Это не отель, это больница». Когда я показывал врачам свои фотографии с проститутками и питоном, они тоже испытывали шок: «Нет-нет, мы не имели в виду, что вы должны выходить на всю ночь. Мы хотели сказать, что вы должны спуститься вниз, посидеть в Центральном парке, посмотреть на птиц и белок и подышать свежим воздухом».

Это было почти за два месяца до моего боя с Джеймсом Тиллисом на севере штата Нью-Йорк. Когда пришло время поединка, я был не в форме из-за болезни, частых пьянок и интенсивных гулянок. Схватка продолжалась десять тяжелых раундов, и я был рад выиграть по очкам единогласным решением судей. Один раз я отправил его в нокдаун, и это, вероятно, склонило чашу весов в мою пользу. Однако он был очень сильным соперником, до сих пор я еще не встречался с таким. Он так настучал мне по корпусу, что я после боя не мог ходить. Мне пришлось остаться в отеле. Я не смог даже поехать домой. Это была настоящая рубка. Несколько раз во время боя мне хотелось упасть, чтобы просто передохнуть, но я продолжал цепляться за него и висеть на нем, пытаюсь перевести дыхание.

На следующий день Джимми Джейкобс пошел ва-банк и заявил прессе: «Этот бой был для него очередным взятым препятствием. Мы убедились, что он способен довести дело до победного, чемпионского конца». Он был мастером манипулирования прессой, не говоря уже об общественности. Они с Кейтоном организовали беспрецедентную рекламную кампанию. Ни один актер в мире еще не получал такой газетной шумихи. Сейчас это рядовое явление, но тогда они были истинными новаторами в этой сфере.

Менее чем через три недели я дрался с Митчем Грином в Мэдисон сквер гарден. Это был, действительно, сумасшедший ублюдок. Он предпринял попытку воздействовать на меня еще до боя, заявив «*Дейли ньюз*», что, хотя мне девятнадцать, но выгляжу я на все сорок. Когда спортивный комментатор Марв Альберт спросил меня, не задел ли меня Грин, я ответил: «Митч Грин хороший боксер, но он недостаточно красноречив, чтобы меня задеть. В этом плане он меня совершенно не беспокоит».

Это был мой первый бой по новому контракту с телекомпанией НВО⁷⁷, который заключили Джимми и Кейтон. Это было захватывающее ощущение – впервые выступать в большом зале спорткомплекса Мэдисон сквер гарден. Однако взятое у меня до боя интервью на канале НВО не смогло передать этих чувств. Когда меня спросили, наслаждаюсь ли я вновь обретенным вниманием к себе и достатком, я угрюмо пробурчал в ответ:

– Люди не желают понять меня. «Ух, этот парень может заколачивать приличные деньги!» – думают они. Но если бы им пришлось пройти через то, через что приходится проходить мне, они бы рыдали. Это очень угнетает. Каждый чего-то хочет. Точно так же, как ты настойчиво работаешь в спортзале на тренировках, людям следовало бы поработать над тем, чтобы отделить тебя от твоих денег.

В данном случае я был похож на Каса. Пожалуй, мне надо было выглядеть более жизнерадостным, поскольку я все же первый раз исполнял главную роль в Мэдисон сквер гарден.

Грин был хорошо известным боксером. Он был четырехкратным чемпионом турнира «Золотые перчатки» и потерпел первое поражение по очкам в 1985 году в бою с Тревором Бербиком за звание чемпиона Боксерской ассоциации Соединенных Штатов. Но как только мы оказались на ринге, я уже знал, что я побью его. От него не исходило никаких угрожающих флюидов. Бой успешно завершился, и все было нормально. После боя с Тиллисом я хотел более спокойно провести десять раундов. Я знал, что он не мог доставить мне никаких неприятностей, поэтому работал на выносливость. Я выигрывал каждый раунд, и бой

---

⁷⁷ НВО (Home Box Office – «Хоум бокс офис») – одна из первых американских компаний кабельного телевидения.

вовсе не был скучным. В какой-то момент я выбил его капу и мост с парой зубов. Он получил неплохую трепку⁷⁸. Я был настолько раскован, что между восьмым и девятым раундами, когда Кевин нес мне в лицо какую-то бессмыслицу, требуя ударить еще раз, я коротко поцеловал его.

После боя я вновь стал привычно высокомерным.

– Возможно, это хвастовство, но я выиграл этот бой достаточно легко. Я никому не позволю побить себя. Я никому не позволю встать на моем пути, – сказал я прессе.

Следующей моей целью был Реджи Гросс. Он был серьезным, жестким боксером. Его звали Вредителем, потому что он огорчил некоторых хороших боксеров, в том числе Берта Купера и Джимми Кларка, американского олимпийца. Боя практически не получилось, потому что в течение недели у меня был серьезный приступ бронхита. Я страдал бронхитом всю жизнь и уже привык к нему, но это был серьезный случай. В день боя меня показали врачу, и после осмотра он сказал:

– Боюсь, я буду вынужден отложить этот бой. Это достаточно серьезно.

– Могу ли я поговорить с вами, сэр? – поинтересовался Джимми.

Я все прочитал во взгляде Джимми – в тот же день я дрался на ринге. В первом раунде я обрушил на Гросса шквал ударов, он только защищался. Внезапно он решился на обмен ударами, против которого я не возражал. Он выбросил серию жестких ударов, от которых я уклонился, а затем я отправил его в нокдаун потрясающим левым хуком. Затем я пробил еще серию ударов, вновь отправив его в нокдаун. Рефери остановил бой, потому что у Гросса был остекленевший взгляд, однако Реджи стал протестовать.

– Вы не можете даже ходить, но хотите драться? – спросил рефери.

Мои следующие два соперника были калибром помельче. Возможно, Джимми и Кейтон хотели, чтобы после двух побед решениями судей я вновь начал одерживать победы нокаутом в первом раунде. Я оказал им такую услугу с Уильямом Хосе, однако мне потребовалось целых два раунда, чтобы нокаутировать Лоренцо Бойда. Зрители были в восторге от моей молниеносной двойки «правой по корпусу – сильный апперкот правой».

Две недели спустя я привлек всеобщее внимание, нокаутировав Марвиса Фрейзера, сына Джо Фрейзера, за тридцать секунд. Я загнал его в угол, обработал джебом, а затем поставил точку своим любимым ударом, апперкотом правой. Он выглядел серьезно травмированным, поэтому я попытался помочь ему подняться. Мне нравится Марвис, он прекрасный человек.

Несколько недель назад мне исполнилось двадцать лет, и план заключался в том, чтобы к концу 1986 года я стал самым молодым чемпионом мира в тяжелом весе. Ведя переговоры по этому вопросу, Джимми и Кейтон тем временем организовали мне 17 августа в Атлантик-Сити поединок с Хосе Рибальтой.

Рибальта был «игровым» боксером, и, в отличие от Грина и Тиллиса, он, действительно, втянул меня в схватку. Казалось, его невозможно было нокаутировать. Я отправил его в нокдаун во втором раунде, затем снова в восьмом, но он поднимался. В десятом раунде он оказался на канвасе в третий раз, и, когда он встал, я зажал его ударами у канатов. Рефери остановил бой.

Получив уважение зрителей и комментаторов за свое упорство, Рибальта, кроме того, смог также испортить мне вечер. После боя у меня было свидание с молодой красивой студенткой из Университета штата Пенсильвания, с которой я познакомился в сотую годовщину статуи Свободы. Молодая леди проводила меня в мою комнату и уже начала прикасаться ко мне, но я отпрянул от боли.

---

⁷⁸ Митч Грин тоже вырос в Браунсвилле и в детстве входил в банду, противоборствующую банде, в которую входил Майк Тайсон.

– Эй! Пожалуйста, не трогай меня. Ничего личного, но тебе придется уйти. Мне нужен только отдых, – сказал я ей. Она все поняла и поехала обратно в свое заведение. Мы сделали это при следующей нашей встрече.

Она была на поединке и видела, что мне пришлось перенести. Никогда прежде со мной еще не было ничего подобного. От ударов Рибальты по корпусу я чувствовал себя отвратительно даже спустя несколько часов после боя. Рибальта и Тиллис – вот два боксера, которые смогли вогнать меня в такое состояние. Мне никогда больше не доводилось чувствовать такую боль во всем теле. Помню, когда я читал про великих боксеров, я отмечал, как они порой ощущали себя после боев: они частично словно отключались от действительности. Поэтому я понял, что это – часть моей работы.

Переговоры о титульном бое оживились, и Джимми решил, что прежде, чем в конце этого года драться за звание чемпиона в Лас-Вегасе, я должен провести здесь какой-нибудь поединок, чтобы привыкнуть к нему. Мы остановились в доме доктора Брюса Ханделмана, приятеля Джимми. Я начал тренироваться в спортзале Джонни Токко, здорово запущенном старомодном зале без всяких удобств и элементов современной цивилизации, даже без кондиционирования воздуха. Токко был потрясающим парнем, который водил дружбу с Сонни Листоном⁷⁹. На стенах были фотографии Джонни и выдающихся людей прежних времен.

Однажды я был в раздевалке, готовясь к спаррингу, когда меня поразила одна мысль. Я сказал Кевину, что мне не нравится в Лас-Вегасе и я хочу домой. Я действительно, испытывал чувство беспокойства в связи с предстоящим боем. Если я не выиграю у Ратлиффа, я не буду квалифицирован для боя с Тревором Бербиком.

Кевин сообщил об этом Стиву Лотту, и Стив подумал про себя: «ЧБСЧ? Или ЧБСК?»⁸⁰ Затем Стив пришел в раздевалку и постарался привнести позитива:

– Ты – шоу-звезда. Ты нокаутируешь этого парня за два раунда. Ты будешь смотреться просто фантастически. Если тебе здесь не нравится, то мы больше сюда не приедем.

У Стива всегда был очаровательный способ разруливания ситуаций. Конечно же, я никуда не собирался сваливать, я просто зондировал почву. Но Стив, на самом деле, не представлял, что бы сделал Кас. Он посмотрел бы на меня и спросил: «Что, боишься этого парня? Этот парень – просто дилетант. Я буду драться с ним вместо тебя».

Таким образом, 6 сентября я вышел на ринг против Альфонсо Ратлиффа, бывшего чемпиона мира в полутяжелом весе. Не думаю, что он превосходил Рибальту, но он, конечно, не был дилетантом. Это был сильный противник. По-видимому, букмекеры Лас-Вегаса были не согласны с этим утверждением, потому что они принимали ставки не на сам бой, а только на «больше или меньше пяти раундов». Похоже, я изобрел новый тип ставки в боксерском тотализаторе: «больше или меньше определенного количества раундов». До меня такого не существовало. Я поднял искусство букмекерства на новый уровень. Раздался гонг к началу боя, и Ратлифф начал бегать от меня. По сравнению с ним Митч Грин был похож на крутого охранника какого-нибудь политика. Он был настолько плох, что даже ребята из телекомпании НВО не удержались от шуток. «Я задаюсь вопросом: во втором раунде он воспользуется десятискоростным или двенадцатискоростным велосипедом?»⁸¹ – высказался Ларри Мерчант.

На самом деле в следующем раунде он попытался вести бой, но его хватило ненадолго. Я сбил его с ног левым хуком, а когда он поднялся, вновь срубил его несколькими ударами.

– У его велосипеда спустила шина, – отпустил реплику Мерчант.

⁷⁹ Чарльз Л. Листон, более известный как Сонни Листон (1932–1970) – американский боксер-профессионал, чемпион мира в тяжелом весе. Был известен своей агрессивностью на ринге и за его пределами.

⁸⁰ Игра слов: «ЧБСЧ» – «Что бы сделал Чак?», фраза из популярного в США пародийного телевизионного сериала «Чак», переименована в «ЧБСК» – «Что бы сделал Кас?»

⁸¹ Американский боксерский слэнг: «драться на велосипеде» – отступать от противника, бегать от него.

Джимми же, выйдя на ринг после поединка, так прокомментировал бегство Ратлиффа от меня:

– Я ощущал от него бриз.

Вскоре было официально объявлено: я должен был драться с Тревором Бербиком за звание чемпиона 22 ноября 1986 года. Между боями у меня было больше двух месяцев, и Джимми с Кейтоном решили организовать мне цикл теле-ток-шоу, чтобы обеспечить рекламу предстоящему поединку и в целом моей карьере. Я стал ходить на передачу *«Ночная жизнь города»* с Дэвидом Бреннером в качестве ведущего. Дэвид был отличный парень, он относился ко мне с величайшим уважением. Он предсказал, что я стану следующим чемпионом мира в тяжелом весе, но сделал это так тактично, что это значило для меня даже больше, чем слова ободрения другого его гостя, великого экс-чемпиона мира Джейка ЛаМотты, который сделал такой же прогноз.

– Без сомнения, он – следующий чемпион мира в тяжелом весе, – сказал Джейк, подошел и обнял меня. – И если он не сделает все, как надо, я побью его. Так держать, дружище! Ты станешь, как Джо Луис, как Марчиано, может быть, даже лучше.

Когда я услышал это, мое сердце воспарило ввысь.

Затем Бреннер задал Джейку вопрос, ответ на который оказался пророческим:

– Допустим, Майк станет чемпионом. Что вы могли бы ему посоветовать?

– Лучший совет, который я могу ему дать, – это постоянно нагружать себя и представлять себе, что ты на пару лет попал в тюрьму, – сказал Джейк. – И держитесь подальше от всякой дряни. Там много различной дряни.

– Почему это там должно быть много дряни? – спросил я.

– К сожалению, такие парни, как ты и я, весьма привлекательны для дряни, мы притягиваем ее, – ответил он.

Я принял участие в шоу Джоан Риверс. Мне нравилась и она, и ее муж Эдгар. С ними я чувствовал себя хорошо. Я чувствовал, что их энергетика была подлинной. Это был один из лучших периодов моей жизни. Во время интервью Джоан спросила, есть ли у меня кто-то, как Адриан у главного героя фильма *«Рокки»*.

– У меня нет никакой подруги, – ответил я.

– Когда ты тренируешься, у тебя бывает секс? – поинтересовалась она.

– Нет.

– Вот видите, потому-то мой муж всегда и говорит мне, что он тренируется, – заметила Джоан.

Я участвовал также в шоу Дика Каветта, и Дик продемонстрировал на мне некоторые приемы айкидо. Он попросил меня держать его за запястья.

– Восьмидесятисемилетний основатель айкидо может избавиться от хватки самого сильного человека планеты, – заявил он, сделал скользящее движение и освободился от моего захвата.

– Но никакой грабитель не станет вас так держать, – возразил я.

Я был весьма мил на этих теле-шоу, я вел себя именно так, как того хотели Джим и Билл. Но я не хотел этого. Я желал быть злодеем. Я предпочел бы брать пример с футболиста Джима Брауна. Когда я еще только начал ходить по барам в Нью-Йорке, я встречал там прежних профессиональных футболистов, которые играли вместе с ним. Они рассказывали о нем как о легенде:

– Если он приходил сюда и что-то было не так: запах, музыка, которая играла, гвалт от разговоров, – если хоть что-то, по его мнению, было не так, он принимался крушить все вокруг.

Я слушал эти разговоры и думал: *«Черт, как бы мне хотелось быть таким же последним подонком, чтобы обо мне говорили так же. Если Джим был готов уничтожить тебя,*

потому что ему не нравится запах, то я должен просто приходить и убивать всех ублюдков подряд».

По мере приближения 22 ноября я начал тренироваться всерьез. В течение месяца я занимался в Катскилле, затем мы перебрались в Лас-Вегас. Джимми и Кейтон дали мне видеокассету с записью боя Бербика против Пинклтона Томаса. В этом бою Бербик одержал победу и стал чемпионом. Я просмотрел кассету и заинтересовался у Джимми:

– На пленке замедленное воспроизведение?

Конечно, я был высокомерен, но я почувствовал, что мое время пришло. Я представлял себе, как все выдающиеся боксеры прежних времен и боги войны спускаются с небес, чтобы посмотреть, как я присоединяюсь к их плеяде. Они дали мне свое благословение, и я присоединяюсь к их клубу. В моей голове все еще звучали слова Каса, но не в смысле психического расстройства, а в качестве поддержки.

Это тот час, ради которого мы тренировались с тех пор, как тебе было четырнадцать. Мы отработывали все это снова и снова. Ты можешь драться с этим парнем с закрытыми глазами.

Я знал, что Бербик был сильным противником, с ним было тяжело драться. Он был первым, кто в бою с Ларри Холмсом при защите им чемпионского титула продержался пятнадцать раундов. До этого Ларри всех вырубал. Я хотел уничтожить Бербика. В этом случае все начнет воспринимать меня всерьез, потому до сих пор все думали, что я дрался лишь со слабаками и задохликами. Говорили, что я, мол-де, не настоящий боец, что мне организуют легкие бои с какими-то заморышами. Именно поэтому моя основная задача заключалась в том, чтобы уничтожить его. Я хотел покончить с ним в первом раунде. Я был готов покалечить его.

Кевин и Мэтт Барански были точно так же уверены в исходе поединка, как и я. Мы выкладывались на полную катушку. А я еще больше. В день перед боем я заметил на своих трусах какие-то выделения: я подхватил триппер. Не знаю, очевидно, это случилось, когда я был с проституткой или весьма развращенной юной леди. Мы опять остановились в доме доктора Хандлемана, и он вколол мне антибиотик.

Позже в тот же день мы со Стивом Лоттом пошли взять напрокат несколько видеокассет.

– Майк, а что бы Кас сказал об этом парне, Бербике? – спросил тот меня.

У Стива это был способ поставить меня на место Каса и заставить меня думать, как Кас. Стив, однако, не знал, что мне не нужно было думать, как Кас, поскольку Кас был у меня голове.

– Он бы сказал, что этот парень слабак, – ответил я. – И дилетант.

Для взвешивания у меня была одна заготовка. Я внимательно следил за Бербиком, и когда он подошел, чтобы пожать мне руку, я повернулся спиной к его протянутой руке. Поймав его взгляд, я рывкнул: «Что, мать твою, уставился?» Затем я сообщил ему, что намерен нокаутировать его уже во втором раунде. А когда он стал позировать с чемпионским поясом, я закричал: «Пользуйся пока поясом, наслаждайся им! Тебе немного осталось! Скоро он окажется на настоящем чемпионе!» Я был неуважителен и агрессивен. По некоторым причинам Бербик мне в то время не нравился. Плюс ко всему, я хотел отобрать у него пояс. Это была зависть, чудовище с зелеными глазами.

Кроме того, я был в ярости оттого, что тренер Бербика Анджело Данди имел неосторожность похвастаться, будто Бербик побьет меня. Кас всегда завидовал Данди, который вырастил Али, потому что тот получил все внимание прессы. Кас считал, что он не заслужил этого.

– У Бербика стиль боксирования, который сокрушит Тайсона, – заявил Данди прессе. – Тревор испытывает наслаждение при одной мысли о том, что на этот раз ему не придется

гоняться за соперником по всему рингу, что Тайсон будет прямо перед ним. Тревор хорошо работает по корпусу, на его счету уже двадцать три нокаута. Он уверен в своих силах, я также. Думаю, что он остановит Тайсона в последних раундах.

В ночь перед боем я не мог заснуть. Я много говорил по телефону с девушками, которые мне нравились, но с которыми у меня никогда не было секса. Я пытался отвлечься от предстоящего поединка, спрашивая у них, чем они занимаются, но они желали беседовать лишь о бое. Тогда я встал и начал в своей комнате бой с тенью.

В день поединка в час дня я перекусил макаронами. В четыре у меня был бифштекс. В пять еще немного макарон. В раздевалке я съел батончик «Сникерса», запив его апельсиновым соком.

Затем Кевин перебинтовал мне руки и надел перчатки. Пора было выходить на ринг. В зале было прохладно, поэтому Кевин свернул полотенце и обмотал им мне шею. На мне были черные спортивные трусы, которыми я заменил прежние несколько боев назад. Я должен был заплатить 5000 долларов штрафа, поскольку Бербик также был одет в черное, но мне было наплевать. Я хотел иметь зловещий вид.

Я был претендентом, поэтому мне предстояло выходить первым. При моем появлении исполнили песню Тото, но у меня в голове звучала песня Филя Коллинза «In the Air Tonight»: «Я чувствую, это случится сегодня вечером, Господи, / Я ждал этого момента всю свою жизнь, Господи».

Я прошел через канаты и начал ходить по рингу. Посмотрев в зал, я увидел Кирка Дугласа, Эдди Мерфи, Слая Сталлоне. Через несколько минут появился Бербик, одетый в черный халат с черным капюшоном. Он демонстрировал энергию и уверенность, но я чувствовал, что это все было напускное, иллюзия. Я знал, что этот парень не собирается ложиться костями за свой пояс.

Публике представили Али, и он подошел ко мне.

– Надери ему задницу для меня, – сказал он мне.

Пять лет назад Али потерпел поражение от Бербика и после этого поединка ушел с ринга, поэтому я был безумно рад выполнить эту просьбу.

– Это будет легко, – заверил я Мохаммада.

Наконец, пришло время боя⁸². Раздался гонг, и рефери Миллс Лейн жестом пригласил нас начинать. Я набросился на Бербика и принялся осыпать его жесткими ударами. К моему удивлению, он не перемещался и не прибегал к джебам. Он просто стоял прямо передо мной. В самом начале боя я провел удар правой ему в левое ухо, пытаясь повредить ему барабанную перепонку. Где-то в середине раунда мне удалось пробить жесткий удар правой. Я колол его, не останавливаясь, и к концу первого раунда Бербик казался ошеломленным. Он много наполучал, некоторые удары были просто великолепны.

Я вернулся в свой угол и сел. После укола антибиотика я истекал потом, как бар мороженого «С хорошим чувством юмора» в июле. Но меня это не беспокоило: я должен был расправиться с Бербиком. Кроме того, один из моих героев, «Малыш Шоколад»⁸³, постоянно проводил бои, имея сифилис.

– Качай маятник и не забывай про джеб, – сказал мне Кевин. – Ты все время выцеливаешь его голову. Поработай вначале по корпусу.

Через десять секунд после начала второго раунда я ударил его правой, и Бербик упал. Он сразу же вскочил и пошел на обмен ударами со мной. Он пытался отвечать, но его удары были неэффективными. Примерно за полминуты до окончания раунда я пробил правой по корпусу вместо апперкота, а затем апперкот, но промахнулся. Однако затем я выбросил удар

---

⁸² Данный поединок получил название «Судный день».

⁸³ «Малыш Шоколад», прозвище Элихио Сардиньяса Монтальво (1910–1988), кубинского боксера 1930-х годов.

левой и попал ему в висок. Не сразу, но он упал. Я даже не почувствовал этого удара, но он оказался чертовски эффективным. Он попытался встать, но затем снова упал, и я заметил, что он подвернул стопу.

«*Он ни за что не встанет до конца счета*», – подумал я.

Я был прав. Он попытался встать второй раз, шатаясь, пошел по канвасу и вновь потерял равновесие. Наконец он поднялся, но Миллс Лейн обнял его и замахал рукой, останавливая бой. Это произошло. Я стал самым молодым чемпионом в тяжелом весе в истории бокса.

– Вот и все, у нас началась новая эра в истории бокса, – определил Барри Уоткинс, диктор телекомпании НВО.

– Майк Тайсон сделал то, что Майк Тайсон обычно и делает. Это был настоящий бой, – добавил Шугар Рэй Леонард.

– Бой с большой буквы, – завершил Уоткинс.

Я был ошеломлен. Я ничего не чувствовал. Я осознавал, что происходит вокруг меня, но я просто оцепенел. Кевин обнял меня. Подошел Хосе Торрес.

– Я не могу поверить в это. Я б... дь, чемпион мира в двадцать лет, – сказал я ему. – Это, б... дь, нереально. Чемпион мира в двадцать лет! Я же еще ребенок, я, б... дь, просто ребенок.

Джимми вышел на ринг и поцеловал меня.

– Как ты думаешь, Касу понравилось бы это? – спросил я. Джимми улыбнулся в ответ.

Подошел Дон Кинг, сын которого был менеджером Бербика, чтобы поздравить меня. Затем я посмотрел в зал, и ко мне вернулось чувство самоуверенности. «*Да, мы сделали это!*» – подумал я. – *Мы с Касом сделали это!*» Я начал разговаривать с Касом:

– Мы сделали это, мы доказали им всем! Могу поспорить, теперь Бербик не считает, что я слишком маленького роста, не так ли?

Внезапно я осознал, что Касу может быть не по душе то, как я провел бой.

– Все, что ты делал на ринге, было фуфлом, – услышал я его голос. – Но финал был настолько оглушительным, что его будут помнить.

Настало время интервью после боя. Я отдал должное Касу. Я стал на тот момент лучшим боксером в мире, и я был его творением. Кас должен был бы находиться здесь. Ему бы понравилось отругать тех, кто не принимал его в расчет и считал сумасбродом. Он бы сказал: «Никто здесь не может побить моего мальчика. Ему всего двадцать, но никто в мире не может побить его».

– Это момент, которого я ждал всю свою жизнь с тех пор, как начал заниматься боксом, – сказал я, когда началась пресс-конференция. – Бербик был очень сильным боксером. Я не ожидал, что он будет таким же сильным, как я... Я проводил каждый удар, чтобы сломить его. Моя победа останется навсегда, никто никогда не перечеркнет ее. Я хочу жить вечно... И я не собираюсь никогда проигрывать... Проиграть я могу, только умерев. Мне предстояло свергнуть чемпиона мира в тяжелом весе и самому завоевать этот титул, и я сделал это. Я хотел бы посвятить свой бой своему замечательному ангелу-хранителю Касу Д'Амато. Я уверен, что он сейчас смотрит вниз, разговаривает с великими боксерами и говорит им, что его мальчик сделал это. Я думал, что он сумасшедший белый пижон,... а он был гением. Все, что он предсказывал, произошло.

Кто-то спросил меня, кто станет моим следующим соперником.

– Меня не волнует, с кем драться в следующий раз, – ответил я. – Если я собираюсь быть великим, я должен буду драться с любым соперником. И я хочу драться с любым.

Даже Данди похвалил меня после боя.

– Тайсон выбрасывал комбинации ударов, которых я никогда не видел прежде. Я был ошеломлен. Я работал с Али и Шугаром Рэем Леонардом, но только у Тайсона я увидел

комбинацию из трех ударов, ей нет аналогов. Видели ли вы когда-нибудь, как выбрасывают удар правой по почке, затем следует апперкот, а завершает хук левой?

Я не снимал чемпионский пояс всю ночь. Я носил его по всему фойе отеля. Я надел его на продолжение вечеринки и носил его, когда позже отправился выпить вместе с Джем Брайтом, моим соседом по комнате в доме Каса, сыном Бобби Стюарта и боксером Мэтью Хилтоном. Мы пошли в кабак в Лас-Вегасе под названием «Достопримечательность», через дорогу от отеля «Хилтон». Там никого не было, и мы сидели там и пили весь вечер. Я пил водку прямо из бутылки и напился вдрызг. В завершение вечера Мэтью ушел, а я отправился на квартиру к одним девушкам показать им свой чемпионский пояс. Я не занимался с ними сексом, я просто общался с ними. Затем я ушел от них, позвонил другой девушке и завалялся к ней, и мы тусовались. Это было сумасшествие. Вы должны понимать, что мне было только двадцать лет, а некоторым моим приятелям – вообще пятнадцать или шестнадцать. Это небольшая разница в возрасте. И с чего вдруг все ожидали, что, став чемпионом мира, я превращусь в совершенно уравновешенного и организованного парня, соответствующего этому званию? Я был всего лишь развлекавшимся ребенком.

И я чувствовал себя потерянным. К тому времени, как я выиграл пояс, моя душа была надломлена, потому что у меня не осталось никаких ориентиров. У меня не было Каса. Я должен был выиграть чемпионский пояс для него. Мы собирались добиться этого – или же умереть. Не шло и речи о том, чтобы я покинул ринг без пояса. Все эти жертвы, страдания, лишения, муки, самоотдача... День за днем, всегда и во всем. Когда я, наконец, наутро вернулся в свой гостиничный номер, я посмотрел на себя с поясом в зеркало и понял, что я выполнил нашу миссию. И теперь я был свободен.

А затем я вспомнил, что читал кое-что у Ленина, когда жил у Каса, что-то вроде: «Свобода – это очень опасная вещь. Мы должны очень тщательно нормировать ее». Это высказывание я должен был бы принять во внимание и помнить его в последующие годы.

Глава 5

«Меня зовут Майк Тайсон. Я профессиональный боксер. Боксер часто остается в одиночестве. Спарринги, тренировки и особенно пробежки предоставляют мне достаточно времени для того, чтобы подумать. И больше всего я думаю о том, как сильно наркотики вредят людям. Мы можем избавиться от наркотиков, если каждый из нас, один за другим, решит сказать: «Нет». Это короткое слово с большим смыслом. Произнеси его, скажи: «НЕТ НАРКОТИКАМ!»»

Это было официальное заявление, которое я сделал для Управления по борьбе с наркотиками⁸⁴, чтобы его транслировали по радио и телевидению непосредственно перед моей первой защитой чемпионского титула в 1987 году. Я также принял участие в кампании социальной рекламы штата Нью-Йорк. На ней я работаю с тяжелой грушей, а затем поворачиваюсь к камере и произношу: «Все верно, откажитесь от кокаина, и тогда вы сможете победить».

Ирония заключалась в том, что, снимаясь в этих кадрах, я одновременно финансировал наркобизнес своего приятеля Альберта в Браунсвилле. Как раз в то время, когда умер Кас, я стал давать Альберту то пять тысяч долларов, то двадцать тысяч, так что он не должен был работать на кого-то другого. Я не был партнером и никогда не хотел какого-либо дохода от своих инвестиций. Я просто беспокоился о его безопасности. Мы с Альбертом вместе выросли, вместе грабили и крали. И я не хотел, чтобы у него были неприятности, если один из дилеров, на которого он работал, стал бы у него выпытывать: «А где мое дерьмо?» Наркобизнес в Браунсвилле в 1980-х годах напоминал рабство 1820-х годов. Если ты работал на этих ребят, твоя жизнь ничего не значила. Взяв бабло у этого парня, ты уже никогда не сможешь выйти из дела, как бы ни хотел. Если он «крышует» твой бизнес, ты его собственность.

Я думал было взять Альберта к себе, но парни вроде него были слишком асоциальными. У них не было привычки нормально общаться, выступать на вторых ролях, быть лизоблюдами и жополизами только потому, что я чемпион. Конечно, никто и не собирался командовать им. В Браунсвилле мы знали только насилие, даже с людьми, которых мы любили. Альберт был слишком крут, чтобы стать частью моего окружения. Он не мог вести себя, как Майк Тайсон: «Да, мэм, здравствуйте, мэм. Могу я вам чем-нибудь помочь?» Ребята, как он, быстро приходили в ярость и не контролировали своих эмоций. Поэтому я был с ним предельно прост: «Вот, бери деньги».

Мой план, однако, не сработал. Молодой турок в погоне за своей долей застрелил Альберта и пару моих друзей в 1989 году. В то время им было всего двадцать, а был и шестнадцатилетний, у которого тоже была какая-то мечта. Их убил амфетамин, девочки, их бизнес. Многие тогда умерли. Мне пришлось оплачивать много похорон.

* * *

Вернувшись в Нью-Йорк после завоевания чемпионского титула я, не откладывая, сделал две вещи. Первое – я приехал в Катскилл и показал там всем свой чемпионский пояс. Я носил его везде три недели, иногда я даже спал с ним. Однажды я вошел в кухню и попросил Джея Брайта съездить со мной в одно место. Был еще один человек, которому я хотел показать пояс. Я сказал Джею, чтобы он подъехал к винному магазину, дал ему денег и попросил купить большую бутылку шампанского «Дом Периньон». Затем он отвез меня

---

⁸⁴ Управление по борьбе с наркотиками – федеральное ведомство в составе Министерства юстиции США.

на могилу Каса. Когда мы добрались до его надгробного камня, мы оба плакали. Мы произнесли небольшую молитву, затем я выбил пробку, и мы сделали по большому глотку, а остальное я вылил на могилу Каса. Мы оставили пустую бутылку на траве и вернулись.

Вторая вещь, которую я сделал, – это съездил в Нью-Джерси и отдал необходимые распоряжения по маминой могиле. Ее парень Эдди попал под машину и скончался перед моим боем с Бербиком, его похоронили рядом с мамой. Поэтому пришлось их обоих эксгумировать и положить в приличные бронзовые урны. А еще я установил на ее могиле массивное надгробие высотой семь футов, чтобы каждый раз, когда люди приходили на кладбище, они бы знали, что здесь покоится мать Майка Тайсона.

К этому времени я переехал в собственную квартиру в доме Джимми и Стива Лотта. Вероятно, благодаря этому они теперь могли шпионить за мной, потому что я был их дойной коровой. Я хотел наслаждаться своим положением чемпиона. Мы, наконец-то, достигли своей цели, пройдя ради этого через кровь, пот и слезы. Теперь меня могли поставить в один ряд с Джо Луисом и Али. Я был бы не против погреться в лучах славы, но чувствовал себя виноватым и опустошенным. Рядом со мной не было Каса, чтобы насладиться всем этим вместе со мной или дать мне какие-нибудь советы. В первый раз за много лет у меня не было цели или желания что-либо делать. Все могло бы быть по-другому, если бы у меня был компаньон или ребенок. К тому времени у всех моих приятелей были дети, я же был слишком занят боксом.

Кроме того, я чувствовал, что Джимми и Билл делали из меня фальсификацию, подделку, стирая из моей жизни все, связанное с Браунсвиллем, и придавая мне положительный имидж. Но Браунсвилл был частью самого меня, моего характера, он был моим барометром. Он был той сутью, которую Кас как раз стремился сохранить во мне. Теперь же меня заставляли участвовать в этих акциях по борьбе с наркотиками, позировать для плакатов Полицейского управления Нью-Йорка, хотя все знали, что у меня криминальное прошлое. Я побывал в исправительном центре, а теперь вдруг превратился в хорошего парня? Получается, что я, б... дь, был поддельным ниггером, дядей Томом.

Я чувствовал себя дрессированной обезьянкой. Все, что я делал, подвергалось критике, все мои шаги должны были быть заранее продуманы. Когда я ходил на ток-шоу, на мне не хотели видеть красивых украшений. Стив на самом деле попросил меня снять золотые браслеты. Я не желал жить с подобными ограничениями. Я стал чемпионом мира в тяжелом весе не для того, чтобы быть пай-мальчиком.

Джимми и Кейтон хотели, чтобы я был вторым Джо Луисом, никак не Али или Сонни Листоном. Они хотели, чтобы я был героем, а я хотел быть злодеем. Злодея всегда будут помнить, даже если он не сможет превзойти героя. Хотя герой убивает его, именно злодей делает героя героем. Злодей бессмертен. Кроме того, я знал, что имидж Джо Луиса как героя был сфабрикован. В реальной жизни он любил нюхать кокаин и испортил много девушек.

Я хотел, чтобы мне кланялись в ноги и всячески угождали. Я хотел приударить за женщинами. Кас обещал мне, что так будет, однако пока я не наблюдал этого. Предполагалось, что теперь настало мое время на ринге. Однако я продолжал играть роль стороннего наблюдателя, и мне не давали выйти на ринг.

Когда я переехал в свою квартиру, Стив притащил мне большую стереосистему, которая стоила около двенадцати кусков. Он, блин, получил «добро» от Джимми потратить на нее эту кучу денег, моих денег. Позже в том же году мы шли мимо торгового центра «Магазины Форум в Цезаре», и я увидел там часы.

– Купи мне эти часы на твою карту, – попросил я.

– Ты ох... л?! – ответил Стив. – Ни за что!

– Но почему бы и нет? Ты ведь знаешь, я верну тебе деньги, – настаивал я.

– Б... дь, да Джим просто убьет меня! – возражал он.

Вот тогда-то мои бесы и шепнули мне: «Эти белые ребята не собираются заботиться о тебе так, как это делал Кас».

Мне нравился Джимми, но он всегда пытался держать меня в узде:

– Майк, ты должен сделать это, потому что, если ты этого не сделаешь, эта многомиллионная компания будет судиться с нами.

И нам приходилось организовать этот бой или какое-то там еще коммерческое мероприятие.

Я был совсем еще незрелым мальчишкой. В середине съемки коммерческого ролика я мог сказать:

– Я не хочу заниматься этим дерьмом. Я лучше поеду в Браунсвилл потусуюсь там с приятелями.

Я возвращался в Браунсвилл почти каждый вечер, когда не был на тренировке. Мне устраивали там королевский прием, в буквальном смысле этого слова. Когда мои ямайские друзья видели мой подъезжавший лимузин, они вытаскивали свои стволы.

– Залп в твою честь, Майк, из двадцати одного орудия, ниггер! – говорил один из них.

И они делали в мою честь салют из двадцати одного ствола. Бах, бах, бах!

Иногда я гулял по улице со своими приятелями и встречал какого-нибудь парня, который несколько лет назад издевался надо мной. Мои приятели не знали, что у меня с этим парнем была ссора, но они могли как бы невзначай отметить, что то, как тот посмотрел на меня, не говорит о большой любви между нами, и интересовались у меня:

– Ты знаешь этого ублюдка, который посмотрел на тебя? Кто эта сука?

Мне даже не нужно было отвечать.

– На кого это ты, урод, так посмотрел, мать твою? – спрашивал мой приятель. И начиналось! Они метелили его почем зря. Приходилось вмешиваться, чтобы его оставили в покое.

Когда я начал зарабатывать боксом много денег, я приобрел репутацию Робина Гуда. Тот, кто не знал меня, поднимал по этому поводу большой шум, рассказывая, как я появляюсь в Браунсвилле и раздаю деньги. Но это было не совсем так. Тот, кто родом из тех же мест, что и я, привык заботиться о своих друзьях, даже если прошло уже двадцать лет. Так что, если я уехал, сколотил состояние, а затем вернулся, мне следовало кое-чем поделиться со своими друзьями, у которых все сложилось не так удачно. Я брал наличные из офиса Кейтона и делал из стодолларовых купюр тысячедолларовые упаковки. Обычно я носил с собой около двадцати пяти тысяч наличными и раздавал их своим друзьям, когда встречал их. Я просил их купить себе строгий костюм, и в тот вечер мы выходили в свет.

Порой я даже не знал тех, кому давал деньги. Я останавливал машину и раздавал стодолларовые купюры бродягам и бездомным. Я собирал на улицах беспризорников и отводил их в магазин «Спортивные Товары Лестера», чтобы купить всем новые кроссовки. Впоследствии я узнал, что Гарри Гудини⁸⁵ делал то же самое. Предполагаю, что так поступают все быстро разбогатевшие бедняки. Им кажется, что они не заслужили богатства. У меня тоже иногда было такое чувство, потому что я забывал, какого труда мне стоила моя карьера.

Это был, б... дь, район забитых, поверженных в прах, растоптанных, район, кишущий наркотиками, бандитами, развратом и сквернословием. И ты вырос в этой выгребной яме, в этой клоаке. Поэтому просто дай им денег, помоги этим людям. Это не решит их проблем, но сделает их счастливыми.

Всякий раз, когда я раздавал деньги, я обязательно заходил ко всем старым дамам, которые были мамиными подругами. Мы вместе с приятелем подъезжали к известного рода социальному жилью, в котором, как я знал, проживала одна из старых леди, мой приятель

---

⁸⁵ Гарри Гудини, настоящее имя Эрик Вайс (1874–1926) – знаменитый американский иллюзионист, гипнотизер, пролавившийся разоблачением шарлатанов и сложными трюками с побегами и освобождениями.

оставался в машине, а я выходил, стучался в дверь и давал ей немного денег. Я делал это снова и снова. Не думаю, что я был таким благородным, просто я должен был это делать. Может быть, я верил, что тем самым я могу очиститься от своих грехов и купить билет в царство небесное. Очевидно, я искал искупления.

Часто я сильно корил себя, но в Браунсвилле у меня всегда находились приятели, которые не позволяли мне делать это. К примеру, я сидел и жаловался на то, как тяжела жизнь. Тогда один парень, имя которого я лучше не буду называть, посмотрел на меня и поинтересовался:

– Тяжела, да неужели? А кого ты убил в последнее время, Майк? А какой дом ты грабанул и передумал там всех, а, Майк?

Всякий раз, когда я говорил о себе что-либо негативное, мне отвечали:

– Майк, о тебе нельзя сказать ничего плохого. Ты хороший человек. Ты не убегаешь оттуда, где вырос, только потому, что у тебя появились деньги. Если бы ты был плохим, Майк, ты бы сейчас был у нас в багажнике.

Многие мои приятели из Браунсвилла мотали срок в Коксаки, который был не так далеко от Катскилла. С большинством из тех, кто работал в тамошней тюрьме, я вместе ходил в школу, так что, когда я приезжал повидать своих приятелей, которые там сидели, меня вели не в комнату для свиданий, а к ним в камеру, поскольку я был знаком с начальником тюрьмы и со всеми охранниками. Я передавал своим приятелям обувь, свои украшения, и все охранники смотрели в другую сторону. А однажды я шел по коридору, где были камеры, и увидел Маленького Спайка из Бронкса, с которым вместе сидел в Споффорде. Теперь он был не таким уж и маленьким, он был громадиной.

– Эй, Майк. Как дела, чувак? Что ты здесь делаешь? – крикнул он.

Он думал, что меня снова арестовали и вели в камеру.

Я жил этой сумасшедшей двойной жизнью: один день я навещал приятелей в тюрьме, на следующий день тусовался с Риком Джеймсом⁸⁶. Я встречал его несколько раз и раньше, но впервые мы по-настоящему поговорили друг с другом на продолжении вечеринки в честь какого-то нового фильма. Мы были в большом клубе, там было, может быть, тысяча людей, но мы с Риком Джеймсом заметили друг друга, и он подозвал меня.

– Эй, Майк, сфотографируйся вместе с нами.

Он позировал вместе с Эдди Мерфи и Сильвестром Сталлоне. Он прилично заработал, поскольку Эм Си Хаммер взял за основу своего хита «U Can't Touch This» сэмпл из песни Рика, так что Рик вновь был в деле.

В следующий раз я встретил его, когда был в отеле на бульваре Сансет. Я сидел на улице с Рикки Шредером и Альфонсо Рибейро из сериала «Принц из Беверли-Хиллз» и просто отдыхал. Рикки тогда было где-то семнадцать, а Альфонсо, возможно, шестнадцать. Мы сидели и пили, и я увидел, как остановился «Роллс-Ройс Корниш» с откидным верхом и из него выбрался Рик. Он был одет в кричащую рубашку с галстуком, но галстук не был повязан, а рубашка был расстегнута. Он подошел к нам, поприветствовал меня «дай пять», а потом посмотрел на Альфонсо и – бац! – ударил его изо всех сил в грудь.

– Дай мне это чертово пиво! – закричал он и схватил пиво Альфонсо.

– Рик, это ребенок, тебе не следует его вот так бить, – запротестовал я.

Тогда он взял бутылку, отхлебнул из нее и спросил у меня:

– Как дела, ниггер?

---

⁸⁶ Рик Джеймс, настоящее имя Джеймс Амброуз Джонсон (1948–2004) – американский музыкант и композитор; приобрел популярность благодаря своему разгульному образу жизни и злоупотреблению наркотиками.

Рику все было пох... й. Эдди Мерфи и его брат Чарльз рассказали мне историю великого Рика Джеймса. Он как-то работал с Эдди над музыкой и остановился у него. Я зашел к Эдди, и тот пожаловался мне на Рика:

– Майк, этот ниггер кладет ноги на стулья.

У Эдди в доме всегда был идеальный порядок, везде была безукоризненная чистота, все вещи лежали на своих местах. Рик же положил свои вонючие ноги на стулья, его попросили не делать этого, но ему было насрать.

– Нах... й! Я могу делать, что хочу, – заявил он.

Чарли, брат Эдди, подошел к Рику.

– Послушай, ублюдок, ты так не шути здесь, – сказал он и схватил Рика за горло, чтобы утихомирить его.

Рику это совершенно не понравилось. Он встал, отряхнулся и, когда Чарли повернулся к нему спиной, позвал его:

– Эй, Чарли!

Чарли обернулся, и – трах! – Рик ударил его с такой силой, что на лице Чарли можно было различить отпечаток «RJ» от большого кольца с бриллиантом Рика.

На следующий день я снова зашел к Эдди. Эдди с Чарли со вкусом вспоминали, как Принс со своими корешами надрали их баскетбол. Принс играл в туфлях на высоком каблуке, но попадал в корзину каждым броском. Жжжих! Жжих!

Но больше остальных заслуживает упоминания в приобщении меня к миру и образу жизни знаменитостей Энтони Майкл Холл⁸⁷. Когда я, прежде чем стать чемпионом, еще только начал вкушать славу, я часто общался с ним. Он был выдающейся личностью. Именно он был в моих глазах образцом человека с деньгами, настоящей знаменитости. Он их тратил не считая, лимузинов у него было без счета. Он был чрезвычайно щедр. Мне понравилось, как было круто, когда мы катались в лимузине Майкла, поэтому не случайно, разбив свой «Каддилак», я купил именно лимузин.

На этом лимузине я приехал к Эдди Мерфи в его особняк в Нью-Джерси на новогоднюю вечеринку в 1987 году. Это было созвездие знаменитостей, с Альбертом Джозефом Брауном, Бобби Брауном, рэп-группой Run-DMC, Дуайтом Эррингтоном Майерсом. Я был одновременно и самоуверенным, и застенчивым. Но все же не до такой степени застенчивым, чтобы отказаться от мысли посадить в лимузин трех девушек и привезти их к себе на квартиру в Манхэттене.

Мой период воздержания окончился. Я был максималистом во всем, что я делал, включая секс. Как только я начал свободно общаться с женщинами, передо мной открылись широкие возможности. Низкорослые, высокие, утонченные, дурнушки, из высшего общества, с улицы – у меня не было жестких критериев. У меня не было какой-либо тактики в этом вопросе, и, по большому счету, я не знал, как подступить к женщинам.

Как-то я был в Браунсвилле в гостях у одного друга детства, который стал сутенером. Мы сидели в его новехоньком лимузине, разговаривали, и он вдруг остановился и вышел из машины.

– Иди к этому е... ному клиенту! – закричал он на одну из девушек, кучковавшихся на улице. – Видишь вон того уroda на углу? Что ты здесь делаешь, болтая с этими суками?

Затем он вернулся в машину.

– За этими суками нужен глаз да глаз, Майк, – сказал он. – Они постоянно отвлекаются. Чтобы следить за этими суками, мне нужна собака-поводырь.

Однажды я пришел к нему в четыре часа утра.

– Что, черт возьми, ты здесь делаешь, Майк? – удивился он.

⁸⁷ Энтони Майкл Холл (род. в 1968 г.) – американский актер, продюсер и режиссер кино и телевидения.

Я даже не успел сказать ему, что хотел бы трахнуть кого-нибудь из его девушек, поскольку он не дал мне и рта открыть.

– П... дуй отсюда, Майк, ясно? Ты Майк Тайсон. Тебе запахло трахать этих шлюшек и грязных сук.

Иногда я встречался со своими приятелями, с которыми мы вместе совершали грабежи. Теперь у них были свои «Мерседесы», и выглядели они так же шикарно, как и я. Мы веселились, тусовались в клубе, и вдруг мимо проходила красивая девушка со своим парнем. Я начинал общаться с ней, а мои приятели стояли рядом и отсекали ее парня. О-о, в ее глазах я не стоил и цента, меня окружали тупые, невежественные, вооруженные бандиты, все как на подбор. Они смотрели на этого парня, и в их взглядах читалось: *«А что, мать твою, ты здесь делаешь, ниггер?»* Между тем другой парень говорил девушке: «Тебе бы лучше быть милой с моим другом, блин, не то я убью твоего муженька, нах... й!» Такие дела творились в восьмидесятые. Вот так народ развлекался тогда в Браунсвилле.

Я никогда не разговаривал с девушками в Браунсвилле. Они боялись меня, потому что в молодые годы я был весьма груб и относился к ним скверно. Девушки в моем районе всегда видели меня насквозь. Я не умел заигрывать с ними. Иное дело – мои приятели, которые делали это запросто: «Детка, а ну-ка, подойди сюда, давай поговорим». Мне было проще общаться с девушками в мире белых. Я встречался с ними на фотосессиях, или когда давал им интервью, или когда они как модели работали со мной на съемках.

Став чемпионом, я начал чувствовать себя с женщинами несколько более уверенно, но одновременно женщины стали вести себя со мной гораздо более агрессивно. Как результат, я стал решаться на то, что раньше не позволял себе. Так, если меня обнимали, я считал, что схватить за задницу и поцеловать – это в порядке вещей, потому что в свои двадцать лет полагал, что это нормально. Я действительно, верил, что каждая женщина, которая сблизилась со мной, хотела заняться со мной сексом. До того как я стал «Майком Тайсоном», никто не хотел иметь со мной ничего общего. Поскольку я не был большим знатоком женщин, я пытался вновь встретиться с теми, с кем я спал.

Я все еще не мог раскусить женских намерений. Со мной могла начать заигрывать красивая женщина, но я был таким чмошником, что вместо того, чтобы пригласить ее к себе в машину или позвать ее зависнуть в своей квартире, мог начать строить планы о походе с ней в кино на следующий день. Потом я шел домой и мастурбировал, думая о ней. А мог бы поиметь ее прямо там, в ее комнате. Достаточно было только предложить ей: «Почему бы тебе не прийти ко мне прямо сейчас?» Однажды я разговаривал с девушкой несколько часов, и она, наконец, сказала: «Слышь, садись уже в машину и вези меня к себе!» В моей голове сразу же зазвучало: *«Слава богу! Ох, слава богу!»* Я напшикал дезодоранта, хотя у меня в квартире все было в порядке, купил презервативов и попрятал порнофильмы. Все было готово, и я был счастлив.

Я тусовался с более взрослыми знаменитостями в «Колумбе». Они видели, что я нравлюсь девушкам, и предлагали: «Почему бы тебе не приглашать их в отель? Там могли бы вместе пообедать». Они увидели, что я не слишком ловок в обращении с женским полом. Когда девушки стали приходить ко мне в «Колумб», я вел их вниз, где находился туалет. Народа было много, и все видели, как мы туда спускались. Когда мы возвращались, у очередной девушки вся спина была грязной от пола в туалетной комнате. И Поли обязательно бросал реплику: «Эй, Майк, они все возвращаются уже не чистыми».

Освоившись с этой практикой, я уже не мог остановиться. Я был слишком самовлюбленным малым. Я мог тусоваться в своем гостиничном номере в Лас-Вегасе сразу с десятью женщинами. Когда я должен был спуститься на пресс-конференцию, я брал с собой одну из них, а остальные оставались дожидаться меня в номере. Иногда я раздевался, надевал чемпионский пояс и в таком виде занимался сексом. Всякий раз, когда находилась партнерша,

согласная на секс, я всегда был готов к этому. Сумасшествие заключалось в том, что я всякий раз пытался удовлетворить каждую. Это было невозможно: эти дамы были крепкими орешками. Через некоторое время у меня набралась целая картотека женщин в разных городах. Были знакомые девушки в Вегасе, в Лос-Анджелесе, во Флориде, в Детройте. Ох, и зачем только я делал это?

Я совершенно сбился с пути. Я жег свечу с обоих концов: упорно тренировался и так же трудолюбиво веселился – пил, трахался, всю ночь кувыркался с женщинами. Просто удивительно, каким можно быть глупым и эгоистичным дерьмом, когда ты молод и у тебя есть бабки.

В то время я встретил девушку, которая мне более чем подходила. Я познакомился с людьми, которые входили в элиту мира моды. Дело происходило не на какой-то там вечеринке в «Колумбе», а на роскошном международном обеде со знаменитостями. Я тогда вышел в свет с одной моделью, но мой друг Кью рассердился на нее в связи с какими-то финансовыми делами и сказал мне:

– Забудь ее, Майк. Я сведу тебя, пожалуй, с самой красивой девушкой в мире. Она всего лишь подросток, но в ближайшее время станет самой высокооплачиваемой моделью. И тебе лучше было бы познакомиться с ней сейчас, потому что несколько ближайших лет она ни с кем не будет говорить.

Кью пригласил меня на вечеринку, на которой должна была быть эта девушка. Дело происходило в изысканных апартаментах на Пятой авеню. Мы отдохали, и Кью привел эту модель, чтобы познакомить нас. Она оказалась как раз такой, как ее описывал Кью, плюс ко всему у нее был удивительный английский акцент. Можно сказать, она была на вершине своей славы. Мы разговорились. Она знала, кто я такой и, казалось, проявила ко мне интерес.

Мы обменялись телефонами, и на следующий день я нашел ее записку, где рядом с номером она написала: «Наоми Кэмпбелл».

Мы сразу же начали встречаться. Нас тянуло друг к другу. Она отличалась вспыльчивым характером, была страстной натурой и наряду с этим – человеком практического склада. У нас с ней было много общего. Ее воспитывала мать-одиночка, которая лезла из кожи вон, чтобы накопить достаточно денег для отправки дочери в частные школы в Англии. Всю свою жизнь Наоми была привилегированной юной леди.

Мы часто ссорились. Я постоянно бывал с другими девушками, и ей это не нравилось. Думаю, было бы неверно утверждать, что мы по-настоящему любили друг друга, но нам, на самом деле, нравилось общаться. Наоми была сосредоточена на своей карьере. Это был человек с сильной волей, готовый бороться за тебя. Если я ввязывался в какую-нибудь ссору, она всегда была на моей стороне и не боялась вступать в драку. Она также не позволяла никому хамить мне и говорить гадости обо мне за моей спиной. Наоми была всего лишь маленькой девочкой, которая пыталась найти свою дорогу в жизни, мы оба пытались это сделать, а окружающий мир подвергал нас испытаниям. В то время мы ничего не знали о жизни, по крайней мере, я точно ничего не знал. Через несколько лет она оказалась на вершине мира, и никто не мог устоять перед ней. Она могла пожелать любого мужчину на планете. Ее обаяние было неотразимо, под него попадали все.

Но я не был готов остепениться и начать жить с одной женщиной. Помимо молодых леди, с которыми у меня был случайный секс, я стал также встречаться с Сюзетт Чарльз. Она заняла второе место на конкурсе «Мисс Америка», а затем надела корону, когда Ванесса Уильямс была вынуждена отказаться от своего титула после того, как «Пентхаус» опубликовал ее фотографии в обнаженном виде. Сюзетт была очень красивая, зрелая девушка, старше меня на несколько лет.

Что происходило со мной? Почему я менял женщин как перчатки? Я не могу себе представить, чтобы я поступал подобным образом сейчас: ходил к кому-то в гости, заскучав, шел

в другой дом, чтобы провести там время, а в конце вечера, после посещения двух или трех женщин, возвращался бы домой и звал к себе еще кого-то, чтобы провести с ней ночь. Это был безумный образ жизни, но все, с кем я тогда общался, утверждали, что это было нормально, поскольку я тусовался со знаменитостями, которые делали совершенно то же самое.

Так что, в плане общения с женщинами я за рекордно короткое время прошел путь от голодания к пиршеству. Если уж продолжать этот образ, то к столу необходимо добавить еще один роковой персонаж: Робин Гивенс. В Англии я как-то оказался в постели с одной британской цыпочкой, на заднем плане транслировались телевизионные программы, показывали «Соул Трейн»⁸⁸. Я обернулся, чтобы взглянуть на экран, а там была эта красивая негритянка.

– Кто это? – спросил я британскую цыпочку.

Она не знала, поэтому я стал внимательно смотреть передачу и услышал, что гостями передачи были участники телевизионного комедийного шоу «Мастер-класс». Я позвонил своему приятелю в Лос-Анджелесе Джону Хорну, он сделал звонок антрепренеру Робин, и мы договорились поужинать в Лос-Анджелесе по моему возвращению в Штаты. Я пошел вместе со своим приятелем Рори Холлоуэем, которого я знал еще по Катскиллу. Мы встретились в «Ле Дом», хорошем ресторане на бульваре Сансет. В то время я постоянно опаздывал: я считал, что все должны ждать меня. Однако до меня что-то должно было дойти, когда, войдя в ресторан, я увидел там Робин вместе со своей сестрой, своей матерью и своим агентом по рекламе.

Я не знал, что Робин и ее мать, Рут, с момента выпуска Робин из колледжа вели охоту за большой черной знаменитостью для Робин. Я почувствовал исходившие от нее сильные сексуальные флюиды, это была какая-то химия. Она утверждает, что позднее в тот вечер мы остались вдвоем наедине и что я заснул у нее на коленях, пуская на нее слюни. Подозреваю, что это верный способ завоевать женщину – пустить на нее слюни.

После того как я увидел эту парочку в деле, меня поразило, насколько типичной мамашей-паразитом была Рут. Она инвестировала в свою дочь, чтобы та могла либо стать важной персоной, либо, по крайней мере, выйти замуж за важную персону. Они как-то пролезли в сериал «Шоу Косби» и, пользуясь этим, напросились на постой в дом Билла Косби в Лос-Анджелесе.

Я, конечно, не собирался лить воду на ее мельницу, но читать отчет Робин о совместно проведенном нами времени – это все равно что читать отвратительный сентиментальный роман и ужастик одновременно. Описывая первые дни, которые мы провели вместе в Лос-Анджелесе, Робин рассказывала о том времени, когда ее мать и сестра уехали в Японию, а она осталась одна со мной:

«Я не знаю, что ты пытаешься сделать или чего хочет этот мальчик, я не знаю, кому ты хочешь сделать больно, – говорила ей ее мать. – Иногда я верю, что мне, потому что ты считаешь, что я требую слишком многого, а иногда мне кажется, что себе, потому что ты сама говоришь, что не можешь соответствовать моим требованиям. Но я точно знаю одно: если ты играешь с огнем, ты можешь сгореть, и попомни мои слова: с некоторыми вещами слишком опасно играть».

Этот дерьмовым бред звучит, как плохой фильм по телеканалу «Лайфтайм». Возможно, ее мать на самом деле сказала следующее:

– Давай-ка задохмутаем парня. Покажи, чему я тебя учила все эти годы. Это не сработало с Эдди Мерфи или Майклом Джорданом, так давай попробуем этого важного ниггера.

– Мама, о чем ты говоришь?

---

⁸⁸ «Соул Трейн» («Soul Train», возможный перевод – «Негритянский караван») – американское музыкально-танцевальное телешоу.

– Я слишком много трудилась над этим, чтобы ты впустую растратила этот капитал на некоторых...

– Мама, мы же просто веселимся! Или ты считаешь, что я не заслужила того, чтобы немного повеселиться?

Рут Безжалостная⁸⁹ действовала так, словно я был халевщиком, пытавшимся заполучить в свои руки средства шоу «Мастер-класс», которых на самом-то деле не хватило бы даже, чтобы оплатить мою месячную аренду. У них не было ничего, пока на сцене не появился я. Они представляли собой двух разорившихся шарлатанок. У них ничего не было. Они представляли собой один большой мираж.

В своей книге Робин намекает, что мы не спали, но на самом деле я поимел ее в первый же или во второй вечер, когда она пришла ко мне в отель. Вместо этого она утверждает, что мы прогуливались по торговому центру и несколько часов играли в зоомагазине со щенками. Вы видели меня когда-нибудь в этом е... ном торговом центре, меня, чемпиона мира в тяжелом весе? Что, бл... дь, мне делать в торговом центре?

Так что, говоря по правде, я с ней не гладил щенков, а знакомил ее с наркодилерами. Однажды вечером, несколько месяцев спустя, мы шли по Манхэттену, по Шестой авеню и Сорок первой улице, и когда мы проходили мимо Брайант-парка, я заметил одного нарколодера, которого знал еще по Браунсвиллу. Я подошел к нему, мы поздоровались «дай пять», и Робин была поражена, что я знал этого парня. Уверен, она была уязвлена, что ей пришлось стоять рядом с типом такого сорта, ведь она была так вычурна и фальшива. Она просто не чувствовала себя комфортно рядом с нормальными обычными людьми. На мой взгляд, нарколодер из моего района был нормальным обычным человеком.

Я не был в деле более трех месяцев, на тот момент это был самый большой простой в моей карьере. Под делом я имею в виду работу на ринге. Настало время завоевать еще один чемпионский пояс. Джеймс «Костолом» Смит был чемпионом мира по версии WBA, и я отобрал у него этот титул 7 марта в Лас-Вегасе.

В этом бою я не мог выложиться на все сто процентов. У меня было защемление нерва в шее, которое мучило меня в течение многих лет, и в этот раз оно причиняло мне сильную боль. Но я действовал на ринге так, словно я был его хозяином. Я считал ринг своим домом, это было место, где я жил, где я чувствовал себя абсолютно комфортно в его пределах. Но я еще не был закаленным, опытным боксером в полном смысле этого слова.

Со мной тогда было не все в порядке. Я чувствовал себя, как Джон Макинрой⁹⁰. Б... дь, да какая разница? Я всегда испытывал к нему большое уважение. Он был таким грубым зверем, и я ощущал себя им же. Я считал, что мне предоставлено право делать в мире бокса все, что полагаю нужным, а если у меня что-то не получалось, вы могли спросить с меня.

Я вышел на ринг первым. Когда вышел «Костолом» и мы оказались лицом к лицу, я не ощутил от него никакой угрозы. Я знал, что в меня слишком сложно попасть и что он не сможет ударить меня. Он был хорошим, сильным боксером, много раз завершал бои нокаутом, но таким образом расправиться со мной было трудно.

Бой начался, и ко второму раунду стратегия «Костолома» стала очевидна: он собирался клинчевать или же бегать от меня. В начале второго раунда зрители начали свистеть, а в конце этого же раунда рефери Миллс Лейн снял с него очко за затяжку боя. Я же был даже рад, что он клинчевал меня, потому что у меня была такая непереносимая боль от защемления нерва, что этот вечер мог стать для меня весьма скверным. Я чувствовал себя отвратительно и дергался от боли весь бой. Мое душевное равновесие было нарушено. Так что,

---

⁸⁹ Игра слов, построенная на противопоставлении двух понятий: «Рут» («ruth») – жалость, сострадание, милосердие, «Рут-лесс» («ruth-less») – без-жалостный.

⁹⁰ Джон Патрик Макинрой-младший (род. в 1959 г.) – американский профессиональный теннисист, бывшая первая ракетка мира; известен своим неспортивным поведением и неконтролируемыми вспышками гнева.

«Костолом» этим вечером дал мне передохнуть. Он попал в меня только один раз где-то за десять секунд до окончания боя. Я выиграл все раунды.

После боя с «Костоломом» меня упрекали в том, что поединок получился скучным, но что я мог поделаться? Он просто не хотел драться. Когда вскоре после боя я оказался на программе «Би-Би-Си», мне пришлось защищаться.

– Мы все разочарованы поединком с «Костоломом», и я думаю, что вы тоже, – сказал ведущий.

– Я дрался с очень сильным боксером, но у него просто не было желания драться. Он так плотно клинчевал меня, что было почти невозможно освободиться. В это было трудно поверить. Он боролся за титул чемпиона мира в тяжелом весе – по-моему, было самое время проявить себя и выложиться по полной, – ответил я.

– Мы впечатлены вашим благородством на ринге и вне его, но в бою с «Костоломом» вы позволили себе пару раз сорваться между раундами, – ведущий намекал на легкие потасовки.

– Нет-нет, как раз наоборот. Я пытался вовлечь его в бой и был готов сделать для этого все, что угодно. Я бы ради этого даже станцевал чечетку посередине ринга. Я подбадривал его: «Давай же, дерись! Люди платили по тысяче долларов за билеты в первых рядах. Ты должен развлекать зрителей, дать им то, за что они заплатили».

После боя я получил 750 000 долларов аванса от компании «Нинтэндо» за право использования моего образа для видеоигры в бокс под названием «*Майк Тайсон – нокаутирующий удар!*» Ребенком я никогда не увлекался видеоиграми, так что это не слишком заинтересовало меня. Я просто хотел драться, все остальное было для меня чуждо.

В целом я начинал ощущать себя чужаком в этом дерьмовом маскараде со знаменитостями. С тех пор как Кас ушел, мне было не с кем поговорить об этом. Когда Алекс Валлау брал у меня интервью для программы «*Большой мир спорта*» на канале ABC, я сказал:

– Я привык держать многое в себе. Потом мы обсуждали все, что накопилось, с Касом. Теперь же мне не с кем обсуждать такие вещи.

Это был знак, что я готов расстаться с ними.

Я пытался уклониться от ответа, когда ведущий задал вопрос относительно девушек, тем не менее, он решил развить эту тему:

– Не будешь же ты утверждать, что у тебя не появилось множества девушек после того, как ты стал чемпионом мира в тяжелом весе?

– Им нужен не я, им нужны мои деньги. Я каждый день смотрю в зеркало и знаю, что я не Кларк Гейбл⁹¹. Я хотел бы встретить девушку, которая знала меня, когда я был на мели, и считала бы наряду с этим, что я хороший парень. Кас никогда не говорил мне, что это будет так, он уверял, что у меня будет много денег и много девушек и что я буду счастлив. Но он не предупредил меня, что жизнь будет складываться так.

Я был неудачником из Браунсвилла, и вдруг все стали преклоняться передо мной. Это было сумасшествием. А впереди меня ожидало еще большее сумасшествие. Я стал влюбляться в Робин. В этой связи мне вспоминается один эпизод.

Мы шли вниз по бульвару Уилшир в Вествуде. Робин поддразнивала меня насчет чего-то, затем она толкнула меня и бросилась прочь. Я побежал за ней, и когда я, догнав, совсем уже собирался схватить ее, она быстро метнулась вбок. Я упал и, в буквальном смысле, покатился по улице, рядом с проезжавшими машинами. Я несся так быстро, словно мной выстрелили из рогатки. Остановившись, я принял лучшую позу би-боя, исполняющего брейк-данс. На мне была очень дорогая одежда, которая после моего падения вся изорвалась в клочья. Я был весьма смущен, но оставался в этой позе. Несколько секунд я так лежал, разговаривая

---

⁹¹ Уильям Кларк Гейбл (1901–1960) – американский актер, кинозвезда и секс-символ 1930–1940-х годов, носивший прозвище «Король Голливуда».

с Робин, как будто ничего не случилось. Робин стояла и смеялась. По ее мнению, это была самая смешная сцена, которую она когда-либо видела. Вот тогда-то я и влюбился в нее. Уже позже я понял, что этот маленький инцидент в полной мере отражал наши отношения: она дразнила меня, затем уклонялась, и я оказывался в ее руках. Это была игра в шахматы, и я был ее пешкой.

Но как можно было ожидать от меня искушенности в сердечных делах? Робин оказалась первой девушкой, с которой у меня стали складываться настоящие отношения. Не считая Наоми, которая, кстати, вдрызг напилась, узнав про Робин. До этого передо мной проходила вереница девушек, которых я трахал и которым много лгал. Поэтому-то я теперь больше никому не лгу – потому что раньше я слишком хорошо умел это делать. А столько вкалывал я, очевидно, в знак протеста против того, что меня считали важной персоной и пели мне дифирамбы. Я чувствовал себя дискомфортно из-за своей низкой самооценки. Она довлела надо мной, вынуждала меня упрекать самого себя и ставить себя на место. Обо мне говорили так много хорошего, что это зае... вало мне мозги и сбивало меня с толку. Ведь все должно быть сбалансировано, я же не был, блин, святым на самом деле. Я стрелял в людей. Мои социальные навыки состояли в том, что я вырубал парней, причем так, что они теряли сознание. Если у меня это получалось, мне давали хорошую порцию макарон. Вот как меня запрограммировал Кас. Каждый раз, когда я дрался и побеждал, я получал вознаграждение.

Может быть, Робин и была как раз тем самым, что доктор прописал. Плетушей интриги мегерой, способной поставить меня на колени. Я был, блин, прирученным щенком, который увивался вокруг нее: «Все в порядке, пожалуйста, ты можешь красть мои деньги, но не лишай меня своей киски, пожалуйста!» Не поймите меня неправильно, это касалось не только секса. Думаю, я был в основном лишен интимной жизни. Вряд ли я был превосходен в сексуальном отношении. Однажды она сказала, что я был хорош в постели, но я с этим не согласен. Я был просто молодым влюбленным парнем. Прежде я никогда не испытывал этого чувства.

В мае я вернулся на ринг. Моим соперником был Пинклон Томас, весьма известный, сильный боксер. Перед боем была организована пресс-конференция. Я был на сцене и вдруг увидел Робин, которая появилась вместе с некоторыми коллегами-актерами из своего комедийного сериала. Я пришел в полный восторг. Позируя для фотографии, я откровенно рисовался, я был просто счастлив. Для меня это было отклонение от нормы, потому что на пресс-конференциях я всегда был сдержан, зная, что в противном случае у меня будет отталкивающий вид. Журналисты были в замешательстве.

– Что случилось с Тайсоном? – поинтересовался один из них. Потом они обернулись, увидели Робин и сложили два и два.

– Неудивительно, что он так счастлив, – заметил кто-то.

Подошел Пинклон, чтобы пожать мне руку, и я вернулся в образ «Железного Майка». «Отсоси у меня!» – сказал я ему.

– Ах, ты так? Ну и черт с тобой! – сказал он.

– Ты, тупой, дремучий ниггер! Тебе неизвестно, что я бог? Ты должен на коленях сосать мой член, прямо сейчас, за то, что тебе позволили драться со мной, – ответил я.

Сегодня я испытываю стыд за то, что когда-то говорил что-то подобное взрослому человеку.

Я надеялся, что Робин не слышала всего этого. Черт, в ту минуту, когда она вошла, для меня все переменялось. Я спрыгнул со сцены, подошел к ней и превратился в уравновешенного, классного, безобидного черного чувака.

– Привет, ребята. Как у всех вас дела?

Вот об этом фальшивом дерьме Кас как раз и говорил. Мне приходилось метаться, блин, между манией величия и образом безобидного чувака, и это смущало даже меня. Было сложно изображать одновременно двух ублюдков:

«Ты, подонок, я убью тебя, ниггер!», «Как ты себя чувствуешь, любовь моя?»

В этот вечер я защищал два своих чемпионских пояса, так что я был слегка взвинчен и не позволял себе излишней самоуверенности. Пинклот был бывшим чемпионом, который потерпел поражение лишь от Тренора Бербика, и то случайно. Я хорошо начал в этот вечер и почти нокаутировал его в первом раунде. Но он вернулся на ринг и во втором раунде, и в третьем, и в четвертом, и в пятом. Возможно, несколько из этих раундов он выиграл. У него был мастерский, жесткий джеб, это было только касание, и еще одно касание, и вновь касание, но очки набирались.

Между пятым и шестым раундами Кевин в углу набросился на меня:

– Мы будем драться или заниматься фигней, а? Дерись – или просрешь.

Я ответил Кевину, что к шестому раунду Томас уже устал.

В шестом раунде я провел сокрушительный левый хук, который пришелся ему точно в челюсть. Он был настолько дисциплинированным и хладнокровным боксером, что действовал так, словно это его ничуть не беспокоило. Однако я изучал бои великих боксеров, таких, как Робинсон, Марчиано, и знал, что если я попал прямо в цель, то ты уже ранен. Меня не волновало, что у тебя каменное лицо. Поэтому я выбросил столько ударов, сколько мог, возможно, серию из пятнадцати ударов, и завершил ее потрясающим нокаутом. Он был нокаутирован вчистую, он распластался на канвасе, но был настолько храбр, что попытался встать. Однако я видел на его лице гримасу боли и знал, что он не сможет этого сделать. Вероятно, это был самый жестокий нокаут в моей карьере. Я словно колотил грушу, не беспокоясь о том, что будет дальше. Но только подумать, какой характер он проявил! У него все лицо было искажено от боли, а он пытался подняться. Я подумал тогда: *«Проклятье! Ты хочешь еще?»*

Хотя я выиграл бой мастерским нокаутом, я не был доволен своим выступлением в целом и усомнился в том, что Джимми и Кейтон правильно выстраивают очередность боев для меня. Кас прежде, чем он умер, хотел отработать со мной еще некоторые моменты. Однако этих ребят ничто не волновало, они готовы были сводить меня на ринге с кем угодно. Возможно, Кас решил бы, что еще слишком рано устраивать поединок с Пинклоном, и выставил бы меня против кого-нибудь другого. В этом бою я не выглядел достаточно хорошо, хотя нокаут был эффектным. Но Кас был бы на меня сердит. Этого у меня уже не было. Мне больше не приходилось беспокоиться о том, что кто-то мог надрать мне задницу в раздевалке, если ему не понравилось то, как я действовал. Теперь мне не надо было кого-либо слушать. А знаете, как легко можно расслабиться, когда тебя некому вздрючить?

После боя с Томасом у меня стало больше времени, чтобы проводить его с Робин. Мы занимались сексом, но он не был страстным. Она не относилась к тому типу девушек, которые готовы целовать пальцы твоих ног и заниматься подобным дерьмом. Она была прагматична. Я, однако, продолжал считать ее восхитительной девушкой – до тех пор, пока она не уличила меня в измене. Я постоянно изменял ей, и меня постоянно уличали в этом. Я был не слишком изыскан, и она увидела следы от помады на промежности моих тренировочных брюк.

Продолжение было следующим.

– Скотина, мать твою! Как ты мог так поступить? А-а-а! – Она вопила, колотила меня и пыталась пнуть меня по яйцам. Она была непреклонна. Я расстроился и дал ей шлепка, вообразив себе, что этим дело и завершится, но не тут-то было. Она принялась драться еще яростнее. Она не была девушкой из Браунсвилла, она принадлежала к сословию обывателей,

но не стоило недооценивать ее. У нее уже был опыт драчек. Эти сцены напомнили мне о ненормальных отношениях моей матери с мужчинами.

Говоря по правде, я уже устал драться. Я устал драться с Робин, и я устал драться на ринге. Я только сейчас осознал, какой это стресс – быть чемпионом мира и доказывать это снова и снова. Я занимался этим дерьмом с тринадцати лет, и не только на ринге. Мне приходилось доказывать это во время боев и сборов, я всегда дрался с парнями, которые были опытнее меня. Как правило, на спарринге или в обычном поединке с участием чемпиона против него ставят того, кто ему уступает, с кем он легко справляется. Но мои спарринг-партнеры постоянно пытались ударить меня побольнее. У них была специальная инструкция на этот счет. Если они этого не делали, их отправляли домой. Когда ты только начинаешь тренироваться, ты постоянно испытываешь чувство страха. Ты выходишь на ринг не для того, чтобы просто выйти, позабавиться и развлечься – ты выходишь драться против того, кто в прошлый раз здорово, блин, тебя измордовал. Я не мог позволить себе заскочить в бар за углом или встречаться с девчонкой. Я шел домой, окунался в ванну и сосредотачивался на том, как мне провести бой с этим парнем на следующий день. Такова была моя жизнь, и я от нее устал.

Я всегда относился к пессимистам и постоянно находился в подавленном состоянии, но нынешний стресс только усугублял положение дел. Я был постоянно угрюм. 1 августа я должен был вновь выходить на ринг, поэтому мне пришлось начать интенсивные тренировки и проводить их практически без перерыва. Я приехал на сборы в Лас-Вегас и начал тосковать по дому. Я скучал по общению и вечеринкам в Олбани с Рори и другими приятелями. Где-то за месяц до боя с Тони Такером⁹², самого значительного боя в моей карьере за звание абсолютного чемпиона мира в тяжелом весе, объединяющее чемпионские титулы по всем трем версиям, мне пришла в голову одна мысль.

Однажды в спортзале я отвел Стива Лотта в сторону и сообщил ему:

– Я собираюсь завершить свою карьеру и уйти.

Напряжение начинало сказываться на мне. На нервной почве у меня выпадали волосы, причем целыми прядями. Меня даже не волновало, получу ли я третий пояс. Робин, совершенно точно, не являлась для меня якорем стабильности: мы постоянно дрались и временно разошлись. Я получал стресс, даже просто гуляя по улице: ко мне подходили парни и говорили, что они заключили пари, поставив на меня свою жизнь, и я должен выиграть, иначе они потеряют свой дом, и жены их бросят. Я вовсе не хотел, чтобы с этими людьми случились такие беды.

Подозреваю, что я просто никогда не считал себя полностью подходящим для этой работы. Я не был слишком уверен в том, что у меня будет получаться роль доминирующей личности. Между боями я посещал действительно значные места посередине Мухосранска, штат Флорида, которые славились регулярным мордобоем. Я заваливал туда с важным видом, и все эти уроды доставали свои пушки. Я нес какую-то чушь и затевал драку. На мне были бриллиантовые украшения, и меня могли запросто избить и ограбить. Меня могли просто убить к е...ням собачим. Хвала Аллаху, что эти люди не убили меня. Меня можно оставить в любом городе любой страны, и я всегда найду там самую грязную клоаку. Иногда я ходил совершенно один, без какой-либо охраны, тем не менее, меня не подстрелили и не ограбили. Я всегда чувствовал себя в безопасности, когда был в гетто. Меня спрашивали: «Майк, тебе там не было страшно?» И я отвечал: «Черт, мне страшно ходить по Лас-Вегас-Стрип⁹³». Я чувствовал себя в гетто как дома. Я видел, как женщина с детьми шла поздно промозглым вечером, и это напоминало мне мою мать и меня.

---

⁹² Этот поединок получил название «Величайший».

⁹³ Лас-Вегас-Стрип – центральная и самая фешенебельная часть Лас-Вегаса, примерно 7-километровый участок буль-

Примерно за месяц до боя с Такером я сбежал со сборов, отправился в Олбани и начал там гулять. Я гулял две недели подряд. Своим приятелям в ночном клубе я сообщил, что завершил свою карьеру. Однако Джимми дозвонился до меня и стал мне угрожать. Если я откажусь от боя, любой может подать на нас в суд. Я мог завершить свою карьеру, но не мог распоряжаться своей собственной жизнью. Что эти ребята знали о моей жизни? Джимми полагал, что Робин могла бы подойти мне, что она помогла бы мне остепениться. Подозреваю, что Робин была еще большим обманщиком, чем Джим.

Примерно за две недели до боя я возобновил тренировки. Я хорошо погулял в Олбани и поэтому не смог восстановить отличную форму. В первом раунде Такер провел апперкот, который отбросил меня назад. Многие подняли большой шум по этому поводу, но я сам его совершенно не почувствовал. Это означало лишь, что я немного ошибся. В четвертом раунде я начал полностью контролировать ход боя и выигрывал с этого момента практически каждый раунд. Бой завершился, и пока мы ждали решения судей, к нам с Руни подошел Такер.

– Ты чертовски хороший боксер. Не беспокойся, я дам тебе шанс снова встретиться со мной, – сказал он.

– Думаешь, ты победил? – ответил Руни. – Уе... вай отсюда.

Затем Тони начал молиться, но в этом не было необходимости: я и так победил единогласным решением судей. Я, однако, остался недоволен. В то время я не был доволен чем бы то ни было в своей жизни. Ларри Мерчант, который после боя брал у меня интервью для канала НВО, обратил внимание на мое настроение:

– Парню, который только что стал абсолютным чемпионом мира, следовало бы выглядеть немного более счастливым.

– Пока я совершаю ошибки, у меня нет поводов быть счастливым, – ответил я. – Я стремлюсь к совершенству, и я хочу быть совершенным.

После боя Дон Кинг призвал организовать «коронацию», чтобы отпраздновать завоевание мной титула абсолютного чемпиона. Я не хотел никуда идти, но Джимми сказал, что это составная часть бизнеса, поэтому мне пришлось принять в этом участие. Я чувствовал себя участником шоу уродов. Чак Халл, ринг-анонсер, переоделся в средневековый английский костюм. Он был окружен шестью пародийными трубочками из числа лейб-гвардейцев, одетыми в елизаветинские синие бархатные костюмы и шляпы, украшенные перьями. Они строем сопровождали по красной ковровой дорожке двух моих «жертв» – «сэра Костолома» и «сэра Мизинца». Затем Халл объявил:

– Слушайте, слушайте все! Приказом населения мира бокса в этот славный тысяча девятьсот восемьдесят седьмой год объявляется, что в землях, далеких и близких, человек, который лучше всех, стал триумфатором на квадратном четырехугольном поле битвы, а посему настоящим возвещается о том, что он абсолютный чемпион мира в тяжелом весе.

Затем Дон Кинг произнес одну из своих типичных говенных речей. Он всегда хотел быть более известным, чем боксеры. Вслед за этим всех руководителей телекомпании НВО и боксерских промоутеров заставили промаршировать по красной ковровой дорожке. Пел детский хор. Были задействованы такие знаменитости, как Деннис Хоппер⁹⁴ и Филип Майкл Томас⁹⁵, которые раздавали памятные подарки и призы всякой мелюзге. Когда настала очередь моего друга Эдди Мерфи вручать призы, он выдал экспромт: «Человек отмутузил всех подряд – и не получил никакого приза. Зато все белые получили свои призы. Я этого не понимаю».

вара Лас-Вегас, где сосредоточено большинство казино, гостиниц и бутиков.

⁹⁴ Деннис Ли Хоппер (1936–2010) – американский киноактер, кинорежиссер, художник и фотограф.

⁹⁵ Филип Майкл Томас (род. в 1949 г.) – известный американский киноактер.

Самое интересное приберегли напоследок. На плечи мне набросили мантию из шиниллы, а Али возложил мне на голову корону, усыпанную драгоценностями, как выразился Кинг, «финтифлюшками, рубинами и другими классными безделушками». Затем мне вручили ожерелье, украшенное драгоценными камнями, и усыпанный драгоценностями скипетр от «Ювелира Феликса».

– Да здравствует король тяжелого веса! – прокричал Дон.

Я чувствовал себя цирковым клоуном. Плюс ко всему меня попросили выступить. Что, черт бы всех их побрал, я мог сказать?

– Означает ли все это, что мой кошелек станет толще? – пошутил я. – Мне приятно быть сейчас здесь. Я прошел долгий путь. И я намерен отстаивать свой титул так долго, как только смогу.

Я чувствовал себя полным чмошником.

Для следующего боя у меня была дополнительная мотивация. 16 октября я должен был драться с Тайреллом Биггсом в Атлантик-Сити. Я завидовал ему – у него была золотая медаль Олимпийских игр, на которые я не был допущен. Спортивные журналисты, писавшие о боксе, не преминули обратиться к этой теме. Они утверждали, блин, что Биггс мог победить меня. К примеру, Уолли Матьюс из «Ньюсдей» Лонг-Айленда писал: «Имеются большие сомнения в том, что Майк Тайсон действительно силен». Они считали, что мои внеклассные мероприятия за пределами ринга могли препятствовать моему профессиональному росту.

За неделю до боя у меня взяли интервью как раз на эту тему.

– Я никогда никого по-настоящему не ненавидел. Но думаю, что Тайрелла Биггса я ненавижу, – сказал я. – И я хочу преподать ему хороший урок. Я намерен серьезно побить его, очень серьезно.

Я хотел этим сказать, что я был намерен вздрючить любимца Америки. Я желал быть злодеем, но это не означало, что я не хотел золотой медали. Кроме того, как-то Биггс нагрубил мне в аэропорту. Мы вместе летели на Олимпиаду в Лос-Анджелес. Он должен был принять участие в поединке, а я собирался просто быть зрителем и хорошо провести время. К нам подошел какой-то фанат и сказал нам обоим: «Удачи на Олимпиаде!»

– Что? Вы, очевидно, имеете в виду этот рейс, а не его бой. Он не собирается драться на Олимпиаде, – ответил Биггс.

У меня от той сцены осталось весьма паршивое впечатление. Поэтому я упорно тренировался, чтобы надрать ему задницу, – я был мотивирован. Я даже не хочу много рассказывать об этом бое. Это было семь раундов жестокого наказания. Я использовал локти, бил ниже пояса, наносил удары после окончания раунда. Проявилась темная, глупая, грубая сторона моей натуры, которой я стыжусь. Я растянул наказание на семь раундов. Я был молодым, не совсем уверенным в себе ребенком, и я хотел быть кем-то особенным за чужой счет.

– Я мог бы нокаутировать его еще в третьем раунде, но я растянул это удовольствие. Я хотел, чтобы он надолго запомнил это, – сказал я журналистам после боя. – Когда я бил его по корпусу, он повизгивал, словно женщина.

Тут я, конечно, морочил им голову. Я слышал, как он стонал от боли, но отнюдь не визжал.

В следующем бое у меня тоже была личная заинтересованность. Когда мне было только четырнадцать, мы с Касом разговаривали о том, как бы победить Ларри Холмса. Кас предложил мне план: удар правой сразу после джеба. Я считал, что должен был войти в историю бокса победой над Холмсом и отмщением за поражение Али, моего героя. Так Шугар Рэй Робинсон отомстил за Генри Армстронга, победив Фритци Живича.

За три недели до боя Кевин предупредил меня:

– Холмс гораздо сильнее Биггса, а ты готовился к бою с Биггсом лучше, чем тренируешься сейчас. Надо усилить подготовку.

Я так и сделал.

На пресс-конференции, организованной перед боем, мне было скучно. Я всегда ненавидел такие мероприятия. Иногда я даже засыпал на них. Там не было ничего, что я хотел бы услышать. Я хотел просто драться, и у меня не было никакого желания участвовать в такого рода фигне. Дон Кинг нес всю эту чушь, весь этот бред, придумывая на ходу какие-то дурацкие словечки: «Брачный союз кулачного боя и рукопашных единоборств явился вдохновением, созитворением и, прежде всего, раскрепощением...» Кому нужно было все это говно?

Однако от этой пресс-конференции была та польза, что на ней я решил осадить Холмса. У меня укрепился агрессивный настрой, поскольку Холмс высокомерно заявил:

– Я собираюсь войти в историю бокса как победитель. Что касается Майка Тайсона, то он войдет в нее как последний сукин сын. Если же ему доведется выиграть этот бой, то в последующем он уничтожит сам себя.

Подозреваю, что в этот день он выступил в роли Нострадамуса.

Продажи билетов на этот поединок побили все рекорды. Там были все знаменитости: Джек Николсон, Барбара Стрейзанд, Дон Джонсон, Кирк Дуглас.

На разогреве в раздевалке я так завелся, что, на самом деле, пробил дырку в стене. Иногда я мог превращаться в какого-то зверя. Я мог переродиться из рационального человека в иррациональное существо в долю секунды. В эти моменты я вспоминал о том, как надо мной издевались, когда я был ребенком, и отбирали у меня деньги. Я вовсе не хотел проломить стену, но колотил по ней я здорово. Я разогревался и знал, что стена была достаточно прочной. Я бил по ней, бац, бац, бац, а затем – бах! И проломил ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.